

Вячеслав Кумин Берсерк

[://www.fenzin.org](http://www.fenzin.org)

«Берсерк»: Лениздат, «Ленинград»; СПб.; 2006

ISBN 5-289-02433-6

Аннотация

Главный герой оказывается в тюрьме, но сидеть десять лет... Да и за убийство, которое он совершил в камере, ему наверняка навесят еще. Находится неожиданный выход — в тюрьму прибыл вербовщик, и Миха Кемпл попадает в армию. Он проходит все: обучение, бой, плен. После чего переходит в элитный отряд «Берсерк».

Вячеслав Кумин Берсерк

1

Симаниан — город как город, каких много на Вимее, болотистой планете. Бескрайние топи и мелкие озера покрывали всю поверхность, и приезжие вообще не понимали, как здесь жить? Здесь, где по вечерам невозможно выйти на улицу — иначе, как шутили местные, кровососущие паразиты выпьют кровь до капли еще до того, как человек успеет отойти пару шагов от дома. Жить действительно было трудно, но «аборигены» уже ко всему привыкли и, по большому счету, не жаловались, поскольку к их жалобам никто не прислушивался. Многочисленные попытки извести кровопивцев ни к чему не привели.

Город растянулся вдоль горной гряды, возвышавшейся среди болот, как горб всплывшего из глубин чудовища. И на этой узкой полоске сухой и твердой земли, между скалистыми горами и топкими болотами, стояли высотные здания. Места мегаполису не хватало, и потому он рос под землю, на многие этажи уходя в грунт.

В одном из таких зданий располагался финансовый центр «Шмидт и компания», где на минус десятом этаже работал чтец — Миха Кемпл. Ниже находились только технические службы да сейф. Вся работа Кемпла, как и полутора сотен таких же, как он чтецов, состояла в том, чтобы целый день читать почту, приходящую на электронный адрес компании. Круг

интересов компании был очень широк, а потому письма шли сюда самые разные. Работа выглядела не ахти какой сложной и не требовала большой квалификации, но от этого не становилась менее утомительной. Не слишком сложная работа предполагала и не слишком высокую зарплату, но хуже всего то, что она не давала никакого шанса на карьерный рост.

Почему он не мог подняться выше простого чтеца-оператора, несмотря на свое экономическое образование, Миха прекрасно знал. Все упиралось в его внутреннее психологическое состояние. Нет, внешне он выглядел вполне нормально и без изъянов, по которым можно было бы рассудить, что этот человек ни на что не годен, но это только внешне.

Кемпл рос болезненным мальчиком. После очередной болезни у него стал падать слух, а в девять лет, после неудачного падения и удара головой, стало звенеть в ушах. Плюс ко всему он был толстым, а занятия спортом ни к чему не приводили, только жутко болела голова. Врачи ничего не могли сделать, разве что выписали слуховой аппарат. Естественно, что с такими данными Миха стал одиночкой, без друзей и с кучей врагов, которые любили над ним потешаться.

В девятнадцать ему наконец-то сделали абсолютную пластическую коррекцию, приведя его внешний вид в нормальное состояние. Конечно, осталась легкая полнота, но она не выходила за должные рамки. Слуховой аппарат вживили в черепную коробку, так что он стал невидимым. Но это все оставалось только внешней маской, внутри он чувствовал себя все тем же затюканным мальчишкой, которому сложно с кем-либо познакомиться самостоятельно.

Как всегда к концу рабочего дня, от долгого чтения невыносимо болели глаза. Кемпл, в который раз потеряв переносицу, уставился в экран. Он читал очередное послание и удивлялся, сколько же всякой ерунды посылали в фирму. Здесь были угрозы, рекламные сообщения, деловые предложения, спам, вирусы, норовящие уничтожить систему. Весь этот мусор он удалял в корзину после беглого просмотра. За весь день чтец передал в следующую инстанцию только два сообщения, которые могли заинтересовать руководство. Кемпл знал, что половину отправленного такими, как он, наверх, забраковывают «серые чтецы»; сам он относился к «черным».

Надвигался очередной приступ «белого шума», так он называл приступы необычайно громкого звона в ушах, который время от времени его настигал, и тогда хотелось орать во всю глотку, лишь бы заглушить этот сводящий с ума звон. Но был и другой способ противоборства.

Миха воровато осмотрелся вокруг и даже привстал с кресла. Того, кого он искал, поблизости не наблюдалось, а именно, старшего менеджера — бочковатого человечка с липкими ладонями, следившего, чтобы все его подчиненные добросовестно работали, а не играли в игры на рабочем месте.

Кемпл, скрипя зубами от все увеличивающегося звона, вытащил бусинки наушников от плеера и как мог незаметнее вставил их в уши. Обычно звон проходил через пятнадцать, двадцать минут, следовало лишь его перетерпеть, поскольку медицина тут была бессильна. На диске имелись только его любимые песни, и он, также воровато озираясь, включил воспроизведение.

2

Песня, быть может, и была не в тему, но именно она возрождала его детские мечты. Он видел себя бесстрашным десантником, твердо ступающим на неизведанную территорию с автоматом наперевес, готовый к любым неприятностям, будь то восьмиглазый монстр или мифический «зеленый человечек» с бластером в руке. Но сегодня его фантазия пошла по другому пути.

Последний отчет.

Твой шаг туда,
Где железа игла.
Потом в никуда.

Экран расплылся в белое пятно, исчез, и вот Кемпл уже сидит перед вербовщиком: под рукой контракт, и Миха широким росчерком ставит свою подпись.

Где реальность не стоит
Несказанных слов,
Где меня ожидает
Страна моих снов.

В следующий момент он уже сидит в летном декомпрессионном костюме пилота-истребителя, в демонстрационном зале. Рядом двадцать таких же, как он, пилотов внимательно следят за манипуляциями бравого полковника. Тот тычет примитивной указкой в голограмму планеты, указывая на какие-то точки на поверхности, и Миха скорее чувствует, о чем идет речь, чем слышит: «Прорваться и раздолбать!»

Миха с остальными в один голос отвечают: «Прорвемся и раздолбаем, сэр!»

Мне нет пути назад,
Разрушены мосты,
И мой прощальный взгляд
Поймать не сможешь ты.

Миха сжимал в руках штурвал истребителя «рампарт», он летел выполнять задание полковника. Двадцать истребителей летели под прикрытием тридцати легких машин прикрытия «спейер». Планета все ближе и ближе, но вот из-за невероятно малой луны или попросту захваченного притяжением астероида выскочило до полусотни машин противника, одноклассники «рампарт» — «сурфы».

Самолеты прикрытия рванули вперед, принимая драку с врагом, полетели ракеты и яркими дорожками обозначились пушечные и пулеметные очереди. Несколько машин, как с той, так и с другой стороны, разлетелись в куски.

Я вижу сон, я вижу свет,
Я жгу костер больших побед,
Я вижу сон, где я герой,
Где все мое, где ты со мной.

Кемпл больше не слышал слов песни, будучи уже не в этой реальности. Он ворвался в самую гущу схватки и открыл огонь из пушек. Снаряды ушли вперед и попали точно в хвостовое оперение противника. Семнадцать истребителей продолжили движение к цели, не заостряя внимания на схватке «спейеров» с «сурфами», да и не могли они себе этого позволить с тяжелыми бомбами и крылатыми ракетами под брюхом машины. Но три машины прорваться так и не смогли.

Тряска и огонь осталась позади, и дали о себе знать первые посланцы противовоздушной обороны. Миха дергал машину из стороны в сторону, уходя от ударов. Ракеты рвались сзади, отведенные умным лучом подавителя систем наведения или электромагнитными обманками. Краем глаза Кемпл заметил, как один пилот не успел отвести машину, и ракета взорвалась, в один момент настигла истребитель тысячей разрывных шариков, «рампарт», загоревшись, но уже без пилота, камнем пошел вниз.

Только пятнадцать машин добрались до своей цели после обстрела комплексами ПВО. Но на этом неприятности не закончились. На горизонте виднелись черные точки

атмосферных самолетов «лирва». Расстояние стремительно сокращалось, и вскоре закрутилась новая заварушка. Вновь в дело пошли пушки и легкие ракеты ближнего боя.

Миха ушел в мертвую петлю в надежде сбросить две машины, сидевшие у него на хвосте, но это оказалось непросто. Легкие самолеты небрежно повторили его маневр и вклепили ему в верхней мертвой точке пару очередей в корпус «рампарта». Тогда он сделал бочку с разворотом на месте, что оказалось для его преследователей полной неожиданностью, и пустил ракеты, добавив из пушек. «Лирва», теряя элементы брони от пушечного огня, напоролась на ракету и расцвела в яркой оранжевой вспышке, которую, впрочем, вскоре сменил черный дым.

Третью атаку отбили. Самолеты улетели, открывая десяти оставшимся истребителям дорогу к цели, которая была уже совсем близко, в какой-то сотне километров.

Истребители снизились до десяти тысяч метров, и на дистанции в двадцать километров выпустили крылатые ракеты. Оставляя за собой ниточку дымного следа, они, словно нехотя пошли к своим мишеням. Ракеты все стремительней проходили через заслоны подавителей и скорострельных пулеметов, правда не все. Лишь половина добралась до места назначения, и жуткие взрывы сотрясли землю, поднимая в воздух строения и сметая тарелочные и шпилевые антенны.

Истребители продолжали свое движение, ведь им еще требовалось сбросить бомбы: для полной зачистки территории от вражеской инфраструктуры. Но им старались помешать из всех сил. Откуда-то из лесу вертикально вверх били зенитные пулеметы. Несколько точек образовывали в небе квадрат, куда заключали летящую машину. Квадрат постепенно сужался, и вскоре истребитель обломками падал на землю.

Пилоты пытались этому помешать и спускали на следующие точки свои оборонительные ракеты. У кого их не было, работали пушками. Но это помогало мало, и снова на землю рухнул истребитель, зажатый со всех сторон сразу десятью зенитками, которые искромсали его вдоль и поперек.

Кемпла самого чуть не поймали в подобную коробочку, но он, встав на ребро, прошел в образовавшуюся на секунду щель между стенками сплошного огня. Вероятно, зенитчик сплосховал, или просто от вибрации слетел с курка палец.

Но как бы ни был долог и труден путь, он все же рано или поздно подходит к концу. Восемь машин пронеслись над местом взрыва собственных ракет и сбросили бомбы. Умные компьютеры-камикадзе маленькими маневровыми движками скорректировали свободное падение бомб, нацеливаясь на предполагаемые подземные бункеры центра управления.

Восемь слабеньких поверхностных взрывов никого не ввели в заблуждение. Основной подрывной заряд вслед за плазменной струей, будто стилет, уходил глубоко под землю, словно в живую плоть. Наткнувшись на плотную породу, происходил взрыв, пробивающий бетонные укрепления, а следующий выжигал все внутри бункера.

Между тем самолеты единым строем уходили на орбиту. Им вслед летели ракеты ПВО, нагоняя истребители на самом трудном участке пути, когда они были еще не в космосе, но уже и не в плотной атмосфере планеты, когда особенно не поманеврируешь, уходя от посланца.

Снова взрывы. Многие ракеты подорвались на банальных противоракетных шашках, но некоторые все же заделали «рампарты», и те начали движение вниз. Сначала медленно-медленно, а потом все быстрее и быстрее, но поверхности так никто и не достиг, три машины взорвались гораздо раньше.

Космос встретил машины безмятежным спокойствием, ему не было никакого дела до страстей каких-то козляков, появившихся на свет по нелепой случайности, их жизнь для него мимолетна, почти мгновенна. Миха Кемпл, как и оставшиеся в живых пилоты, направили свои машины на поджидавшего противника. Пять машин вклинились в двадцатку «сурфов».

Снова закрутилась кошмарная карусель. Миха с ожесточением вертел штурвалом, бросая машину в невероятные маневры, умудряясь уходить сразу от пяти ракет и стольких же пушечных очередей. Его друзья гибли один за другим, и он, как мог, мстил за них, выводя

из строя машины противника и даже сбив парочку.

На помощь пришли задержавшиеся машины прикрытия, и Миха с обломанными плоскостями и простреленным корпусом влетел в свою ячейку на авианосце. Кемпл выпрыгнул из кабины и осмотрелся по сторонам. Выходило, что он не единственный уцелел, но второму повезло гораздо меньше, его вытаскивали техники из простреленной кабины «рампарта». Подбежал врач, как курица покудахтал, накрыл лицо пилота простыней.

— Эй, парень, ты где?!

Неприятный голос старшего менеджера, вынувшего бусинку беспроводного наушника из уха за крошечную антенну, вырвал Мihu из царства грез.

— Тебе здесь платят не за то, чтобы ты слушал музыку и тупо пялился в экран, или я что-то путаю?

— Нет, сэр, вы абсолютно правы...

— Или ты уже все сделал?! — продолжал кричать менеджер, не слушая оправданий Кемпла. — Мне так не кажется! До конца рабочего дня еще полтора часа, так что, будь так добр, принимайся за работу! А пока на тебя налагается штраф...

И Миха понуро уставился в экран, выключив плеер, поскольку слух у менеджера, в отличие от Михино, был прямо-таки собачьим, а шутки с менеджером — плохи.

3

Полтора часа тянулись как резиновые, но хорошо, что хоть звон в ушах практически прошел, а оставшийся гул держался на терпимом уровне. Миха Кемпл просматривал очередное сообщение, на сегодня уже последнее: «Предлагаем вам широкий выбор двигателей самых последних разработок, новейшие системы...»

Кемпл не стал читать сообщение до конца. Компания не работала с двигателями, а потому он просто отправил сообщение в утиль. Прозвучал гонг, возвестивший окончание трудового дня, и все стали собираться, выключая компьютеры. Собрался и Миха Кемпл.

— Прости, что не предупредил, — извинился его сосед. — Я сам не заметил, как он подошел.

— Это уже неважно, — отмахнулся Миха, ни на грош не поверив своему доброжелателю. Тот банально отомстил ему за отказ дать займы двадцать реалов, и Кемпл это понимал.

На улице лицо обдул ночной ветерок, несущий легкий болотный запах, который, впрочем, молодой человек не замечал, поскольку не знал другого запаха. Поздним же возвращением Кемпл был обязан работе во вторую смену. На такси Миха добрался до окраины города, где фонари стояли не в пример реже, чем в центре. Городские власти объясняли это свойством света привлекать комаров, но на деле попросту не интересовались городскими окраинами.

Кемпл старался как можно быстрее добраться до своего дома. Ночами здесь орудовала банда Кудряшки Сью, промышлявшая мелким разбоем. Миха частенько попадался им и по первости терял значительные деньги. Совсем без денег тоже попадаться не рекомендовалось: могли серьезно избить — и потому у него всегда в кармане имелось десять реалов как некая плата за проход и возможность отделаться только легкими, хоть и болезненными тычками.

Шаг время от времени замедлялся, откуда-то появились мысли о самоубийстве. «Что лучше, — отстраненно подумал Миха, — повеситься или же спрыгнуть с пятидесятого этажа? Или же броситься под колеса грузовика? Нет, водитель может попасться с очень хорошей реакцией, и успеет затормозить...»

Он уже начал всерьез выбирать один из двух вариантов. Прозабавать серой мышкой не хотелось. Жил он с родителями, но на их чувства сейчас решительно плевал. Недавно, совершенно случайно, он узнал, что родился после десятой беременности, и в этом видел причину своих бед, поскольку прошлые беременности были прерваны сознательно, а ведь он был только вторым, и последним, ребенком. Он полагал, что в ослабленном организме

матери мог зародиться только больной уродец, и, собственно, себя им и считал. «Что они не предохранялись-то?» — в который раз подумал Кемпл.

С тяжелыми мыслями он продолжал движение по темной улице Красноперского к дому двенадцать, куда не рискнул заехать таксист. Когда Миха уже думал, что на этот раз ему повезло, послышались крики десятка довольных развлечением бандитов — и одной жертвы.

— Ну же, детка, спой нам! — хохоча, кричал Кудряшка, абсолютно лысый здоровяк двухметрового роста, перебрасывая сумочку другому бандиту через голову жертвы. — Споешь, и мы отдадим тебе твою сумочку, нам чужого не надо! Правда ведь?!

Члены банды с готовностью подтвердили слова вожака, весело махая руками и перекидывая сумку из рук в руки.

— Отдайте! Ну отдайте же! — кричала ничего не понимающая жертва.

— Мы же не просим тебя станцевать стриптиз, а ведь могли бы... — уже жестче сказал Сью.

Миха не знал ее, но был уверен, что где-то уже видел. И действительно вспомнил, что встречал пару раз в этом переулке. В спину кто-то сильно ткнул, и Миха непроизвольно ойкнул от неожиданности. Обернувшись, узнал еще одного члена банды, с ярким ирокезом на голове.

— Давай двигай, — нейтрально сказал тот. И уже громче добавил своим друзьям: — Смотрите, кто здесь! Наш Донор пожаловал, дать нам займы немного денег!

— И вправду Донор...

В «Доноре», под смех шайки, Кемпл сразу же опознал себя. Мысли о суициде куда-то сразу исчезли, из недр сознания стала подниматься первобытная злоба. Ведь его унизили при женщине, пусть та сама была не в лучшем положении. Почему-то он почувствовал, что она такая же, как он, своего рода родственная душа. Такая же переделка, как и он сам.

— Ирокез, ты вовремя, — махнул рукой Кудряшка. — Только вот теперь не знаю, как нам быть. Может, организуем хоровое пение?

— Как скажешь, Сью, — ответил Ирокез, привычно доставая из кармана десять реалов и отдавая их вожаку. — Дело твое.

— А еще лучше пускай действительно станцуют... стриптиз, — предложил кто-то противным голосом. — А еще лучше совокупятся!

— После такого, да еще при всех, у него не встанет, — авторитетно заявил Ирокез.

— Нет, пускай лучше споют... — Кудряшка Сью подошел к поставленным рядом двум жертвам. — У-тю-тю... Ну давайте, жили у бабуси-и два веселых гуся. Один белый, другой серый... Ты будешь серым, а ты белой. Ну давайте, подхватывайте, жили у бабуси-и два ве...

Больше Миха стерпеть не мог. Серая мышка, серый гусь, такая «серая» аналогия окончательно взвинтила Кемпла, и он, неожиданно даже для самого себя, со всего размаху врезал главарю в челюсть. Кудряшка упал, растянувшись на асфальте, но не столько от удара, сколько от неожиданности. Остальные бандиты стояли, словно замороженные, также не зная, что предпринять: сразу убить наглеца или помучить.

— Неплохо, — сказал Кудряшка, вставая и потирая челюсть. — А теперь смотри, как правильно нужно бить.

Миха не убегал и не сопротивлялся. Усилием воли он заставил опустить свои чуть поднявшиеся руки вниз, понимая, что оборонительная стойка в его исполнении будет выглядеть нелепо и смешно. Сью сделал шаг вперед и коротким, хорошо поставленным ударом в голову свалил Кемпла на землю.

Кемпл упал на спину, отлетев на метр. В момент удара он явственно видел искры, посыпавшиеся из глаз, как обычно показывают в мультфильмах. В довершение ко всему, при падении он сильно ударился головой, отчего в глазах все поплыло и вскоре погасло совсем. Так же медленно умерли все звуки.

Пробуждение после нокаута пришло резко. Сколько провалялся в бессознательном состоянии, Миха не знал, но банда была еще здесь, а Кудряшка принимал искренние поздравления от членов своей группы. Из этого юноша сделал вывод, что обморок

продолжался всего секунды три, не больше.

— Классно ты ему врезал! — говорил все тот же противный голос, что предложил танцевать групповой стриптиз.

— Да, круто ты его приложил...

Кемпл почувствовал неудобство, он лежал спиной на какой-то палке. Хотя он мог поклясться, что еще минуту назад здесь не было никаких палок. Впрочем, эти размышления он оставил на потом. Миха схватился за неожиданное оружие, рывком встал и ринулся на своего обидчика. Кемпла заметили слишком поздно, и тот с размаху обрушил свою дубину на Кудряшку.

Блок не помог Кудряшке, сила удара была такова, что брусочек смял наспех поставленную защиту и врезался в грудь, отбросив Сью в сторону. При этом палка толщиной с руку сломалась пополам, но и оставшегося обрезка хватило, чтобы врезать обладателю противного голоса. В надежде отвести удар тот выставил вперед руки, за что и поплатился сломанными пальцами.

Жуткий крик огласил пустые улицы темного квартала. Крик словно послужил сигналом для остальных членов банды, и те набросились на Кемпла, не дав ему покалечить еще кого-либо. Повалив Миху на дорогу, они стали избивать его ногами, но боли он почти не чувствовал: казалось, что должно быть гораздо больнее, и это обстоятельство несколько удивило его.

Избиение прекратил звучный голос главаря:

— А ну, прекратить безобразия!

4

Главарь, передернув плечами, прошел через расступившуюся толпу и протянул руку Кемплу.

— Вставай.

Миха, не зная, что и думать, протянул руку в ответ и поднялся с помощью Кудряшки, после чего отряхнулся.

— Повеселились, и хватит. Меня зовут Сью Ньюман или Кудряшка Сью.

— Миха Кемпл... э-э... Донор.

— Ну вот и познакомились.

— Так-то оно так, вот только не пойму, с чего это ты такой добрый? — подозрительно спросил Миха.

— А черт его знает, не знаю! — честно признался Кудряшка. — Пойдем, лучше я тебя... и твою подругу чем-нибудь угощу, тут недалеко.

— Пойдем.

Его «подруга» стояла, не шелохнувшись. Сумочку ей вернули, и она сочла за благо не сопротивляться, поскольку, как видела, имелись все шансы на благополучное завершение истории, и рыпаться смысла не имело. Потому как еще неизвестно было, как все закончится, начини она сопротивляться.

— Хорошо ты меня отделал, — сказал Кудряшка. — Хорошо еще, руки не сломал, хотя грудь до сих пор болит, не говоря о самих руках.

— Ну извини.

— Да нет, ничего, сам виноват.

Подходя к бару, группировка рассеялась по своим делам, раненого с переломанными пальцами куда-то увели. «Наверное, к лекарю, не задающему лишних вопросов», — решил про себя Кемпл. С главарем осталось только трое верных соратников да двое приглашенных.

У бара «Костлявая рука» было гораздо светлее, но и комаров звенело предостаточно, потому снаружи никто не стоял. Кудряшка решительно толкнул дверь и вошел сам, приглашая остальных. Прибывшая группа оккупировала свободный столик в дальнем углу, а официант, зная вкусы пришедших, быстро принес напитки.

— Все-таки не пойму, с чего такое благородство? — спросил Миха, отхлебывая принесенное пиво. Пиво ему не понравилось, но виду не подал.

— Не знаю, может быть, скучно стало, захотелось пообщаться с новыми людьми. Я ведь человек добрый... в глубине души.

— Это я уже понял.

— Как? — спросил Сью с неподдельным интересом.

— По перекидыванию сумочки и просьбы только лишь спеть. — При этом Миха покосился на рядом сидящую нервно елозившую на стуле девушку. — Хотя мог бы запросто что-нибудь более серьезное сделать, никто бы тебе не помешал.

— И то верно, хотя я уже готов был перейти, как ты сказал, к более серьезным вещам. Обозлились мы от безденежья, доходы падают, вот и куражимся помаленьку. Ладно, с этого дня можешь спокойно ходить по нашему району, никто тебя и твою подругу не тронет.

— Спасибо, конечно... а что, с деньгами совсем худо?

— Плохо; а что, ты можешь помочь? — Кудряшка криво усмехнулся.

Раз уж он завел этот разговор, то нужно было отвечать. Работать чтецом в компании не осталось никаких сил, и потому Миха Кемпл решил:

— Могу.

— А вот теперь скажи мне, с чего это Ты такой добрый стал? Уж не вспылал ли ты ко мне такой благодарностью, что решил мне помочь просто так?

Члены шайки негромко посмеялись.

— Решил начать новую жизнь, а, как известно, для новых начинаний всегда нужны деньги.

— Это уже более реальный разговор, — согласился Кудряшка Сью. — Итак?

— Все очень просто, — начал объяснять Миха. — В компании, где я работаю чтецом, есть сейф с наличностью.

— Что там делает наличка? Не проще ли оперировать безналичным расчетом?

— Дело в том, что «Шмидт и компания» занимается не всегда легальными операциями, проще говоря, отмыванием денег.

— Уже теплее. А откуда ты, собственно, все это знаешь? — подозрительно спросил Сью.

— Я чтец, но с экономическим образованием, и заподозрить неладное мне не составило большого труда. Когда изо дня в день перечитываешь мегабайты писем, на первый взгляд абсолютно сумбурных, но в сумме обладающих некой последовательностью, рано или поздно появляются кусочки, из которых складывается очень даже интересная мозаика.

— И сколько там примерно бабок? — не выдержав, поинтересовался Ирокез.

— Миллионы, десятки миллионов. Одно плохо: скорее всего, они небольшого достоинства, в двадцать и пятьдесят реалов.

— Это ничего, но ведь мы не сможем просто так войти и забрать деньги.

— Нет, конечно, но у меня есть первичные коды, и если у вас найдется хороший программист, то он сможет взломать защиту. Сейф с деньгами находится на минус пятнадцатом этаже, вам...

— Стоп. Подробности оставим на потом, мне нужно обо всем хорошенько подумать. Встречаемся завтра здесь же, в это же самое время, вот тогда обо всем и поговорим.

— Хорошо.

Мелкие бандиты встали из-за стола и, не прощаясь, ушли, оставив своих недавних жертв в одиночестве.

— Хоть расплатиться не забыли, а то я совсем пустой, — сказал Миха и, повернувшись к спутнице, спросил: — Как тебя зовут-то хоть?

— Ингрид.

— Какие у тебя планы на сегодня, Ингрид? — неожиданно для самого себя спросил Миха.

Познакомиться с девушкой для Кемпла было делом немыслимым, а тут такой прямо-

таки двусмысленный вопрос. В это трудно поверить, но в свой двадцать один год он все еще оставался девственником. Однажды во время отсутствия родителей, когда те уехали на курорт в соляные пещеры на спутнике планеты-гиганта, Миха хотел вызвать девочек на дом, но так ничего и не получилось. Еще до того, как он взял телефон, сердце забилося так часто, что кровь застучала в ушах, а когда он все же решился набрать номер, то кончил на последней цифре десятизначного номера. И так несколько раз подряд, и каждый раз результат для него был самым, что ни на есть плачевным, трусов только целую пачку извел.

— Теперь уже никаких, особенно после всех этих ужасных событий. А что, у тебя есть какое-то предложение?

— Есть, — нагледя с каждой секундой, ответил Миха Кемпл. — Я думаю, нам нужно познакомиться поближе, а поскольку ни у меня, ни, как мне кажется, у тебя — денег нет, то предлагаю отметить наше знакомство у меня дома.

Миха с замиранием сердца ждал ответ. Именно сегодня его родители в очередной раз улетели на Тансению в эти соляные гроты, что оказалось очень даже кстати.

— Давай познакомимся, но сразу предупреждаю — без рук!

— Хорошо.

5

Миха как заправский официант накрыл стол в гостиной, из отцовского бара вытащил бутылку вина, а из другого ящичка вынул рождественские свечи, которые и зажег, потушив при этом яркий электрический свет.

— Очень мило, — сказала Ингрид, поднимая бокал. — Ну что, за знакомство?

— За знакомство.

— Зачем ты решил помочь им ограбить свою фирму, ведь это противозаконно? — спросила Ингрид после того, как они выпили.

— Противозаконно, но и фирма эта занимается далеко не самыми законными операциями. Потом, я больше не хочу работать чтецом за какие-то десять реалов в час.

— Но ведь тебе придется скрываться.

— Это все же лучше, чем всю жизнь просидеть за монитором, отсылая в утиль сообщения. Я на эти деньги открою свое дело, пусть и на другой планете в другой системе. — Миха помолчал и с жаром добавил: — А хочешь, я и тебя с собой заберу?!

— Прямо так сразу? — опешила Ингрид.

— Нет, через полгода, когда все уляжется и я обоснуюсь на новом месте.

— Выглядит заманчиво. Может, еще по бокалу?

— Раз уж на то пошло, выпьем на брудершафт?

— Я же сказала: без рук!

— А кто говорит о руках? — прикинулся невинным ангелом Миха. — Только лишь губы.

— Давай...

Но совсем без рук не обошлось. Поцелуй из невинного превратился в горячий и неконтролируемый. Миха подхватил Ингрид на руки и понес ее в свою спальню, частью сознания подивившись своей силе. Что уж говорить, ведь был он довольно слабым человеком, а тут поднял пятьдесят килограмм без серьезной натуги! Такого от себя он не ожидал, он вообще от себя не ожидал ничего подобного.

Проснулся Миха сразу, просто открыл глаза, и сон сняло как рукой, что было странно. Обычно борьба с богом сна велась долго и мучительно, а сегодня ничего подобного не наблюдалось. «Наверное, это из-за хорошо проведенной ночи», — решил Кемпл. Миха лежал, прислушиваясь к своим ощущениям. «Странно, — снова подумал он. — В ушах не звенит, голова не болит, и даже слышать я стал лучше. Хотя после вчерашнего мордобоя должно наблюдаться и то, и другое, уж мне ли не знать? Но этого нет. Наверное, последствия удара Кудряшки Сью: как говорится, клин клином вышибают, и если звон — порождение

удара головой в детстве, то почему бы ему также не исчезнуть после другого удара сейчас? Своего рода обратное смещение фаз».

Встала разбуженная сборами Кемпла Ингрид, проявлять какие-то нежные чувства Миха не рискнул, просто сказал:

— Хочешь верь, хочешь нет, но уже три часа дня, и мне пора на работу.

— Но ты же решил обокрасть компанию...

— Тем более не стоит светиться, нужно вести себя так же, как и раньше, — ответил Миха, затягивая узел галстука. — Если хочешь, оставайся у меня. Будешь уходить, просто захлопни дверь.

— А не боишься, что я могу оказаться воровкой?

— Теперь я уже ничего не боюсь.

— Тогда удачи.

— Спасибо.

6

Второй ящик, поставленный из грузовика рабочими на электрокар, был явно тяжелее первого, причем во много раз, что сразу же бросалось в глаза.

На стенках обоих ящиков красовалась двухметровая маркировка изготовителя сейфов, не последней фирмы на специфическом рынке сохранения ценностей.

— Давай, Жорж, толкай! — кричал один рабочий другому.

— Да толкаю я! Вишь, тяжелая какая, что они, туда свинца напихали, что ли?!

— Да нет, говорят, сейф последней модификации.

— Может, и так, но мне от этого не легче.

Поднатужившись, рабочие наконец-то спихнули контейнер на приемное устройство. Погрузчик, сильно накренившись, повез ящик в здание. Там распахнулся грузовой лифт, принявший электрокар. Охрана тут же обступила драгоценный груз и поехала на минус пятнадцатый этаж, в хранилище.

За всем этим процессом наблюдал Кудряшка Сью, еще с двумя не особо запоминающимися подельниками, вроде того же Ирокеза. Фургон, где они сидели, был с тонированными стеклами, но все равно не следовало привлекать внимание: мало ли, какая у охраны сканирующая аппаратура, и на этот случай все демонстративно жевали бутерброды, запивая остывшим кофе.

— Сью, нам это не под силу, — наконец сказал один из членов банды. — Здесь чертова уйма сканеров и прочих сигнальных систем, не говоря уже об обычных охранниках.

— Об этом позаботится Донор.

— Он всего лишь чтец, Сью, — сказал второй подельник и нервно почесал руку. — Он не может знать всего. Даже хороший хакер не сможет обеспечить чистого прохода.

— Это слишком крупное для нас дело, — продолжал давить на своего главаря первый подельник. — Наши доходы, быть может, не так уж и велики, зато безопасны. Пойдем на это дело — и малейшая оплошность будет стоить нам свободы, если не самой жизни.

— Мы будем брать этот сейф, — сказал, как отрезал, Кудряшка Сью.

Ньюман знал немного больше своих людей. Не секрет, что мелкие шайки находятся под крылом более серьезных людей, занимающих высокие посты, как в уголовном, так и в обычном мире. Вот и его банда была не исключением. Босс Кудряшки уже давно положил глаз на эту контору, а тут такой случай! Не воспользоваться им он не мог.

— У нас просто нет выбора, — добавил Сью. — Поехали, мы видели достаточно.

Фургон тронулся и покатил в штаб-квартиру, а проще говоря, к Большому боссу, у которого в подчинении имелось с два десятка таких вот банд.

Кудряшка вышел из машины, провожаемый неприязненными и подозрительными взглядами внешних охранников, замаскированных под обычных лоботрясов, что болтаются по улице без всякой цели, но готовых в любой момент изрешетить всех и вся неведомо

откуда появившимися стволами. Но стоило ему войти в само здание, обстановка изменилась. Здесь держали персонал уровнем повыше.

Сью прошел через металлоискатель и по немому требованию охраны выложил на специальную полку все оружие, после чего был проверен еще и ручным искателем, и только после этого его пропустили дальше. Перед входом в самую штаб-квартиру, на десятом этаже, его остановил очередной охранник.

— Подними руки.

— Да меня внизу уже проверили.

— Ньюман, ты знаешь правила, — также нейтрально сказал охранник.

Ответить было нечего, и Сью поднял руки. Эту процедуру он проходил не один десяток раз, и каждый раз его обыскивали, будто в первый. Стоящий охранник ловко проверил каждую складку одежды, словно не доверял техническим средствам.

— Проходи.

Второй охранник услужливо открыл дверь в богато обставленную комнату. И здесь находилась охрана, переодетая в простых лакеев; один из таких вот «лакеев» провел Кудряшку в покои Большого босса.

— Проходи, проходи, дорогой! — казалось, с неподдельной радостью звал Большой босс, или Армен Джигрян.

— Спасибо, шеф.

Кудряшка прошел в комнату, глаза по сторонам. С его прошлого визита здесь многое изменилось, впрочем, такова была причуда босса, обстановка менялась чуть ли не каждую неделю.

— Чем порадуешь старика?

Кудряшка в который раз усмехнулся про себя. «Старику» исполнилось не больше пятидесяти лет, и если верить слухам, то называл он так себя с тридцати лет.

Ньюману все время казалось, что с ним говорит не сам начальник, а его нос. Нос был длинным и крючковатым, от природы ли или как следствие пластической хирургии, но Сью считал, что дефект надо убрать в любом случае.

— Особо радостных вестей нет, даже наоборот...

— Ну-ну, говори.

— По всей вероятности, времени у нас совсем мало. К зданию подвезли два контейнера, скорее всего, с сейфами и новой системой безопасности. Наш агент, Донор, получал коды к старым сейфам целый год, а к новым даже подступиться не сможет.

— Сколько у нас времени?

— Дня два, не больше. Пока установят, пока проведут систему, проверят...

— Понятно. Но ведь это даже к лучшему! — воскликнул Армян, пораженный великолепной мыслью. — Там будет полно народу: рабочие, установщики и прочий люд, так что у вас есть все шансы на успех!

«Но и охраны будет выше крыши», — подумал Кудряшка, но вслух ничего не сказал.

— Принимайся за дело.

— Шеф, мы одни не сможем. Нам нужны специалисты, пара хороших хакеров и профессиональные солдаты, что ли...

— Обеспечим, — с готовностью поддержал Армен. — Сегодня вечером уже все будут здесь. Когда соберутся, я тебе сообщу.

— Хорошо. Я могу идти?

— Конечно...

Когда Кудряшка Сью вышел, Армен недовольно повел носом, почуяв своим нежным обонянием посторонний запах; вероятно, от только что ушедшего Ньюмана. «Надо будет на входе каждого еще и дезодорантом опрыскивать, — подумал Армен. — А то воняют, как какие-то бараны».

Потом его мысли перешли в более приятное русло, и он, радостно хлопнув в ладоши, воскликнул:

Рабочая смена, вопреки обыкновению, пробежала почти незаметно. Миха, как и прежде, отсылал письма в утиль, между делом копируя коды, которые ему удалось раздобыть за время работы здесь. Тут содержались самые различные шифровки, вплоть до кода на дверях туалетной комнаты. Дискета размером с ноготь была заполнена до предела, когда рабочий день подошел к концу. Пару раз мимо проходил старший менеджер, но его появление Кемпл засекал достаточно быстро и успевал вернуться к работе, так что тому не к чему было придраться и наложить очередной штраф.

На этот раз Миха Кемпл поехал сразу в «Костлявую руку», а не к себе домой. Там его уже ждал Кудряшка Сью с парочкой своих подчиненных и еще пятеро незнакомых ему людей. Те были более-менее прилично одеты, и если бы Миха встретился с ними где-нибудь в другом месте, то принял бы за секретных агентов, так они походили друг на друга: внешне разные, но с каким-то отпечатком...

Кудряшка помахал рукой, заметив Кемпла и отвлекая его от созерцания незнакомцев.

— Здорово, Донор.

— Привет, Сью. Кто это?

— Наша поддержка. Сами мы все провернуть не сможем, потому я решил прибегнуть к помощи специалистов. Ты ведь сам сказал, что нужна парочка хакеров.

— Программистов, — поправил Кемпл. — Но суть дела не меняется. А кто остальные?

— Силовая поддержка, нам она тоже понадобится. По крайней мере, лишней не будет.

— Так вы что, тоже пойдете?! — почему-то спросил Миха и сам удивился своему вопросу.

— Естественно...

А вот это уже Кемплу очень сильно не понравилось. Обирать прохожих и заниматься мелким рэккетом им еще куда ни шло, но взяться за настоящую «работу»? Впрочем, что именно его насторожило, Миха так и не смог сформулировать, а потому ничего не сказал.

— Какой у вас план, молодой человек?

— Это мистер Пинчек, командир группы поддержки, — представил Кудряшка говорившего.

Миха посмотрел на Пинчека. Невысокий, плотный, крепкий человек без грамма жира. «Наверное, бывший наемник, — решил Миха. — Глаза буравящие, будто через прицел на тебя смотрит». Кемпл уже открыл рот, чтобы изложить свой план, как его и просили, но потом передумал и сказал:

— Я думаю, что у вас уже есть план, и наверняка он лучше моего, ведь вы же специалисты...

— Есть, — подтвердил Пинчек. — Но нам его нужно скорректировать с учетом твоих...

— Ваших.

— Ваших данных, — мгновенно поправился Пинчек, при этом легонько улыбнувшись.

— Вот тогда вы и выкладывайте свой план, а я буду добавлять недостающую информацию.

— Все достаточно просто, — начал излагать мистер Пинчек. — Сейчас там суматоха. Установка новых охранных систем и сейфа требует времени, но его не так уж и много, это наш минус. Но есть и плюс: установка новых систем требует внешних рабочих. По нашим подсчетам, их там около пятидесяти человек. Наша задача войти в состав этого персонала и просочиться на территорию комплекса.

— И как же вы намереваетесь войти в состав этих самых рабочих?

— Никак, мы проникнем на территорию под видом этих рабочих. Плюс-минус десять человек, разницы никто не заметит. И теперь вопрос к вам: есть ли коды допуска на

территорию?

— Да, с этим было проще всего, — ответил Миха. — Нужен лишь только идентичный датчик, загрузим код, и при запросе он выдаст ответный пароль.

— Хорошо. Считаем, что мы уже на территории. Далее группа проникает внутрь здания и спускается на сейфовый этаж. Нужно открыть двери, как с этим?

— Первичные коды есть, и если ваши специалисты достаточно хороши, то этой щели им хватит для проникновения в систему и, собственно, для ее взлома.

Пинчек посмотрел на хакеров, те согласно кивнули головами. Кемпл был удивлен, для него хакеры являлись нечто средним между прыщавым подростком и хиппи в разноцветной одежде. А эти двое могли послужить образчиком конторского служащего. «Наверное, тоже какие-нибудь военные», — подумал Миха. Впрочем, он был не так далек от истины.

— Идем дальше. Мы проникли в сейф, берем деньги и уходим тем же путем, что и вошли.

— Слишком все просто, — сказал Миха Кемпл. — Слишком просто.

— Это на словах все просто, — поспешил успокоить его Пинчек, побоявшись, что этот малец может струхнуть и отступить. — В реальности предстоит иметь дело с охранниками, которых придется убеждать нас пропустить.

Когда Пинчек сказал «убеждать», Миха понял, что охрану, чуть что не так, будут просто без всяких разговоров валить на месте.

— Ладно, проехали. Каков план ухода? Ведь никому из нас нельзя оставаться на планете, мы будем проходить с открытыми лицами, а значит, нас срисуют по всем параметрам.

— Сегодня утром на окраине города сел челнок. На орбите ждет уиндер, который домчит нас до ближайшей звездной системы, а там уж у каждого своя дорога. Каждый будет действовать самостоятельно, но моя рекомендация: залечь всем на дно и года два не дергаться. Ну что, все разобрали?

— Да, пожалуй, — сказал Кудряшка.

— Тогда...

— Нет, — возразил Миха. — Я, конечно, понимаю, что делить шкуру еще не убитого зверя неправильно, но следовало бы сразу расставить все точки над «i».

— Что ты имеешь в виду?

— Деньги, только лишь деньги. А именно то, как мы их поделим, кому сколько достанется и все такое прочее.

Пинчек досадно поморщился.

— Сколько ты хочешь?

— Ну я так понимаю, что ваша группа забирает половину, у вас специалисты и техническая поддержка, это справедливо. Значит, нам остается другая половина. Я хочу двадцать процентов от этой суммы, или не менее тридцати миллионов.

— Куда тебе столько? Ты представляешь себе этот объем?

— Две большие сумки.

— Ладно, я не против, остальное обговаривай с Кудряшкой.

— Я не против, — сказал Кудряшка Сью. — В конце концов, у тебя коды и все такое, а значит, ты сильно рискуешь, ведь после исчезновения все свалят на тебя, и особо ретиво искать станут также тебя.

— Кстати, о кодах, где они? — спросил Пинчек. Кемпл достал из своего бумажника дискетку и передал ее Пинчеку.

— Только сразу предупреждаю, здесь нет первичных кодов от сейфа.

— Где же они?

— В надежном месте, — ответил Миха, наблюдая, как оживились программисты, проверяя дискету в ноутбуке. — Их я передам вам в момент операции.

— К чему такие сложности?

— Так, на всякий случай, мало ли, какие бывают превратности судьбы. Например, я

выйду, а мне на башку метеорит упадет или еще чего тяжелое.

— Ну вы загнули, мистер Кемпл, — протянул Пинчек. — Мы еще так низко не пали, и если будем убивать каждого, кто дал нам информацию, то с нами работать никто не будет, такое в нашей среде не сохранишь в секрете слишком долго. Хотя вас не обвинишь в неосмотрительности, мне это нравится.

Миха немного смутился, но поскольку переигрывать было уже нельзя, то он только сказал: — И все же...

8

— Может, не стоит лезть в это пекло, откажись, пока не поздно, — уже в который раз пыталась отговорить Ингрид Миху Кемпла.

— Но что мы будем делать на наши-то зарплаты? Ютиться в маленькой квартирке; и прочие радости безденежной жизни...

Миха повернулся к своей подруге. Заниматься любовью в ночь перед делом было, конечно же, неправильно: это отнимает очень много энергии, но кто, собственно говоря, соблюдает правила?

— Что-нибудь придумаем, ведь всегда есть выход!

— Только не в нашем положении. Вот увидишь, все будет хорошо, я обещаю.

Кемпл повернулся на бок и вскоре уснул. Предстоящий день обещал быть трудным, и еще неизвестно, какой стороной повернется к нему жизнь, так что не мешало набраться сил.

Операцию назначили на девять утра, и Миха проснулся за два часа до срока, выключив будильник за минуту до побудного треска.

Одевшись и перекусив на скорую руку, Кемпл выскочил на улицу. Там его встретил нищий с протянутой рукой.

— Подайте бедному калеке...

— Кто бы мне подал, — отмахнулся Миха. — И потом, ты еще здоровее и богаче меня будешь. Вон какую рожу отъел...

В условленном месте уже собрались все участники. Десять человек в группе плавно переросло в пятнадцать; кроме Михи, прибыли пять человек из группы Кудряшки с ним во главе и девять человек из отряда Пинчека.

— Всем переодеться в рабочие комбинезоны, — приказал Пинчек, сам одетый в оранжевую робу. Выглядел он в ней ни дать ни взять — простой чернорабочий.

Все при себе имели пистолеты, а боевики Пинчека еще и короткоствольные автоматы.

— Вот, держи, — сказал Кудряшка Сью, протягивая Михе пистолет. — Это десятизарядный «МК-5»: просто сними предохранитель, вот здесь, и дави на спуск. Вот запасная обойма.

— Понял. — Кемпл спрятал пистолет за поясом, хотя там он сильно мешал, да и страх появился, что пистолет выстрелит самопроизвольно и отстрелит ему яйца. Обойму положил в карман.

— Теперь все в машину, — прокричал Пинчек и занял место рядом с водителем. Остальные полезли в кузов.

Грузовик идентичной марки и такой же расцветки, что у сейфовой кампании, выехал из гаража. Солдаты внутренне подобрались, а вот люди Сью явно нервничали, для них это было первым настоящим делом.

— А что это такое? — спросил Кемпл после долгого молчания, показывая на ящик посреди машины, больше смахивающий на гроб: два метра длиной и в метр шириной.

— Наш предлог для проникновения в здание, — ответил Пинчек через окошко, соединяющее салон и кузов. — Впрочем, сейчас все увидишь сам, если коды, которые ты нам дал, верны.

Грузовик остановился около ворот. Все напряженно ждали легкого скрипа, означающего, что первый рубеж благополучно пройден и ворота открылись. Ворота

действительно открылись, и все одновременно выдохнули с облегчением, но машина вскоре вновь остановилась, слышались шаги и голос охранника:

— Почему так поздно... к тому же у меня в списке ваша машина не значится.

— Да понимаешь, командир, — начал Пинчек. — Вечно у нас этот бардак. Предыдущая группа забыла одну важную деталь, которую нам велели привезти, что мы и сделали.

— Покажи, что за деталь.

— Не могу, командир, если я сорву пломбы, техническая комиссия не примет изделие, и мне снова придется ехать за этой деталью, а это уже ваши прямые убытки как в финансовом, так и во временном плане. Не думаю, что тебя за это похвалят.

Охранник с сомнением поглядел на новую бригаду сборщиков и с еще большим сомнением на ящик перед собой. Наконец сказал:

— Ладно, проезжай.

Машина снова тронулась в путь. Завернув за угол, остановилась возле технического лифта, за которым днем ранее наблюдал Кудряшка Сью с напарниками.

— Все на выход, — скомандовал Пинчек. Миха Кемпл выпрыгнул одним из последних.

Команда Пинчека уже вытащила контейнер из грузовика и, поднатужившись, понесла к дверям. Оставалось непонятным, то ли им действительно тяжело было, то ли просто придуривались. Остальные, как было условлено, пристроились им в хвост.

— Стойте, — притормозил движение охранник. — Кто такие?

— Дополнительная бригада, — ответил Пинчек.

— У меня здесь никто не значится. — Охранник потряс планшетом.

— Мы уже объяснили вашему коллеге на входе, что привезли недостающую деталь.

— Да?! — Охранник критично всех осмотрел. — Что-то вас слишком уж много.

Миха чертыхнулся про себя и потянулся за пистолетом.

— Дайте ваши документы.

Пинчер протянул пластиковую карточку, которую охранник засунул в щель своего планшета. Кемпл крепче сжал рукоятку, кодов на такие документы у него не было и не могло быть. Но беспокоился он напрасно: к его удивлению, охранник отдал документы обратно со словами:

— Все в порядке, проходите.

— Спасибо, командир.

Процессия прошла дальше. Как и ожидалось, на них никто особого внимания не обращал. Охранники провожали их ленивыми взглядами, считая, что раз они здесь, то так и надо, а защищать надо от какой-нибудь банды головорезов, размахивающей стволами и убивающей всех направо и налево.

Группа погрузилась в лифт, хакеры быстро подключили свои компьютеры в разъемы и принялись загружать коды, без которых лифт ни за что бы не поехал вниз в сейфовое помещение. Работали они недолго, кабина дернулась и поехала вниз. Здесь боевики Пинчека преобразились. Все знали, что сейфовый этаж под особой охраной и появление там чужих быстро обнаружится. Его люди открыли ящик и вытащили автоматы, зарядив бронебойными пулями; гранаты рассовали по карманам жилеток. Кроме того, из ящика повытаскивали объемистые сумки и раздали людям Кудряшки Сью.

— Кемпл, где дискета с первичным кодом?

— У меня.

— Давай ее сюда. — Пинчек требовательно протянул руку.

Миха передал дискетку. Пинчек отдал ее программистам, которые поочередно загрузили ее информацию в свои ноутбуки. Им предстояло взламывать главные двери сейфа, за которыми в большой комнате стояло множество других маленьких сейфов и, собственно, то, за чем они пришли — деньги. Другие активы их не интересовали.

— Помните, — проговорил Пинчек. — У нас ровно три минуты с момента открытия дверей и ни секундой больше.

Лифт спустился на нужный этаж, остановился, слегка дернувшись, и створки дверей пошли в разные стороны.

9

Створки лифта расходились неправдоподобно медленно. В образовавшуюся щель уже были видны вскочившие охранники: видимо, пароль оказался недостаточно точным, и они что-то заподозрили. Третий охранник в этом убедился окончательно и потянулся за телефоном, но это уже не имело смысла. Боевики Пинчека открыли огонь из автоматов. Лифт мгновенно заполнился пороховой гарью, неприятно першившей в горле, но Пинчеку это, кажется, нравилось: он вздохнул полной грудью.

Стреляные гильзы сыпались на пол, пули крошили все в комнатке охранников. Нашпигованные свинцом служащие СБ валялись на полу, так ничего и не успев сделать, только телефонная трубка лежала на столе, и чей-то голос все время тревожно повторял:

— Кимберли, что у тебя случилось?

Один из боевиков подошел и взял телефон.

— Ничего, все в порядке, — и оборвал связь. — Кажется, у нас прокол, шеф.

— Ничего, они все равно узнают. За работу.

Этот приказ был лишним, два хакера уже работали вовсю. Вставив электронные ключи в нужные пазы, они через первичный код, данный Кемплом, пытались взломать систему, чтобы открыть тяжелые двери.

— Давайте, ребята, поднажмите, — просил хакеров Пинчек, глядя на свои часы. Циферки миллисекунд мелькали с ужасающей скоростью: время, отведенное на первую фазу операции, неумолимо истекало.

— Мы стараемся, сэр.

Они действительно старались. Экраны их ноутбуков испещряли бегущие сверху вниз символы. В зеленом меню пароля раз в пять секунд вместо звездочки появлялась то цифра, то буква, всего звездочек было пять. Наконец все звездочки были заменены символами, и хакеры сверили полученные ими коды. Они расходились двумя последними символами.

— Черт! — в один голос выкрикнули они и, быстро удалив расходящиеся символы, запустили систему вновь.

Снова экран заполнился чернотой, только на этот раз звездочки менялись мучительно долго: каждые десять секунд.

— Все! — крикнул один хакер; подбежав к двери, он нажал на кнопку и дернул рычаг вниз до упора, потянув дверь на себя, но та не поддавалась. — Помогите же, черт бы вас побрал!

Люди Кудряшки навалились на тяжелую дверь и помогли ее открыть.

— Отставание от графика сорок пять секунд, — громко объявил Пинчек и одним из первых шагнул в сейфовую комнату.

— Вот дерьмо... — прошептал Кудряшка, уставившись прямо перед собой расширенными от ужаса глазами.

Миха Кемпл, пробравшись через толпу, взглянул туда, куда смотрели все, и обомлел.

— Я об этом ничего не знал.

Прямо перед ним предстал во весь рост трехметровый робот-охранник. Вместо рук к людям протянулись два огромных боевых комплекса, в каждом — по три пулемета, транспортные ленты которых уходили за спину: вероятно, к патронному коробу. Кроме того, в каждой «руке» зияло еще темное отверстие, о предназначении коего думать не хотелось: и так было ясно, что ничего хорошего оттуда не вылетит.

Робот повернул голову, осмотрев присутствующих. Потом встал и показался еще больше и массивнее из-за повеявшей от него угрозы.

— Вы не зарегистрированы как лица, имеющие право доступа, — сказал он компьютерным моделированным голосом. — Назовите код. У вас тридцать секунд и три

попытки до открытия огня на поражение. Время пошло: тридцать, двадцать девять...

— Вот ведь дерьмо! — повторил Кудряшка и тут же зажал себе рот обеими руками.

— Ответ «вот ведь дерьмо» неверен, — тут же отреагировал робот, повернувшись в сторону сказавшего. — У вас две попытки и двадцать пять секунд до открытия огня на поражение. Двадцать четыре...

— Уматываем отсюда! — выкрикнул кто-то из боевиков.

— Всем заткнуться, уроды! — просипел свистящим шепотом Пинчек.

— Ответ «уматываем отсюда, всем заткнуться, уроды» неверен, — проговорил робот и поднял свои клешни. — У вас одна попытка и двадцать секунд до открытия огня на поражение. Деятнадцать...

Время для Мухи Кемпла, казалось, остановилось, но мысли неслись в голове со скоростью урагана. Кемпл соображал, что можно предпринять. Можно было просто уйти с пустыми руками, но все равно придется скрываться, и не факт, что обманутые в своих надеждах поделщики возьмут его с собой на катер. С другой стороны, скрываться, имея при себе многие миллионы, гораздо приятнее. Потому Кемпл подскочил к хакеру, вырвал из его рук ноутбук, при этом зачем-то выбросив свое оружие.

При счете «восемнадцать» Муха уже подбежал к роботу и открывал крышку его разъема, вставляя в портал «розетку» ноутбука. Кемпл был посредственным программистом, не чета наемникам Пинчека, и осознавал это, но именно сейчас прочная, как никогда, уверенность в своих действиях поселилась в его душе, подсказывая, что нужно делать и какие команды вводить.

Робот наклонил голову, не переставая вести отсчет времени, и посмотрел вниз. Его сканер просветил подскочившего человека, и электронный мозг получил информацию: «Огнестрельного, взрывчатого, химического, лучевого и электромагнитного оружия не имеется. Объект не представляет угрозы для жизнедеятельности». Голова вернулась в исходное положение, уставившись на остальных красными глазами видеодатчиков.

— Пятнадцать...

Муха обладал основными знаниями компьютерного взлома и даже пару раз взламывал защиту хиленьких компаний ради интереса, оставляя надпись типа: «Я тут был». Но он ни за что бы не решился на такой поступок, как сейчас, не будь ситуация настолько критической. Пальцы бегали по клавиатуре с удивительной скоростью, выискивая в ноутбуке, по его мнению, подходящие вирусы и запуская в систему робота, а их, надо признать, было немало. Система робота сопротивлялась, но не слишком активно, и вскоре Мухе стало казаться, что он выигрывает схватку с железными мозгами.

— Десять, девять, восемь, — продолжал отсчет робот, и на цифре «пять» послышался лязг подающего механизма. Первыми дрогнули люди Кудряшки и с воплями выскочили обратно. Но дальше произошло то, чего ожидал Кемпл: робот переступил с ноги на ногу и стал тянуть гласные: — Че-еты-ыре-е, три-и, два-а...

Загруженный под завязку вирусами робот-охранник опустил оружие и сложился в исходное состояние, чуть не погребя под собой Муху, но тот успел отскочить. А вот компьютеру не повезло: тонна стали и пластика раздавила чемоданчик как муху.

— Я надеюсь, вы не зачтете его мне в счет убытков? — спросил Муха.

— Чего?.. — Казалось, Пинчек даже не понял смысла вопроса, но потом до него дошло. — Да хрен с ним! — махнул рукой Пинчек и посмотрел на свое окружение. — Ну и чего встали?! У нас отставание от графика минута пятнадцать, за работу!

Его люди тут же опомнились, подстегнутые приказным тоном командира, и разбежались по сейфовой комнате. Секунду спустя вернулись люди Сью. Все они закладывали маленькие брикеты взрывчатки, устанавливая их на замки индивидуальных сейфов, где хранились деньги. Когда все подготовили, прозвучала команда:

— Всем покинуть помещение.

Не успел последний человек переступить порог, как рвануло, у всех заложило уши. А дальше команд не требовалось: все, радостно гикая, бросились обратно, в том числе и Муха.

Кемпл, уподобившись людям Кудряшки, набивал свою сумку пачками денег и не сразу обратил внимание, чем занимаются боевики Пинчека.

10

Охранника на входе мучили сомнения. Все вроде нормально, у бригадира дополнительных рабочих все документы оказались в порядке, и все же что-то было не так, но вот что? Снедаемый сомнениями, он пошел посоветоваться со знакомым охранником, который, он знал, не донесет.

— Привет, Тэсс.

— Здорово, Роберт. Что невесел, случилось что?

— Да нет вроде бы... ты ничего странного не заметил в недавно прибывших?

— Вроде нет, все документы в порядке; хотя... — Тэсс невольно заразился тревогой Роберта. — Их прибыло слишком много, мне же ничего не говорили о новеньких, а должны...

— Может, забыли? — предположил Роберт и сам почувствовал, как фальшиво прозвучал его голос.

— Все может быть, но вряд ли. Вот что, Тэсс, возвращайся на пост, а я переговорю с координатором; может, что и выясню, — решил Роберт, вытаскивая из кармана рацию.

Координатора Грегори мучили те же сомнения, что и Тэсса с Робертом. Охранный пост после странного звука в трубке не отвечал. По правилам он давно уже должен был включить тревогу, но оставалась вероятность, что это очередная шутка Кимберли; к тому же здесь никогда не происходило никаких ЧП. Грегори понимал, что сидеть втроем на нижнем этаже под многометровым слоем грунта тяжело, сильно действует на психику, и Грегори прощал охранников, желающих разрядить обстановку какой-нибудь шуткой. Но эта, похоже, зашла слишком далеко, и Грегори уже сам был на взводе.

Пискнула рация, и Грегори включил прием.

— Грегори, это ты?

— Да, это я; Роберт, что у тебя?

— Грегори, может, у меня паранойя, но мне кажется, что у нас не все ладно: приехали какие-то новые рабочие...

Грегори, недослушав, изо всех сил ударил кулаком по красной кнопке: для него все встало на свои места. Уж слишком много нестыковок: неизвестные рабочие, и этот треск... Жутко взревела сигнализация, через пять секунд снизившая звук до приемлемого уровня.

Когда рев стих, Грегори взял микрофон.

— Внимание! Обращение к охранным службам, возможно нападение на сейф. Повторяю, возможно нападение на сейф.

— Грегори, ты чего мелешь?! — спросил кто-то из начальников охраны. — Какое нападение?

— Это ограбление, мать твою! Быстро тащи свою жирную задницу к сейфу, урод!!!

Людей Пинчека, похоже, деньги интересовали не сильно, в какой-то момент Михе даже казалось, что они сюда пришли не за этим. Миха осмотрелся. Действительно, хакеры сидели над уцелевшим компьютером и над чем-то там колдовали, провод тянулся к одному из сейфов. Кемпл не стал пока заострять на их деятельности внимание и продолжил наполнять свою сумку. Скоро плечо стало ощутимо болеть от врезающегося в него ремешка. Миха доставал вторую сумку, когда взревела сигнализация.

Два боевика, словно вспомнив о чем-то важном, подбежали к начавшей закрываться двери. Подхватили валявшийся в стороне ящик и положили его у нее на пути, застопорив движение. Массивная дверь сопротивлялась, мощные прессы усилили давление, продавливая контейнер, который оказался титановым. Оберточный пластик лопнул, обнажив смявшийся, но устоявший под напором металл.

— Давайте, давайте, ребята, время на исходе, — подгонял своих хакеров Пинчек.

— Еще секунду, командир.

Люди Кудряшки, наполнив свои баулы деньгами, выскакивали из помещения, только Кемпл остался: его заинтересовало, ради чего сюда пришла группа бывшего наемника. Но ничего конкретного узнать не удалось: под радостные возгласы хакеров Пинчек достал из сейфа какой-то ящик, не открывая, положил в свою сумку, которую закрепил на спине так, чтобы она ему не мешала.

— Все, уходим!

Кто-то вызвал лифт, створки открылись, и вызвавший, похоже, удивился, что подъемник еще работает. Все погрузились, нажали минус первый этаж. Лифт поднимался медленно, и каждый толчок казался всем последним, после которого они остановятся, но обошлось. Створки раскрылись на нужном этаже, и Пинчек скомандовал своим людям:

— Вперед, ребята.

Два боевика вышли из лифта и побежали к лестничному проходу; не успели дверцы закрыться, как раздались первые выстрелы и хлопок гранаты. Лифт пошел дальше.

— Можете не беспокоиться, нас не встретят, — сказал Пинчек. — Все внимание охраны отвлечено на моих людей, но расслабляться не стоит и лучше всего подготовиться.

Пинчек передернул затвор автомата, и все последовали его примеру. Кемпл забрал свой пистолет у программиста.

— Внимание, — предупредил Пинчек, когда лифт остановился.

Стрельба поднялась жуткая. Охрана, как и предполагалось, оставила лифт без внимания, думая, что все грабители находятся этажом ниже, и потому сосредоточила там все свои силы. Особо смелые пытались спуститься на один пролет вниз в надежде достать метким выстрелом противника, но этого им не удавалось. Два наемника, засевшие внизу, умело отстреливались, и каждое их попадание вызывало бурю негодования и лавину огня.

— Ну же, зажимайте их! — кричал один охранник другим, видимо, командир.

— Нам нужно тяжелое вооружение! Нам не взять их этими пукалками, вызывайте спецназ!

— Он уже едет, нужно только задержать их еще на одну минуту.

— Задержать мы их и без «зажимания» сможем! — огрызнулся подчиненный и выпустил длинную очередь вниз.

— Прямо дети, честное слово. Ладно, пора заканчивать с этим бардаком, — произнес Пинчек и открыл огонь, его поддержали остальные наемники.

Охрана не ожидала второго фронта, и с десятков человек повалились на пол, сраженные меткими выстрелами. Кто мог, отстреливаясь и поддерживая раненых, отступали по лестничному пролету, уходя наверх.

— Вперед, вперед, не стоять! — прикрикнул Пинчек, выйдя из кабины.

Приказ возымел действие, и вся группа вышла из лифта, направляясь в сторону выхода. Кто-то из замыкающих бросил гранату на нижнюю площадку, взрывом охладив пыл не в меру ретивым охранникам. К основной группе, обменявшись на всякий случай паролями, присоединились два боевика, отвлекавших внимание охраны.

Миха Кемпл, как и люди Кудряшки Сью, тащил две тяжеленные сумки, набитые деньгами, но это была приятная тяжесть. Зато люди Пинчека несли по одной сумке, явно не сильно обременив себя.

Еще до того, как грабители подбежали к выходу на улицу, взвизгнув колесами, остановился грузовик. Догадавшись, в чем дело, по нему открыли огонь охранники; впрочем, их стрельбу подавили выскочившие на улицу боевики: они поливали охрану веерным огнем, бросив для острастки по гранате. Стреляли все, даже Миха пару раз спустил курок, после того как забросил свои сумки в кузов и залез сам.

Наемники расположились у бортов грузовика и открыли замаскированные бойницы: просунув в них оружие, начали стрелять, подавляя огонь противника еще и на случай, если у охраны найдутся гранатометы.

— Гони! — крикнул Кудряшка, когда все погрузились в машину.

Машина понеслась к закрытым воротам. Охрана среагировала адекватно, и пули неприятными щелчками зачастили по борту, оставляя вмятины на легкобронированной стали. Тяжелый удар сотряс грузовик, и все повалились кто куда, послышался витиеватый мат в адрес водителя. Мотор заглох, но спустя пару секунд завелся, и машина продолжила движение. «Прорвались», — подумал Миха.

— Мы сделали это, мы сделали! — звучали радостные голоса.

— Погодите орать.

И точно, послышался вой полицейской сирены. Машина пыталась уйти от погони, мотор нутужно ревел, работая на пределе, грузовик опасно проскакивал между другими машинами. В воздухе застрекотал вертолет.

— Надеюсь, у вас есть план на этот случай? — поинтересовался Кемпл у Пинчека.

— Не бойсь, все будет в ажуре!

— Хотелось бы верить...

Полицейских машин на дороге становилось все больше и больше, и Миха не понимал, как в принципе можно оторваться от такой погони: за ними охотились даже с воздуха, и если потребуется, то подключат средства наблюдения из космоса. «И почему я раньше об этом не подумал? — спросил себя Миха. — Почему мне казалось, что все закончится, как только мы выйдем из здания? Надеюсь, хоть остальные понимают, что делают...»

Грузовик прорывался с яруса на ярус, виляя между рядов, устраивая небольшие аварии, медленно, но верно сокращающие численность погони. Впрочем, никто не сомневался, что полиции идет подмога. Вскоре беглецы спустились с пятого яруса на первый и оказались под землей — здесь за ними не могли наблюдать с вертолета.

Впереди ехал огромный трейлер; грузовик опасно сманеврировал — и три легковые машины столкнулись, надежно перегородив путь полиции. Пинчеку этого показалось мало: грузовик остановился, и боевики забросали столкнувшиеся легковушки гранатами, добавив еще и дымовую шашку.

Взрывами взметнуло машины в воздух, пробитые баки вспыхнули, за клубился черный дым. Он заполнил все подземелье: с ним не справлялись вентиляторы.

В этот момент трейлер опустил огромный трап, по которому грузовик въехал в его чрево. Когда включилась система пожаротушения, сотрудники полиции смогли разглядеть сквозь поредевший дым только трейлер, подъезжающий к выходу. От яркого грузовика сейфовой компании не осталось и следа, для них он просто исчез.

«Интересно придумано, — подумал Миха. — А главное — действенно. Пока опросят свидетелей да пока их еще найдут... дорогу-то они не перекрыли, время уйдет, и мы будем уже далеко».

Трейлер остановился перед самым выходом из тоннеля.

— Выметайтесь, — приказал Пинчек. — И пересаживайтесь в другие машины.

На обочине стояли несколько машин разных моделей: от здоровенных и дорогих джипов до помятых легковушек.

— Садись со мной, — велел Пинчек Михе.

— О'кей...

Кемпл забросил свои сумки в багажное отделение черного джипа и уселся на заднее сиденье. Колонна выехала из подземелья и разделилась на группы по две машины. Вскоре и они разъехались, чтобы позже встретиться в точке рандеву. Позади как ни в чем не бывало ехал трейлер, но и он куда-то свернул.

— Ты молодец, Кемпл, — сказал Пинчек. — Здорово ты того монстра разделал.

— Спасибо, сэр — слегка смутившись, поблагодарил Миха.

— Нет-нет, действительно — это было нечто! Подлезть к его ногам и вывести такую

машину из строя... хотя так должны были сделать мои люди как профи, но они сплеховали.

— Наверное, они не ожидали его увидеть?

— Никто не ожидал. Наблюдатели доложили, что привезли новый сейф, но что этим сейфом окажется робот, никто не предполагал. Признаться, я только слышал о подобном, но никогда не видел и уж тем более не знал, как бороться. Разработчикам придется серьезно поломать головы, чтобы исправить эту грудю железа.

— И я не знал — просто доверился интуиции...

— Хорошо... Если тебя подучить, то тебе цены не будет...

— Вы о чем?

— Да так... мы уже подъезжаем.

Миха и сам уже заметил знакомые машины, но прибыла только половина: людей Кудряшки Сью поблизости не наблюдалось. «Наверное, они решили не лететь, переждать дома, — решил Миха. — Скорее всего, так и есть. В родном городе они знают каждый уголок, где можно спрятаться; хотя это и отклонение от плана, за которое можно жестоко поплатиться».

Колонна выехала за город — герметичная машина не пропускала зловония болот, достигающего пика днем, в разгар лета. Впереди появилась черная точка, которая вскоре превратилась в приземистый челнок.

Миха Кемпл вылез из машины и, стараясь не дышать, последовал за остальными к челноку. Когда дверь корабля закрылась, юный грабитель перевел дух.

— И все же, где наши друзья? — спросил Кемпл, имея в виду людей Кудряшки.

— Они тебе так дороги?

— Нет, — ответил Миха, все поняв. — Но вы говорили, что не сдаете тех, с кем работаете.

— Видишь ли, они были списаны их боссом с самого начала, в том числе и ты. Нужно же как-то отвлечь внимание полиции от нас.

— Если и я был списан, зачем вы меня взяли?

— Ты мне понравился. То, как ты разобрался с роботом, дорогого стоит.

— Это было удачное стечение обстоятельств.

— Возможно, но я сделаю, чтобы обстоятельства складывались таким образом в твоей работе как можно чаще, в том случае, конечно, если ты станешь работать на меня.

— Такое впечатление, что у меня нет выбора...

— Правильное впечатление.

Корабль взревел дюзами и, окутанный облаком пара, в который превратилась болотная жижа под струей бьющего из сопел огня, стал набирать высоту. Пинчек посмотрел в иллюминатор и, ткнув пальцем, сказал:

— А вон и наши друзья.

Миха увидел их: группу из четырех машин догоняли полицейские внедорожники, которым было без разницы, ехать ли по суше или по болотным кочкам. Кудряшке Сью дали неверные и к тому же засвеченные координаты встречи.

— Выбор есть всегда, — проговорил Пинчек. — Ты всегда можешь присоединиться к своим друзьям.

— Очень широкий выбор, — криво усмехнулся Миха, наблюдая уменьшающиеся фигурки гонявшихся друг за другом людей. Две машины были протаранены полицейскими автомобилями и остановлены. — Как насчет денег?

— А что деньги? Они твои, распоряжайся ими, как тебе заблагорассудится.

— Что ж, я согласен. И, раз уж я пошел вам навстречу, не могли бы вы сказать, кто вы такие и что вы, собственно говоря, взяли?

— Это можно. Мы свободные охотники за головами...

— Вот те раз! Кстати, по-моему, в том футлярчике голова вряд ли поместится.

— Кроме того, мы выполняем несколько специфические задания, — пояснил Пинчек, игнорируя саркастическую реплику. — Сегодня мы, например, вернули владельцу

украденную вещь стоимостью в три миллиарда реалов.

— Ничего себе! Что же может так дорого стоить и при этом уместаться в таком небольшом объеме?

— Матрица. Матрица новейшего электронного чипа. Это тебе не хухры-мухры, твои деньги по сравнению с ее стоимостью просто мелочь.

— Ясно. Теперь я охотник за головами. — Миха попытался вжиться в новую роль, примерив на себя стереотипный образ, но ничего не получилось, и в итоге он сказал: — Чушь какая...

12

Челнок вышел на орбиту, радар быстро отыскал материнский корабль и шлюпка поспешила к уиндеру. Едва закончилась стыковка, как скоростной корабль «Астрей» начал свое движение.

Судно стремительно удалялось от звезды по заявленному маршруту, чтобы у погранслужбы не возникло лишних вопросов. Вибрация увеличивалась, и вскоре Миха Кемпл почувствовал, как у него заложило уши. Звездолет действительно был скоростным: Миха отчетливо видел пронесшуюся мимо ближайшую к Вимее планету всего спустя две минуты после старта. Но, видимо, беглецы радовались преждевременно: в кабину вошел пилот.

— Сэр, у нас проблемы.

— Что случилось, Смок?

— На хвосте федералы, требуют остановиться.

— Отрывайся, Смок, — лениво распорядился Пинчек.

— Мы бы так и сделали, но нас преследует подразделение «Омега».

— Вот это уже хреново. Сбрось пока скорость.

— Есть, сэр.

Пинчек прошел в пилотскую кабину, за ним проскользнул Миха. Экран заднего вида показывал стремительное приближение космического монстра, размерами чуть больше «Астреи».

— Немедленно сбросить скорость до «ноль, ноль одной», — прозвучал из коммутатора требовательный голос. — Приготовиться к досмотру. Любое неповиновение будет рассматриваться как попытка к бегству и караться соответствующим образом. Я жду.

— Сэр, их вооружение приведено в полную боевую готовность, — сказал пилот. — Мы у них на прицеле.

— Делай, как он говорит.

— Есть, сэр, — отчеканил пилот и переключился на связь с командиром полицейского судна. — Говорит «Астрей», бортовой номер 45-09-1ВА, мы сдаемся.

— Так-то лучше.

— Одно не пойму, — задумчиво произнес Пинчек. — Как они нас нашли, все было шито-крыто.

У Михи появилось нехорошее ощущение, в животе заурчало, а потом так скрутило, что он сел там, где стоял.

— Да, парень, не повезло тебе, — сказал Пинчек, посмотрев на Кемпла. — Не быть тебе охотником за головами. И на будущее скажу сразу: никогда не препятствуй и не противоречь людям из «Омеги», спецам космических схваток или, того хуже, с «Альфой». — При этом Пинчек вытащил пистолет и забросил его в дальний угол помещения, то же самое сделали остальные члены группы. — Эти на земле вытворяют такое, что даже и мне не снилось, штурмуют любые здания в любых ситуациях и условиях, сотни лет практического опыта...

— Почему вы не сопротивляетесь? — уныло спросил Миха. — Ведь нас всех посадят.

— Не всех, а только тебя...

— Но ведь именно вы и ваши люди убили столько народу!..

— Не все так просто, парень, но детали ты узнаешь позже, а мне объяснять нет ни желания, ни времени.

Послышался звук стыковки, и вскоре все помещение заполнили полицейские в синей герметичной броне, с шевроном на рукаве в виде округленной фигурной буквы «?» желтого цвета, в окружении звезд. Из-за этого символа в уголовной среде омеговцы получили прозвище — задницы. «Действительно, — посмотрев на шеврон, отстраненно подумал Миха. — Есть что-то общее».

Всех присутствующих поставили на колени и, после того как закончили осмотр, повели на свой корабль.

— А как насчет прав и предъявления обвинений? — спросил кто-то, но в ответ получил только легкий удар в зубы.

— Всем молчать, уроды. Следующему, кто скажет хоть слово, выбью все зубы.

Сказано было таким тоном, что всем стало ясно — этот человек сделает именно так, как обещал — выбьет ВСЕ зубы, не больше и не меньше.

13

Задержанных бросали в один огромный «обезьянник», рассчитанный на две сотни человек, который оказался почти полным. Пахло здесь далеко не ресторанной кухней, а кое-чем похуже. Однако вполне терпимо, вентиляторы трудолюбиво гнали воздух, освежая камеру каким-то дополнительным ароматом, но лучше обходилось без него. Смешиваясь с запахом задержанных, этот освежитель давал неописуемый букет, который сильно тревожил усиленное многолетней болезнью обоняние Михи Кемпла.

— Здорово, Донор.

Миха обернулся к положившему на его плечо руку, им оказался Кудряшка Сью с одним своим подчиненным. Выглядели оба ободранными и измазанными, от них воняло болотной тиной, а высохшая грязь кусками осыпалась на пол.

— Привет. А где остальные?

— Убили их, — горестно сказал Кудряшка. — Мои придурки решили поиграть в героев и стали отстреливаться, их и положили всех.

— Вас подставили.

— Мы уже догадались, и, это... прости, что ли... Миха недоуменно повернулся к Кудряшке, тот был явно смущен.

— За что?

— Они подставили нас, а мы подставили вас.

— Как это?

— Да чего только не скажешь в запале. Мы увидели взлетающий челнок и указали на него, сказав: вот, мол, истинные виновники. Никто бы не придавал значения нашим словам, но один полицейский оказался удивительно ушлым и передал информацию куда следует, вот вас и повязали. Кстати, где они и почему ты не с ними?

— Они содержатся в отдельной камере, так как являются охотниками за головами, а это, как я узнал, приравнивается к сотруднику полиции, я же к таковым не отношусь.

— Да, таких здесь сразу на части рвут.

Больше говорить было не о чем. Иногда приходили полицейские и забирали по несколько человек, но прибывало народу все же больше, чем убывало. Видимо, преступность в городе совсем разгулялась, хотя было видно, что многих привлекли по пустячным обвинениям.

— Куда это их уводят?

— На суд.

— А когда наша очередь подойдет?

— Не знаю, но не думаю, что мы задержимся надолго. Поймали всех с поличным, дело

получило широкую огласку; думаю, завтра после обеда предстанем пред ясны очи судьи.

— Быстро...

— А чего им тянуть? Для них главное результат и вовремя отчитаться.

Кудряшка Сью ошибся, тянуть действительно не стали, их позвали вечером того же дня.

— Сью Ньюман, Миха Кемпл и Чуин Канк, на выход! Живее!

Кудряшку и Канка увели в душевую, откуда они вскоре вышли относительно чистыми и в мешковатых казенных костюмах неопределенного цвета. Их собственная одежда была слишком грязна для зала суда, а там следовало соблюдать некие нормы приличия.

После помывки заключенных ввели в какую-то комнатку, и Кудряшка сразу же набросился на своего обидчика — Пинчека. Но разница в мастерстве боя между ними была такой же большой, как между Сью и Михой. Ньюман перехватил Кудряшку и припечатал лицом к грязному полу. Подбежала охрана и, раздавая налево и направо удары электрошоковыми дубинками, разняла дерущихся. Когда Сью пришел в себя, то просто спросил:

— За что?

— Вы с самого начала были списаны, — так же просто, ничуть не обижаясь, ответил Пинчек. — Вы были отвлекающей группой, но не сработало.

Миха злорадно улыбнулся. Он еще не терял надежды, что сядут не только они, но и эти чертовы охотники.

— Я не понимаю, — покачал головой Кудряшка. — В чем выгода Джигряна? Ведь он не получит денег, сгорели его люди, а ведь он дал свое согласие на наше, как ты сказал, списание.

— У них свои игры. Вещь, которую мы выкрали, принадлежит гораздо более крупному боссу, которому подчиняется ваш босс. Оказав своему начальнику подобную услугу, Армен поднимается на ступеньку выше в иерархии, так что пожертвовать своими подручными ему ничего не стоило. Эти деньги ему тоже неважны, полученное с лихвой заменит потери.

— Вот как... я должен был сам обо всем догадаться.

Помещение, как оказалось, примыкало к залу суда, и, когда открылась дверь, послышался удар молотка и голос:

— Вы приговорены к двадцати годам тюремного заключения. Приговор окончателен и обжалованию не подлежит.

И снова удар молотка, от которого у Михи кровь застыла, и он подскочил на сиденье. Приговоренного вывели через открывшуюся дверь: на вид он действительно был зверем и маньяком.

— Давайте заходите, — велел судебный исполнитель. — Судья Дредман ждать не любит.

Народу в зале собралось необычайно много, процессию освещали вспышки фотокамер, кто-то пытался задать вопросы, но его теснили полицейские. Ждать пришлось не судье, а самого судью, тот где-то задерживался. Наконец вышел, прозвучала ритуальная фраза: «Встать, суд идет».

— Садитесь, — сказал судья грубым голосом.

Как показалось Кемплу, на вид он мало чем отличался от только что виденного им уголовного: крупный, с нависшими надбровными дугами.

— Садитесь, — повторил судья. — Рассматривается дело о грабеже «Шульц и компания»... пардон, «Шмидт и компания». Первым рассматривается дело некоего Юкки Пинчека и его банды. Встаньте.

Поднялись семнадцать человек. Поскольку обвиняемые защищали себя сами, Пинчек поднял руку и произнес:

— Протестую, ваша честь. Мы не банда, а свободные охотники за головами, на что есть соответствующая федеральная лицензия за номером 246308825207. Мы своего рода помощники правосудия.

— Это мы еще посмотрим. Садитесь. Итак, вы обвиняетесь в грабеже, убийствах, попытке скрыться от правосудия. Что вы скажете на это? Не советую влиять и уходить от ответа. Собранных материалов более чем достаточно, и мне не хотелось бы тратить на них время. Итак?

— Ваша честь, обвинять нас в грабеже неправомерно и несостоятельно. Вещь, которую мы изъяли из сейфа «Шмидт и компания», являлась краденой, и мы, раз это не может сделать полиция, возвращали ее истинному владельцу, что отображено в договоре о нашем подряде. Этот договор и наше право на деятельность также зарегистрированы в местном полицейском участке.

Судья проверял информацию по терминалу и только после этого задавал следующий вопрос.

— Вы действительно зарегистрировались... за десять секунд до начала вашей операции. Ладно, — махнул рукой судья на очередную попытку Пинчека встать. — С этим мы разобрались, обвинение в грабеже снимается. Что вы скажете на обвинение в убийстве двенадцати человек, в том числе зарегистрированных охранников, и в ранении более чем двадцати людей?

— Ваша честь, согласно статье триста четыре, части пятой пункта «В», — без запинки выпалил Пинчек, — мы действовали в порядке самообороны.

— Гладко чешет, — чуть ли не восхищенно произнес Кудряшка.

— Да уж...

— Вы назвали себя и цель своего визита, перед тем как открыли огонь?

— Нет.

— Это является нарушением. Кроме того, в ходе операции вы использовали гранаты. Были ли гранаты или сходное по мощности оружие у охраны, и использовали ли они его?

— Нет, но...

— Это также является нарушением. За то, что не назвали себя и не объявили цели своей операции, а также за превышение норм самообороны на вас возлагается штраф в размере семисот тысяч реалов, — торжественно произнес судья и стукнул молотком. — Переходим к третьему вопросу. Попытка скрыться от правосудия, создание аварийных ситуаций на дорогах, порча муниципального имущества, а также укрытие подозреваемого. Что вы скажете на это?

— Признаем, но этого мы случайно с собой забрали, — Пинчек кивнул в сторону Мухи Кемпла, — в спешке, так сказать...

— Сука...

— Оглашается приговор. Вы должны возместить понесенные расходы как физических, так и юридических лиц и выплатить штраф, в который включаются все издержки в сумме одного миллиона девятисот тысяч реалов. Имеется ли у вас данная сумма?

— Имеется, ваша честь.

— Отлично. Дело закрыто, вы свободны.

— Спасибо, ваша честь.

Муха сидел как в тумане. Мимо прошли оправданные свободные охотники — их выпустили из-под стражи прямо в зале суда. Кемпл понимал, почему так легко отделался Пинчек: у судьи были другие обвиняемые, на которых можно свалить всю ответственность, а с «помощниками правосудия» связываться никто не хотел. Скорость, с которой судья разбирал дело, также несколько обескураживала.

— Слушается дело Сю Ньюмана и Чуина Канка по делу грабежа «Шмидт и компания». Вы признаете свою вину?

— Да, ваша честь, — сказал Кудряшка, а его подельник только обреченно кивнул головой. Спорить и доказывать обратное было бессмысленно, все запечатлелось на видеочипах.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Нас заманили и подставили.

— Оглашается приговор. Сью Ньюман и Чуин Канк, в связи с тем, что вы злостные нарушители законности, приговариваетесь к семнадцати и пятнадцати годам заключения соответственно, без возможности досрочного освобождения. Никакие «нас заманили и подставили» здесь неуместны: вы злостные рецидивисты, которые оказывали сопротивление силам правопорядка, к тому же Ньюман является главарем банды.

— Но, ваша честь! — воскликнул Кудряшка.

— Приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Увести осужденных.

Полицейские оттащили брыкающегося Кудряшку, явно несогласного с таким сроком, и увели через ворота позора, через которые привели сюда.

— Так, что тут у нас? — пробормотал судья Дредман, перебирая бумаги на своем столе. — Ах да, Миха Кемпл. Миха Кемпл, вы обвиняетесь в грабеже «Шмидт и компании», а также в разглашении корпоративной тайны. Вы признаете свою вину?

— Да, ваша честь.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Мне нечего сказать в свою защиту, ваша честь.

— Оглашается приговор. Миха Кемпл, вы признаны виновным. — Миха ожидал это услышать, но ноги при этих словах все равно подкосились, а сердце замерло. Судья продолжал: — Смягчающим обстоятельством служит то, что раньше вы не привлекались и даже не имели приводов в полицию, вели вполне законопослушную жизнь. Итак, вы приговариваетесь к десяти годам тюремного заключения, с возможностью досрочного освобождения. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Увести осужденного.

Стук судейского молотка вывел Миху из ступора, и только тогда он наконец понял, что произошло. Всю глубину произошедшего и что теперь он изгой, немеющий более права селиться на федеральных планетах, а если и разрешат, то на очень жестких условиях. Правда, до нового поселения ему предстоит еще отсидеть срок.

14

Полицейский шаттл с двумя сотнями заключенных летел в тюрьму. Поскольку случались попытки угона транспорта самими заключенными и попытки отбить его силами пиратов для пополнения своих рядов свежими силами, то во избежание подобных нападений корабль сопровождали истребители.

Строительство тюрем на планетах, особенно таких как Вимея, считалось нерациональным, и потому их располагали в отработанных шахтах спутников планет-гигантов. Что было хорошо по многим причинам, а главная из них — принципиальная невозможность побега. Ну куда побежит человек, даже если сделает подкоп и выберется наружу? Ведь на поверхности нет атмосферы, а если и есть, то непригодная для дыхания.

Миху посадили возле иллюминатора, и он смотрел наружу, понимая, что, возможно, в последний раз смотрит на свободный мир перед десятилетним заключением. Шаттл готовился к посадке, мимо пронеслась белая планетка, испещренная глубокими шрамами каньонов. Где-то там, в одной из солевых пещер, релаксировали его родители, не подозревая ни о том, насколько близко от них сын, ни о его участи.

Спутник, на который садился транспорт, был полной противоположностью привычного мира. Черный, неприветливый, он с первого момента оставлял гнетущее впечатление, особенно у заключенных, которые его видели.

— Все на выход! — кричал конвоир, после того как шаттл сел и отстегнулись кандалы. — Не толпиться, не разговаривать!

Узников погнали по тесным коридорам. Шустрые администраторы разделяли поток новоприбывших — по срокам заключения и по статьям приговора. Делалось это для того, чтобы насильники и убийцы находились в окружении себе подобных, а не передавали свой пагубный опыт мелким мошенникам и другим осужденным — благо места хватало для всех.

— Живее, живее, — кричали уже другие охранники, подгоняя дубинками особо

непонятливых. — Всем раздеться!

Раздетых заключенных провели в просторное помещение, где окатили водой из шланга. Струи больно врезались в кожу. После «душа» всем в быстром темпе выдали полотенца и комплекты одежды абсолютно одинакового размера. Роба висела на Михе мешком, как на шесте.

На груди были номера, и следующие охранники-администраторы регистрировали новичков, вписывая в реестр напротив номера фамилию заключенного, которую тот называл сам. Как оказалось, цифра означала не просто порядковый номер, но и номер камеры.

— А теперь живо по камерам!

И снова подгоняемые дубинками арестанты разбегались по своим местам. Миха двигался как автомат, ничего не соображая, мозг отказывался воспринимать информацию, словно переполненная дискета. Мимо сознания проскользнул оглашенный распорядок дня и прочие правила поведения.

Камера оказалась двухместной. Миха осторожно осмотрелся: все выглядело в точности как в кино. Двухъярусная кровать, сортир, стена, обклеенная фотографиями и обложками журналов с голыми девицами. «Не хватает только здорового бугая с неопределенной сексуальной ориентацией, — иронично подумал Миха и поднял глаза на своего сокамерника. — Ну хоть с этим все в порядке». Сокамерником оказался вполне нормальный субъект, чуть выше ростом со шрамом на щеке, но в остальном вполне обычный человек.

— Не ссы, — сказал тот. — Не стану я тебя трахать. Подобные сидят в другом крыле.

— И на том спасибо.

— Гвоздь, — протянул руку заключенный.

— Миха Кемпл, — представился он и протянул руку в ответ, решив за лучшее не называть кличку, полученную от банды Сью.

— За что сюда?

— Ограбление.

— А по тебе не скажешь, — удивленно сказал Гвоздь. — Твоя койка снизу.

— Да мне без разницы. А вообще-то грабили мы «Шмидт и компанию», и все почти получилось...

— Так всегда, — согласно кивнул головой Гвоздь. — Все почти получается, но остается неучтенной маленькая деталь, из-за которой все рушится. Я прав?

— Абсолютно. Ты не поверишь, но я за весь день только чаю выпил; когда тут следующая кормежка? — спросил Миха, почувствовав зверский аппетит. Настроение несколько улучшилось, и он решил, что так на него повлиял сосед: ведь он опасался увидеть бугая.

— Скоро. Сколько тебе дали?

— Десять лет.

— Не слабо. Я тут уже второй год торчу из семи положенных, сил уже нет. Наверное, именно в однообразии и заключается весь смысл наказания...

Миха ничего не ответил, поскольку не знал, что именно сказать, да еще скрутило живот в голодном спазме. Прозвучал сигнал, и где-то вдалеке послышался скрип колес.

— А вот и твой завтрак.

— Ну наконец-то! А я думал, что едят в столовой...

— Только обед. Завтрак и ужин выдается в камерах. Подставляй тарелку.

Миха взял с полки чашку и просунул в щель. Туда бухнули что-то зеленое, сверху упал кусок хлеба, а в кружке, наполовину расплескавшейся, оказался чай.

— Что это? — спросил Кемпл, подозрительно нюхая содержимое тарелки.

— Доподлинно никто не знает, но утверждается, что здесь имеются все необходимые для организма элементы, — ответил Гвоздь, поддевая ложкой тягучую субстанцию. — Хотя на вкус вроде ничего.

— А что тут вообще делают?

— Все зависит от тебя. Хочешь, весь срок валяйся на койке, но по собственному опыту

скажу: протянешь не больше месяца, рано или поздно захочешь чем-нибудь заняться. Шахты здесь выработаны не до конца, и можно пойти туда, будешь даже небольшую зарплату получать. Можно в техники податься, ремонтировать старое оборудование, которое сюда привозят. В общем, со временем все узнаешь и выберешь себе занятие по вкусу. Но работа только после обеда; по-моему, вынужденное безделье здесь тоже одна из форм изощренного наказания...

— Отсюда можно позвонить?

— Подашь заявку и завтра сможешь звякнуть, но не дольше трех минут и не чаще одного раза в неделю в пределах системы.

— Этого вполне хватит.

— А куда ты хочешь позвонить?

— Родителям, они ведь даже не знают, во что я вляпался.

— Ну дела...

За разговорами подошло время обеда. Построившись в длинную очередь, заключенные получали подносы, в миски со смачными шлепками плюхалась разноцветная каша с поварешек раздатчиков. Похоже было, что пища различалась только цветом, на вкус различия были незаметны.

15

После обеда Миха Кемпл отстоял длинную очередь на звонок, получил талон с четким лимитным временем и местом в графике звонков. Как оказалось, здесь же можно получить работу, но он пока таким благородным желанием не горел, решив для начала освоиться и разузнать все подробнее.

Очередь казалась бесконечной, и, когда он ее отстоял, все свободное послеобеденное время, отведенное заключенным, которое они проводили в спорткомплексе или в кинозале, почти прошло. Пришлось возвращаться в камеру. Его соседа там уже не было, сидел какой-то здоровяк. «Ну вот, — подумал Миха. — Час от часу не легче».

Как посмотрел на него здоровяк, Кемплу не понравилось, но он все-таки решил соблюсти приличия и представился:

— Миха Кемпл.

— Шнур... — И снова эта зловещая улыбка, не сулящая ничего хорошего, к тому же во время рукопожатия оголилась наколка, также не способствующая хорошему настроению.

— А где мой сосед Гвоздь?

— Не знаю.

Миха по-новому оглядел камеру. «Сортир, койка, — мысленно перечислял он. — Стеллаж... ничего нет! Хотя...»

Кемпл подошел к туалету. Предательски забило сердце, но он, к собственному удивлению, быстро успокоился, решив довести начатое до конца, поскольку новый сосед выглядел сильнее него, а что могло произойти ночью, лучше было не думать. Крышка бачка оказалась довольно массивной. Шнур куда-то вышел, время еще оставалось, и Миха исхитрился вывернуть держатели и отсоединить крышку.

Шнур вернулся перед самым закрытием дверей, Кемпл встал, якобы закончив свои дела, а когда сокамерник повернулся спиной, схватил крышку и обрушил ее тому на голову. Голова Шнура оказалось достаточно крепкой и он, повернувшись и еще не до конца сфокусировав взгляд, спросил:

— Ты чего?

— Не будешь лыбиться, ур-род!

Миха снова замахнулся, Шнур пытался защититься, но не смог. Массивная крышка отбила в сторону руку, сокамерник вскрикнул, но долго кричать не смог.

— Ненавижу...

Миха все махал и махал крышкой от толчка, обрушивая удары уже на неподвижное

тело. Остановил его звук сирены, и только тогда он посмотрел на дело своих рук. Шнур плавал в луже собственной крови и, возможно, был мертв. Кемпл оторвал взгляд от Шнура и прислушался к радио. Говорил начальник тюрьмы:

— ... все желающие могут собраться в спортивном зале. Остальным лучше не выходить и остаться на своих местах.

Миха выругался. Основное сообщение он пропустил, но оставаться здесь тоже не собирался. «Что я натворил?! — в ужасе подумал Кемпл. — Теперь мне вообще пожизненное светит!»

Народу в зале собралось немереное количество. По разговорам становилось понятно, что далеко не всех заинтересовало неизвестное предложение, но никто не отказывался от столь редкого бесплатного развлечения.

Миха слышал обрывки фраз, но так и не смог разобраться, о чем идет речь.

— Я слышал, что в других тюрьмах такое предлагали, — говорил один заключенный за спиной Михи. — Но здесь еще не случалось.

— Ты прав, я тут уже пять лет и ни о чем подобном не слышал, — вторил другой. — И если все правда, то я не соглашусь. Мне всего два года сидеть...

Анализировать полученную информацию не получалось, мысли сами возвращали Кемпла в камеру, он уже был абсолютно уверен, что убил Шнура. «Теперь мне никогда отсюда не выбраться, — подумал Миха. — Никогда...»

В зале стихло. На импровизированный помост вышел человек в зеленой военной форме; сидела она на нем как влитая, не хватало только усиков и сигаретки. Он всех оглядел слегка презрительным взглядом, подул в микрофон и сказал:

— Меня зовут майор Давыдов, вооруженные силы Федерации Северных Государств. Я представляю сухопутные силы...

— Что вы тут забыли, майор?! — крикнул кто-то из зала.

— Заткнись, мразь. Нашей родине требуются солдаты, и для вас у меня хорошее предложение.

— Стать пушечным мясом?! — выкрикнули из другого конца.

— Так, уроды, все заткнулись. Кому неинтересно, могут валить обратно в камеры. Еще один выкрик с места, и карцер на десять суток вам обеспечен, — вступился за майора один из заместителей директора.

— Спасибо, — кивнул ему военный. — Итак, согласно закону, любой из вас может отбыть срок в рядах вооруженных сил. Естественно, в особых частях. Вы будете получать зарплату и, что самое для вас приятное, оставшийся срок уменьшается наполовину. То есть если кому-то из вас, к примеру, сидеть десять лет, то срок службы составит пять лет, и по окончании срока службы, если вы не захотите остаться, вы свободны как ветер. Те, кто осужден на сроки более двадцати лет или даже пожизненно, служат ровно десять лет, без права поселения на федеральных планетах. Возможно и досрочное окончание службы при...

— Ладно, хорош расфуфыривать, — снова прозвучал выкрик из зала. — Плюсы всем хорошо известны, ты лучше расскажи о минусах!

Майор движением руки остановил дернувшихся было охранников.

— Говорить особо не о чем. Вас могут убить, ведь служить предстоит в действующих войсках против сепаратистов. Особо не позеваешь.

— А в чем заключается основная служба?

— В основном это охрана промышленных объектов, зачистка близлежащих территорий и очень редко — фронтовые операции. Сепаратисты не любят воевать лоб в лоб.

Посыпались новые вопросы, но Миха их уже не слушал, он думал о своем: «Пять лет, всего пять лет против десяти! Главное, чтобы мне не припаяли последнее убийство, иначе в любом случае придется служить десятку».

— Итак, кто принял решение, прямо сейчас могут пройти в двери за моей спиной. Времени на раздумья нет, в следующий раз набор будет производиться через полгода. Так что решайте в темпе, транспортный корабль отходит через двадцать минут.

Зал зашумел, кто-то с кем-то спорил, и несмело люди потянулись в указанную майором дверь. Миха Кемпл долго не размышлял: он решительно встал и влился в тоненький человеческий ручей. Вид появившихся в центральном проходе охранников с очумелыми глазами заставил его обогнать нескольких арестантов и проскочить одним из первых.

16

Несколько месяцев прошли как в кошмарном сне. Каждый день многочасовые тренировки, носившие узконаправленный характер, рассчитанный на условия конкретной территории, где им предстояло нести службу. И учили их так, что Миха стал сомневаться, что они будут только охранять базу и изредка вылезать на задания. Сейчас казалось, что будет в точности наоборот. А действовать, судя по всему, предстояло в горной местности, сильно заросшей лесами, что не могло радовать.

Особенно Кемплу запомнились слова сержанта Камеруна, сказанные в первый же день по прибытии новобранцев на базу:

— Поздравляю вас, отребье! Теперь вы солдаты. А поздравляю я вас с тем, что первый серьезный бой не переживут трое из десяти, и это в лучшем случае. И вообще хочу сказать, что до конца службы из вас дотянет не более пяти процентов. Но я постараюсь, чтобы эта цифра увеличилась хотя бы до десяти, и, если будете делать все, как я скажу, может, так оно и будет.

Начало, сразу скажем, не слишком воодушевляло, но Миха понимал, что терять по большому счету ему нечего. Две недели спустя он позвонил родителям, которые к тому времени только вернулись и не знали, что с ним случилось. Убедившись, что им неизвестна правда, Миха наврал с три короба, сказав, что его отправили сопровождающим, с грузом, на другой конец освоенного мира, на несколько месяцев. Надеюсь, что если к тому времени будет еще жив, то придумает версию поубедительней.

— Рядовой Кемпл, вы что, заснули?!

— Никак нет, сэр!

Миха ненавидел сержанта Камеруна всеми фибрами души, впрочем, как и все остальные солдаты седьмой роты, полностью сформированной из уголовников, набранных в различных тюрьмах. Сержант не был исключением: отслужив положенные десять лет, он стал инструктором, и если до сих пор оставался в живых, то значит, знал, о чем говорил.

— Если будете спать, то бородачи быстро прострелят вам башку, рядовой. Будьте всегда начеку, развивайте в себе чувство опасности, смертельной опасности. Доведите это чувство до паранойи, чтобы оно стало вашим вторым Я.

— Есть, сэр.

Через месяц общефизической подготовки им выдали оружие.

— Это облегченный автомат «корс», калибр пять, пятьдесят пять на пятьдесят патронов. Специально для действий в горных условиях. Я думаю, большинство из вас знакомы с оружием, и, сдается мне, больших сложностей с овладением автоматом у вас не возникнет. Он снабжен пятикратным оптическим прицелом. Сегодня мы займемся его калибровкой и более детальным изучением, во время которого вы должны научиться разбирать и собирать оружие за одну минуту, при этом успевая его чистить. А сейчас подхватили оружие и на полосу препятствий.

Рота поднялась с земли и двинулась к оной полосе, представлявшей собой лесистую местность на горном склоне. Чтобы добраться до нее, требовалось преодолеть горную речку. Каждую ночь полосу немного видоизменяли профессиональные саперы, ставившие мины в самых неожиданных местах. Впрочем, мины были не боевыми, а красящими, подорвавшегося пачкало алой пищевой краской. Редко кому удавалось пройти, не заляпавшись. В первый раз все пришли, заляпанные краской с ног до головы. По крайней мере, Михе это ни разу не удалось.

— Вы должны научиться инстинктом чутко чувствовать место закладки мины. Будь то фугас или

простая растяжка. Пошли.

Миха подхватил автомат, поправил бронежилет и каску, спустился в овражек, намереваясь форсировать речку. Кто-то рядом с ним встал на камешек, надеясь перейти *речку* сухим. Фонтан красной воды не дал ему этого сделать, неудачника отбросило назад.

— Эт-т твою мать! — отплеываясь от песка, сказал тот. — Что-то новенькое.

— Ну сколько можно повторять вам, баранам. Будьте всегда начеку, — несколько раздраженно говорил сержант, так чтобы слышали все. — Солдат, помни, самый легкий путь не значит правильный. Этот камень так и просился, чтобы на него встали, и ты, дубина, встал. Помните, враг коварен и безжалостен. Продолжайте движение.

Миха, наученный горьким опытом, вошел в воду, высокие шнурованные ботинки на какое-то время задержали ее, но она нашла лазейки, и вскоре ноги промокли насквозь. Вода поначалу была прозрачной, но быстро мутнела от песка, поднятого ногами тех, кто шагал выше по течению. Ниже раздалась еще два взрыва, и Кемпл сам чуть не наступил на еле заметную нить растяжки. Перешагнув через нее, он спустил несколько метров благополучно выбрался на берег.

Было холодно, в ботинках неприятно хлюпало. Предстоял подъем в гору.

— Продолжайте движение, не стоять! — подгонял сержант.

— Но просушиться-то хотя бы можно? — спросил подорвавшийся солдат.

— А как ты думаешь, солдат, бородачи дадут тебе такую возможность?

— Нет, сэр.

— То-то же. Вперед!

Миха пошел к лесу, отметив, что сержант ходит с расстегнутой кобурой. Камерун понимал, что многие при случае не упустят возможность его подстрелить. И хотя сейчас они шли с пустыми магазинами: патроны выдавали только на стрельбище, — но кто-нибудь ради такого запросто мог незаметно украсть пару патронов. Такое уже случалось, давно, но случалось.

Кемпл вошел в густой лес и, глядя прямо перед собой, старался, как их учили, замечать подозрительные вещи, будь то сухая веточка или блеснувшая паутинка. Впрочем, миной могла оказаться простая кочка, потому следовало остерегаться всего.

— Ты прям как кот ходишь.

— Чего? — Михаил отвлекся, и тут же взрыв заляпал всю его спину краской. — Дерьмо!

— Говорю, как кот ходишь, — немного посмеявшись, повторил сосед и протянул руку. — Джеймс Бингер или Барбос.

— Михаил Кемпл, второго имени нет, — пожав руку, соврал он.

— Это ничего. Потом что-нибудь прилипнет, тот же «Кот», например.

— Да мне без разницы.

Кемпл повернулся: следовало добраться до вершины в числе первых, при этом задев как можно меньше ловушек, чтобы не получить какого-нибудь неприятного наказания вроде кукареканья перед строем. Почему-то петух считался самой позорной из птиц, хотя почему так было, объяснить никто не мог. А кукарекать или блять по-козлиному Михаил не хотел.

17

Вокруг царила слепящая белизна, глаза плохо подчинялись ему, но белый цвет он различал явственно. Других цветов поблизости не наблюдалось. А сверху лился яркий, ослепительно яркий свет, бьющий прямо в глаза. «В бога я не верю, а значит, это не рай, — подумал Михаил. — Ну а ад выглядел бы несколько иначе».

Миха Кемпл попытался повернуть голову, но вот странно — сделать этого никак не мог. Что-то препятствовало любому движению. Вскоре он стал различать звуки, слышались чьи-то голоса, но разобрать их значение Михаил не мог: просто голоса, — как ему казалось, немного тревожные. Чья-то тень приблизилась, и наступила абсолютная тьма.

Миха рывком поднялся с кровати, так что потемнело в глазах. «Какой странный и

неприятный сон, — подумал Кемпл. — Он даже страшнее иного кошмара будет». Миху передернуло, ощущение беспомощности во сне не оставляло, что было крайне неприятно. Внутри стоял холод, будто кто-то вложил в грудь кусочек льда.

— Кот, что с тобой? — с тревогой спросил Барбос. — Ты когда лежал, на труп сильно смахивал.

— Почему? — спросил Миха. Сравнение его несколько покорило.

— Ты лежал, не двигаясь, с открытыми глазами, не моргая, и глаза были какими-то стеклянными, помутневшими, что ли... в них не было жизни. Мне даже не по себе стало.

— Долго я так лежал?

— Секунд десять, может, пятнадцать. Я даже подумал, что все, кранты нашему Коту.

— Это я так тренировался, — нашелся что сказать Кемпл. — Так, на всякий случай.

— Ну-ну, — протянул Барбос. Было видно, что он не поверил Михе.

Кемпл трудно сходил с людьми, и Барбос попал в число тех немногих, с кем он постоянно общался. В роте Миха получил прозвище Кот за свою манеру двигаться по лесу. Он проходил всю полосу препятствий с минимальным количеством подрывов, испачкавшись за всю дистанцию краской раза два, не больше. Остальные продолжали цеплять по пять-шесть мин.

— Ладно, давай быстрее, на завтрак опоздаем.

— Уже иду.

Порядки в лагере несколько ослабли, теперь разрешалось не ходить строем, как требовали в самом начале. Дозволялось свободное перемещение по территории базы, но не за ее пределы. За соблюдением этого правила строго следили всевозможные датчики и сенсоры, чтобы никто не сбежал. Дезертиров ждало суровое наказание — немедленная отправка на фронт в штрафбат. Там люди долго не заживались, о чем знал каждый.

Следующим номером их программы после довольно плотного завтрака значилось стрельбище. Миха привычно, под присмотром ефрейтора, взял свой автомат из оружейного ящика в арсенальной. Тот же ефрейтор выдал ровно пятьдесят патронов в коробочке, которые Миха принялся сноровисто заряжать в объемистый цилиндрический магазин.

— Ну покажите, на что вы способны, — предложил на полосе сержант.

Сто человек подошли к стартовой линии и по сигналу сержанта Камеруна бросились вперед.

Сначала под колючую проволоку, которая тянулась добрых десять метров. Солдаты обдирали амуницию, но лезли вперед, придерживая автомат, чтобы тот не застрял в коварных квадратах затейливо натянутой колючки.

Миха Кемпл выбрался из-под первого препятствия и шагнул на следующий рубеж. Здесь были разложены колесные покрышки. Миха бежал, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. На этот раз он прошел данное препятствие благополучно, не упал и даже ни разу не споткнулся.

Следующим препятствием служили сетка и канат. Кемпл забирался по плохо закрепленной снизу сетке, отчего ноги выскальзывали из ячеек, и все тело раскачивалось вместе с непрочной опорой. Двойной трос не представлял из себя ничего хорошего, требовалось пройти по нему, придерживаясь руками за второй трос над головой, медленно, словно двигаясь по узкому карнизу над обрывом.

Дальше начиналась следующая десятиметровка. На этот раз двигаться пришлось из стороны в сторону внутри железного каркаса. Приходилось перебрасывать свое тело рывками, подтягиваясь на руках: как показывал опыт, так было быстрее. Миха считал каркас самым глупым тренажером.

Еще десять метров ползком в изогнутой трубе, и остальные пятьдесят метров до финиша — просто быстро пробежать. Миха упал на стрелковую позицию одним из последних и, сняв предохранитель, открыл огонь.

Первые три пули ушли в семерку, почти в молоко, и все из-за пройденной полосы препятствий.

Миха никогда не любил физическую культуру, считая ее абсолютно бесполезной и мешающей нормально жить. Не любил ее и сейчас.

— Что, Кот, совсем хреново? — весело спросил Барбос, упавший рядом немного раньше и уже отстрелявшийся на лежанке.

— Еще не совсем...

Кемпл собрался, в принципе, стрельба у него получалась хорошо, и, немного успокоив расшалившиеся нервы, он выпустил последние семь патронов, которые на сей раз попали в девятки, а парочка угодила в десятку.

Пораженная мишень упала, и Миха встал на колено. Следующая появилась в десяти метрах за первой. С этой было проще, и десять патронов выбили центр картона, образовав дыру.

Следующим и последним был «лес». Здесь требовалось подстрелить мишень, выскочившую из-за ствола дерева, но подстрелить именно бородача, а не какую-нибудь зверушку. Убитый зверек сильно снимал баллы. Мишени появлялись лишь на одну секунду, и за это время нужно было успеть ее снять, при этом оценив, кто есть кто. Иногда, очень редко, вместо бородача, но очень на него похожий, появлялся «свой», а его подстрелить — последнее дело, за такое снимали вообще все баллы.

Миха стрелял почти без промаха, поставив автомат для большей точности на двойной выстрел, и словно предугадывал, откуда появится следующая мишень. Компьютер выдвигал мишени каждый раз по-новому, не повторяясь. Кемпл всегда старался стрелять в голову, за что его чуть не прозвали Кочерыжкой, но как-то не прижилось.

— Класс, — сказал подошедший сзади Медведь. Он был здоровяком, довольно-таки выносливым, но вот со стрельбой у него не ладилось.

— Привет, Косолапый, — поздоровался Миха с Медведем. — Опять пятаки?

Миха удивлялся Медведю, здоровяку с добродушно-глупым выражением лица. «За что он вообще сел? — подумал Кемпл. — Может, нечаянно убил кого, не рассчитав силу удара?»

— Угадал.

— Тебе гранатомет нужен: куда ни попадешь, одни ошметки остаются.

— Да, сержант после пристрелки обещал походатайствовать о «гранике».

Миха согласно кивнул, «граником» называли ручной револьверный тридцатимиллиметровый гранатомет «ГРД-6» на шесть выстрелов, в народе прозванный еще и «колобком». На пристрелке такой бандуры Медведь показал наилучшие результаты, поскольку только ему удалось играючи совладать с ее тяжестью, ну а таскать на себе зарядную сумку с дополнительными патронами в количестве двадцати штук ему труда большого не составит.

18

За разговорами все не забывали оглядываться на сержанта и двух его помощников — капралов, которые ходили и записывали в блокноты результаты стрельбы.

— Ну что встали? — спросил сержант Камерун, подойдя к своей роте. — Всем марш-бросок на десять километров.

Миха тяжело вздохнул, и это не укрылось от сержанта.

— Что такое, солдат, вам скучно?

— Никак нет, сэр. Очень даже весело... сэр. Кемпл с запозданием понял, что совершил большую оплошность. Привычка все отрицать и убеждать начальство в обратном сыграла с ним злую шутку. Понимал это и сержант.

— Раз так весело, то отождмитесь тридцать раз. Миха забросил на спину автомат и упал на землю. Наказание было не слишком суровым: могли бы приказать пробежать на пяток километров больше, хотя и отжимание отнимет много сил, а в беге Миха и так не очень силен. Десять километров он, конечно, пробежать мог: усиленные тренировки на тренажерах и нормальное питание дали ему возможность теперь это сделать, но чувствовал он себя

после как выжатый досуха лимон.

Миха догнал ушедшую вперед роту, с ужасом и усмешкой вспоминая те недалекие времена, когда даже три километра казались ему неразрешимой проблемой. На финише он чуть ли не падал, будучи при этом «пустым», а не в полной экипировке, как сейчас.

На марше Миха злился, считая, что этот дурацкий бег — пустая трата времени и сил. Миха подтянул все ремешки, чтобы ничего не брэнчало и не ерзало, натирая кожу до кровавых синяков.

— Ну что, размялись? — спросил сержант, когда рота остановилась, пробежав десять километров марш-броска.

— Так точно, сэр... — не слишком ровным хором ответила рота.

— Прекрасно. Тогда снимайте свое барахло и добро пожаловать на татами.

Спортивная площадка для единоборств представляла собой утоптанную землю под легким навесом, не предусматривались даже смягчающие маты. Потому все прошли в казарму, скинули бронежилеты и переоделись в легкую спортивную форму, а старую отнесли в сушилку, она на сегодня еще должна была пригодиться.

Сто человек сели в круг, где в центре стоял сержант: он был, кроме всего прочего, еще и инструктором по рукопашному бою.

— Итак, вот вы после тяжелого перехода по горам навалились на банду бородачей, — начал Камерун свое традиционное вступительное слово. — Закончилась короткая перестрелка; кого-то подстрелили вы, кого-то убили у вас, в итоге дело дошло до рукопашки. Рядовой Кемпл, как нужно действовать, если у вас закончились боеприпасы, а враг наступает?

— Есть два варианта. Первый — замаскироваться и, как только противник подойдет достаточно близко, всадить в него нож.

— А если спрятаться не получится?

— Нападать первым.

— Молодец, рядовой, сейчас мы отработаем нападение. Я бородач, а ты — это ты. Давай.

Кемпл тяжело поднялся на ноги; после бега на длинную дистанцию они гудели и даже вроде как онемели. Взял тренировочный нож из твердой резины и двинулся на сержанта. Рукопашная, как и бег, не была его сильной стороной, но Миха собрался и провел серию резких выпадов. Камерун легко уклонялся и парировал удары, потом сам перешел в наступление, и теперь уже Михе пришлось защищаться. В конце концов нож выбили, и Кемпл оказался повержен, «заколотый» своим же ножом.

— Ну что ж, уже лучше. Следующий.

Занятия продолжались своим чередом. С другими солдатами сержанту удавалось справиться не так легко, как с Михай. Тех учила улица, и от их выпадов уклониться было уже не так просто. Кто-то, вот чудо, даже сумел повалить сержанта, но «убить» его не смог. Камерун вывернулся и «свернул» противнику шею, сказав при этом:

— Неплохо, но нужно еще много работать. Все следили за действиями сержанта, постигая нелегкую науку побеждать. Потом он стал объяснять новые приемы и некоторые заставлял повторять солдат в спарринге.

— Ну дает сержант, — с ноткой восхищения сказал Барбос уже в столовой. — Скольких же он бородачей ухлопал?

— Сотни две, наверное, голыми руками придушил, — предположил Миха.

— Или даже три, — вставил Медведь. Жрал он за троих; впрочем, еды хватало.

— А ведь я его, признаться, убить хотел, — признался Барбос. — Даже план составил.

— Удивил, — ухмыльнулся Медведь. — Тут его каждый второй прибить хотел, это не считая каждого первого.

После обеда пошло своим чередом. Час теоретических занятий по тактике боя сменился практикой минно-взрывного дела. Учились устанавливать и снимать растяжки, обезвреживать фугасы или правильно уничтожать «неизвлекаемые». На этом поприще Миха

добился больших успехов.

Потом снова отправились, на стрельбище. Теперь к автоматам выдали двадцатимиллиметровые подствольные гранатометы. Считалось, что в лесу они бесполезны, но овладеть ими в совершенстве все же следовало. Мишени по полю носились хаотично, с немыслимой для человека скоростью, на что сержант говорил, что так им будет легче подстрелить реального врага. Гранаты к подствольнику были холостыми: следовало лишь рассчитать траекторию и забросить их по два в одну из пяти жестяных корзин. «Корс» при выстреле чувствительно дергался в руках, но из десяти гранат Миха Кемпл точно положил девять, установив рекорд.

К нему вплотную приблизился Медведь. Сержант наконец-то выдал ему «колобка», и этим огромным пистолетом Косолапый с громким хлопком закидывал одну гранату за другой. Скорострельность при этом у него была просто чудовищной. После того как Медведь отстрелялся, он с обожанием посмотрел на оружие; казалось, еще немного, и он погладит ствол, но все же удержался. Медведь нашел то, что ему было по вкусу.

19

— Рота, подъем! Боевая тревога!

Звучный голос сержанта Камеруна сработал не хуже побудной сирены. Солдаты повскакали с коек как ужаленные и стали быстро одеваться. Только-только забрезжил рассвет, их подняли за час до положенного времени.

— Слушай мою команду! — продолжал сержант, наблюдая за сборами. — На высоте ноль три закрепился враг, ваша задача выбить его оттуда всеми возможными средствами.

Высота 0,3 являлась минной полосой препятствий у реки. До Кемпла не сразу дошел смысл сказанного, но как только он понял, возникло множество вопросов.

— Что за хрень? — ворчал рядом Барбос. — Какая, в жопу, высота?! Какой противник?..

Миха тоже не прочь был об этом спросить. Надев каску и поправив бронежилет, Кемпл выбежал наружу и встал в строй. Непонятную ситуацию прояснил сам сержант.

— На обозначенной высоте стоит флаг, ваша задача захватить его.

Только тут до Михи и всех остальных дошло, что это учения.

— Флаг защищают десять человек. Получите боеприпас.

Рота подбежала к арсенальной, и старый ефрейтор принялся раздавать патроны, заряды к подствольному гранатомету, и каждому выдал нож. Миха сразу же почувствовал, что боеприпасы легче обычного.

— Сэр, они что — холостые? — озадаченно спросил Кемпл.

— Нет, солдат, это специальный красящий боеприпас. Ваш противник оснащен таким же, потому советую опустить забрало шлема, когда будете двигаться вперед: попадания очень болезненны. Да, хочу предупредить — полоса заминирована. «Убитые» не имеют права принимать участия в дальнейшем штурме, потому будьте внимательны. Все, теперь разбейтесь на двадцатки. Как только разделитесь и выберете себе командира, приступайте к штурму.

Сержант Камерун внимательно наблюдал за действиями солдат. С самого начала роту не разделили на взводы, эту возможность он предоставил самим солдатам. Его интересовало, совпадут ли его ожидания с действительностью. Прошлый опыт показывал, что в большинстве случаев все происходило так, как он и предвидел. Вот и сейчас обошлось без неожиданностей.

Началась сутолока, в некоторых группах людей не хватало, в некоторых было значительно больше двадцати, и им пришлось разделяться. С выбором командиров также проблем не возникло. В группе Михи командиром без споров выбрали Барбоса.

— Бегом, марш, — приказал он. И под легкий смех солдат взвод направился к горе.

Пять взводов приблизились к высоте. Два остановились на краю речного овражка, а три

сразу же кинулись форсировать реку. Послышались два взрыва и звук опадающей воды.

— Дебилы, — констатировал Барбос. Его взвод был среди двух остановившихся.

— Как будем действовать? — спросил Миха.

— Да очень просто. Ты сейчас ведешь нас по минному полю, у тебя это лучше всех получалось, а мы за тобой след в след.

— Ладно.

Два взвода стали спускаться практически одновременно: похоже, там приняли сходное решение и пустили вперед сапера. Три первых взвода перли по лесу напролом, как танки. Слышались довольно-таки частые взрывы, и каждый раз после этого приказ Камеруна, чтобы подорвавшийся подошел к нему. Таких возле него скопилось уже больше десятка.

Миха ступил в холодную речку, и если он до того еще мог пожаловаться на сонливость, то ее сняло как рукой. Миха осторожно вглядывался в прозрачную воду: песок от прошедших трех взводов уже давно снесло вниз.

— Осторожно, мина, — предупредил Миха и пошел дальше.

Семь метров по воде они прошли за минуту, благополучно обойдя еще две мины. Второй взвод ушел вперед, но потерял первого сапера где-то на середине реки. Миха вел взвод дальше в лес. Из-за темноты было непривычно, нервировали взрывы мин-ловушек, каждый раз сопровождаемые отборным матом подорвавшегося, проклинавшего всех и каждого.

Все в лесу было не так, как обычно, темнота мешала, но Кемплу пока везло, и он вел людей без потерь. Он смотрел по сторонам и безошибочно угадывал мины, поражаясь самому себе и своей удачливости.

Миха всерьез начал считать, что у него есть дар предвидения, который только сейчас развился. Однажды в детстве Миха посмотрел на кухонный шкаф и как-то отстраненно подумал: «Он упадет на тебя», но ничего не сделал и никому не сказал. Мысль как пришла, так и ушла, он даже не вспоминал о ней, пока шкаф через два месяца на него не упал, хотя ничто не предвещало такого, шкаф не кренился и вообще стоял как обычно. После этого случая с ним случалось подобное несколько раз, правда вещи больше не падали, они ломались или с ними случалось именно то, о чем думал Миха. И время между предвидением и свершившимся фактом все время сокращалось. В последний раз, шесть месяцев назад, между озарением и происшествием минуло меньше суток.

«Может быть, я экстрасенс?! — насмешливо подумал Миха, указывая остальным на очередную мину. — Ведь пишут же в газетах о чем-то подобном. Нет, я не экстрасенс. Экстрасенсы умеют предвидеть сознательно, а я нет, сколько бы ни пробовал. Я интуит. Точно, я интуит». От этой мысли Кемплу стало легче; почему, он не знал, да и некогда было об этом думать, сверху слышались звуки стрельбы.

— Рассредоточиться! — прокричал Барбос.

Взвод быстро растянулся в горизонтальную цепь. И сразу же потерял человека на mine. То была первая потеря «барбосов», как про себя прозвал свой взвод Миха.

20

Стрельба не прекращалась, но в кого стреляли солдаты, Миха не видел. Озлобленные люди просто впустую тратили патроны, поливая окрестности краской. Командиры это поняли, и вскоре зазвучали команды прекратить огонь. В лесу стихло, а противника видно не было: видимо, он успел во время суматохи отойти на запасные позиции.

— Вперед, — скомандовал Барбос, и взвод осторожно стал подниматься вверх по склону.

Холм прошли только на одну треть, до флага оставалось еще метров двести, и, по всей видимости, его охраняли все те же десять человек.

Миха полз вперед на животе, рука зацепила растяжку в траве, но инстинкты сработали мгновенно, Кемпл быстрым переворотом спрятался за ствол дерева. Взрыв расплескал почти

литр краски на пять метров вокруг, не задев виновника.

— Кот, это ты?

— Да, я.

— Что ж ты так?

— Я цел, ни одной капли нет, — ответил Миха на горестное осуждение Барбоса, осмотрев себя.

— Подорвавшемуся выйти из леса! — приказал в мегафон сержант Камерун.

— Я рядовой Кемпл! — во всю глотку заорал Миха. — Не являюсь «погибшим»!

— Если ты соврал, рядовой, то очень сильно об этом пожалеешь!

Миха ничего не ответил, а просто полез дальше, огибая место подрыва широкой дугой, чтобы не запачкаться расплескавшейся краской. Преодолев еще метров двадцать, он увидел впереди черную тень. В любом другом случае это мог оказаться свой, если бы тень, как показалось Михе, не спускалась вниз.

— Барбос! — свистящим шепотом позвал Миха, негодуя на то, что им не выдали средств связи.

— Что?

— Впереди метрах в тридцати противник.

— Точно? А то я ни черта не видел.

— А хрен его знает, — уже начал сомневаться Миха. — Вроде как за тем стволом.

— Ладно, передаем остальным и начинаем потихоньку его окружать.

Миха с Барбосом по цепочке передали информацию о месте предполагаемой засады и медленно стали окружать его. Взвод образовал широкую дугу, подобравшись на расстояние стопроцентного поражения автоматным огнем, и что самое приятное — без потерь.

Где-то вдалеке прозвучало еще два взрыва, и солдаты непроизвольно отвлечлись от поставленной задачи, повернув в головы в сторону разрывов, словно они что-то там могли увидеть. Этой оплошностью воспользовался невидимый противник: он появился немного не оттуда, откуда его ожидали, и врагов оказалось двое. Выскочив, как чертики из табакерки, левее и правее предполагаемого места, они открыли перекрестный огонь.

Тот, что был слева, лупил по солдатам из крупнокалиберного пулемета, не давая поднять головы. Второй, что справа, накрывал позиции из ручного гранатомета «колобок», гранаты били в деревья над солдатами и позади них, накрывая «осколками». Когда обстрел ненадолго затихал, солдаты пытались снять пулеметчика, но тот выбрал идеальную позицию: между двух стволов — и все пули, предназначенные ему, красили древесину.

— Черт, у нас потери!

Миха и сам видел, как вниз по склону уходят пять человек. Они снимали рожки со своих автоматов и отдавали живым, как и заряды к подствольникам.

— Что делать будем, Барбос? — спросил Медведь. Ему выдали автомат.

— А я откуда знаю? У них боеприпаса немерено, а мы уже свой наполовину израсходовали. Что скажешь, Кот?

— Думаю, надо снять гранатометчика. Как только он прекратит обстрел, забросаем его своими гранатами.

— А почему не пулеметчика?

— Он хорошо замаскирован, к тому же не настолько опасен, как «колобок». «Граник» бьет рикошетом от стволов и он главное действующее лицо, пулемет лишь его прикрывает, — объяснил Миха шепотом.

— Хорошо.

Стало немного светлее, день вступал в свои права, и Барбос мог уже знаками показать, куда и из чего нужно стрелять. Солдаты согласно закивали головами, поняв намерение командира. Все приготовили гранаты.

Отстучали очередные шесть выстрелов гранатомета, усилил огонь пулеметчик, но не мог нанести ощутимого вреда спрятавшимся за деревьями солдатам.

— Огонь! — крикнул Барбос и нажал на курок гранатомета.

Его действия повторили еще тринадцать человек, и в сторону гранатометчика полетело четырнадцать гранат. Половина не долетела до цели, разбившись о препятствия. Вторая половина легла почти в цель, но вставший гранатометчик показал, что его не задела, и открыл огонь сам. Еще два человека выбыли из игры.

— Еще по одной!

Снова полетели гранаты, только на этот раз Миха прицеливался более тщательно, даже встал на колено, несмотря на риск: пулеметчик мог немного сменить позицию и с легкостью его достать.

Кемпл нажал на курок, «корс» дернулся в руке, и граната пошла по параболической траектории. Вдогонку отправились оставшиеся три гранаты. Послышались мокрые шлепки.

— О'кей, ребята, вы меня сделали, — сказал поднявшийся во весь рост гранатометчик. Его спина была вся перепачкана краской.

После этих слов с утроенной силой стал стрелять пулеметчик. Пули летели широким веером, но неточно. Одновременно парень отступал, понимая, что без поддержки тяжелой артиллерии долго не протянет. Солдаты попытались его снять, но неудачно, один даже получил в забрало две пули, когда открыто выглянул из-за ствола, уменьшив численность взвода.

— Вперед! — уже в который раз приказал Барбос.

21

Пока отделение ползло вперед, слышалась очередная канонада, чей-то взвод попал в засаду наподобие той, которую обнаружил взвод Барбоса. Отчаянные крики уцелевших солдат перемежались с матом солдат погибших.

Контратаки защитников выкашивали ряды атакующих. Уже больше половины седьмой роты стояло около сержанта Камеруна. Уцелевшие же преодолели менее двухсот метров, и если правильно встать, то среди стволов деревьев, там, на вершине, уже можно было увидеть тот самый флаг, за которым их сюда отправили.

Солдаты увидели двух убегающих наверх защитников и открыли по ним стрельбу.

— Прекратите огонь! — кричал Барбос. — Черт бы вас побрал, экономьте боеприпасы.

Два человека благополучно добежали до укрытия и, легко перемахнув через дощатый бортик, спрятались за ним.

Миха полез на дерево.

— Ты куда?

— Хочу узнать, сколько их всего осталось.

— Тоже правильно, и вообще нам нужно координировать действия с остальными, а то прем, как тупые бараны на ворота. Долбимся башкой, а результата как не было, так и нет.

Миха добрался почти до самой макушки, но густая листва мешала дальнему обзору. Кемпл раздвинул ветви руками и увидел цитадель защитников. Там было с десятков ящиков с патронами и гранатами и всего три человека у пулеметов. «А где еще, как минимум, шестеро? — спросил себя Миха. — Может, их подстрелили? Нет, вряд ли. Ну одного, ну, максимум, двух, где еще четверо? Стрельбы-то не слышно...»

Кемпл посмотрел вниз. Барбос успел собрать вокруг себя уцелевших командиров или их заместителей со всеми оставшимися людьми. Всего набралось двадцать три человека. Они о чем-то возбужденно шептались, координируя план действий. Миха начал спускаться вниз. На полпути он заметил шевеление метрах в двадцати от их группы. «А вот и та самая четверка», — успел подумать Миха, увидев четыре фигуры, вставшие в полный рост. Двое держали пулеметы, еще двое — гранатометы.

Миха не успел предупредить, раздалась длинная очередь, и все встало на свои места. Часовых срезало первыми, еще несколько солдат достало очередями, когда они пытались спрятаться за деревьями. Остальные начали отстреливаться из укрытий, экономно расходуя боеприпасы, но они вскоре закончились, и отряд вынужден был отойти. При отходе двоих

зацепило гранатами; в итоге в живых осталось семь человек.

Воодушевленные бегством противника, контратакующие перешли в полноценное наступление. «Вот тебе и скоординировали свои действия, — с каким-то раздражением подумал Миха. — Только все полегли, какого черта было тащить сюда всех людей?»

Двое прошли точно под деревом, где сидел Миха, и он очень пожалел, что у него нет гранаты. «А как было бы здорово, — мечтательно подумал он. — Подорвал их и расстрелял других, а так — патронов не хватит, если по всем стрелять».

Защитники флага направились дальше, как только «убитые» ушли с поля боя, проследив, чтобы те не отдали свои боеприпасы, а унесли их с собой, поскольку намеревались разобраться с оставшимися. Миха осторожно спустился на землю. Он торопился, ведь противник начал образовывать дугу» собираясь провести перекрестный обстрел.

Кемпл ждал и, как только двое оказались на одной линии, выстрелил из автомата короткой очередью, легко поведя стволом. Помеченные пулеметчик и гранатометчик удивленно обернулись.

— Ты же убитый! — сказал один из них.

— Нет, на мне даже ни одного пятнышка нет; если не верите, можете потом проверить, — ответил Миха, прячась от других двух оставшихся.

Те, прикрывая друг друга, стали отступать, постреливая то в Миху, то в прятавшихся солдат.

— Молодец, Кот, так им! — прогудел Медведь.

Когда «враги» отступили на свой рубеж, Медведь подошел к «убитым» защитникам и отобрал у них оружие, взяв себе «колобка».

— Это вам больше не понадобится.

— Кто командир? — спросил Миха, всматриваясь в уцелевших. Барбоса и других выбранных среди них не было.

— Теперь ты, — сказал Медведь, передавая Михе пулемет.

— Да кто он такой?! Что он сделал?

— Убил двоих нападавших и спас нас, — ответил Медведь.

— Я не про это, что он сделал в жизни?

— Чича...

— Меня уже выбрали, Чича, — твердо сказал Миха. — Саботажа не потерплю.

— Ах ты!..

Чича бросился на Миху. Кемпл спокойно взял наизготовку пулемет и выстрелил. Длинная очередь отбросила Чичу назад, ударив в бронежилет. Чича ошалело смотрел на Миху, переводя взгляд на других, ожидая их поддержки, но так и не дождался ее.

— Чича, ты убит.

— Ну и пошли вы все!.. — выпалил Чича и стал спускаться.

— И что теперь? — спросил Медведь. — С пулеметом да с четырьмя гранатами особо не повоюешь. У них там куча боеприпасов.

— Боеприпасов действительно много. Но у меня есть план, — обнадеживающе сказал Миха, передавая пулемет солдату покрепче.

— Мы все внимание.

— Забросаем их гранатами к чертовой матери.

— Но их всего четыре...

— Ты не понял, Медведь. Тут до черта всяких мин-ловушек. Снимем их и воспользуемся ими.

— Гениально!

— Главное, сработать быстро и без запинок.

— Да мы уж постараемся. Говори, что делать.

Пять человек как можно бесшумней пробирались вперед, быстро перебегая от ствола к

стволу. В руках и карманах у них были гранаты, у каждого по десять штук. Пулеметчик, уйдя восточнее, пытался забраться на дерево, но немалый вес и пулемет мешали ему это сделать. Наконец он зацепился за сук рукой и, подтянувшись, забросил свое тело на ветку и полез дальше.

Гранатометчик ушел восточнее и, спустя условленное время, открыл стрельбу; защитники ответили. Одновременно заработал пулемет, отвлекая внимание защитников, и пять человек бросились вперед почти не прячась. Их заметили и открыли огонь.

Первые броски оказались неудачными.

— Выба, Динго, — позвал Миха двух солдат и, когда те откликнулись, продолжил: — Всем внимание, вы по моему сигналу разбегаетесь в разные стороны, остальные секунду спустя бегут вперед. Пошли!

Выба с Динго рванули в разные стороны, первого подстрелили сразу, но пулеметчики все же отвлеклись, дав возможность основной группе рывком преодолеть необходимое расстояние. Лес здесь был еще реже, и одного из нападавших срезал второй пулемет. Зато гранатометы здесь были бесполезны, брызги гранат не доставали солдат, попадая в деревья позади.

— Бросаем!

Новые броски оказались гораздо удачнее, почти все гранаты перелетали через бортик укрепления и взрывались внутри. Большую часть краски из баллонов пришлось слить, иначе было слишком тяжело, но оставшейся все же хватило, чтобы забрызгать всех.

Защитники махали руками, показывая, что они убиты, но оставшиеся в «живых» солдаты не могли остановиться до тех пор, пока не израсходовали все свои заряды, покрасив защитников с ног до головы.

22

— Что скажешь? — спросил капитан Камеруна, посмотрев на часы.

Капитан Давыдов приехал на своей машине спустя пару минут после начала штурма и наблюдал за действиями солдат по многофункциональному монитору, установленному прямо в машине. Изображение передавали маленькие камеры, расставленные в лесу и охватывающие чуть ли не каждый квадратный метр площади.

— Честно говоря, не ожидал, сэр.

— Что, смогут захватить?

— Да, сэр. На моей памяти это всего лишь четвертый удачный штурм. Да еще под командованием этого дохляка.

— Что еще?

— Еще неожиданным оказалось подавление мятежа, ни за что бы не поверил, что он способен на такое. Людей и без того мало, а он пристрелил его. Хотя должен сказать, что, с моей точки зрения, решение было абсолютно правильным.

— Да, дисциплина должна быть, иначе бардак. В капралы его порекомендуешь?

— Нет, сэр. Командиром был выбран другой солдат. Его я порекомендую в ефрейторы. Иначе сложится нездоровая атмосфера.

— Тут одна загвоздка. На него бумага пришла, он подозревается в убийстве сокамерника, некоего Шнура. Что скажешь?

— Сэр, мы можем потерять хорошего солдата: если ему добавят еще пять лет, у него пропадет стимул, а это чревато. К тому же у его сокамерника характерная кличка, и я уверен, что повод убить, у этого парня был.

— Так что ты предлагаешь?

— Отписать, что проведено расследование и трибунал принял все необходимые меры. Глубже копать они не будут, у них своих дел по горло.

— Я согласен. А этому, как его, Чиче придумай какое-нибудь наказание. Что-нибудь эдакое, что он не скоро забудет.

— Непременно, сэр.

Рота радостно взревела, увидев выходящих из леса победителей с флагом. Группа из пяти человек приблизилась к машине. Тот, что нес флаг, вышел вперед, воткнув древко в землю и, встав по стойке «смирно», спросил:

— Господин капитан, разрешите обратиться к господину сержанту?

— Обращайтесь, солдат.

— Спасибо, сэр. Господин сержант, ваше задание выполнено, флаг захвачен, противник уничтожен. Потери личного состава роты — девяносто пять процентов. Доложил рядовой Кемпл, сэр.

— Хорошо. Построиться!

Все в красной краске, солдаты выстроились перед сержантом. И только пятеро были абсолютно чистыми. Нет, грязи хватало и на них, зато они не выглядели, словно жертвы маньяка-потрошителя.

— Ваше обучение и подготовка закончены. Прошло пять месяцев, теперь вы солдаты. Поскольку хоть и с огромными жертвами, но вы выполнили поставленную задачу, то сегодняшний день можете отдыхать. Уже завтра за вами прибудет корабль, который доставит вас на постоянное место службы.

Весь оставшийся день солдаты посвятили чистке оружия и мытью. Кроме того, новоиспеченные капралы и ефрейторы под немного завистливыми взглядами остальных пришивали себе новенькие лычки на не менее новую форму, выданную взамен изорванной.

Миха позвонил домой и, снова удостоверившись в том, что родители не знают, что с ним произошло, сказал, что его повысили и предложили более выгодную работу, на которую он согласился.

— Так что в ближайшее время меня не ждите, — сказал он в трубку. — Работа на год-два, очень интересная и прибыльная. Здесь солнце, пляжи и все такое прочее. Все, пока.

— Домой звонил? — спросил Барбос.

— Так точно, капрал.

— Вольно, ефрейтор.

Как и сказал капитан, на следующий день после обеда на орбите завис транспортный корабль, и десяток челноков подняли с планеты новоиспеченных солдат. Спустя несколько часов звездолет отправился в месячный переход к месту постоянной дислокации пятнадцати тысяч военных, на планету Чирмен, имея на борту еще и колонистов, а также прочих пассажиров.

23

Сначала было довольно-таки интересно: настоящий межзвездный переход, на настоящем космическом корабле. Все вызывало любопытство, а вид из иллюминатора, а точнее, из имитатора, завораживал. Но довольно быстро приелось, стало скучной обыденностью.

Кубрики мало чем отличались от камер, разве что в камере размещалось по два человека, а здесь сразу по шесть. Зато предоставлялась полная свобода действий в пределах отведенного сектора, покидать который разрешалось только членам экипажа. Здесь был даже свой бордель. Цены откровенно кусались, но истосковавшиеся за многие годы отсидки в тюрьме по женским прелестям солдаты быстро спустили все деньги, скопленные за месяцы обучения на базе, на проституток, а некоторые даже те средства, что заработали в шахтах нелегким трудом. Впрочем, сейчас это особо никого не угнетало.

Судно явственно замедляло ход, а это означало, что пришел конец длительному пути. Вскоре на экранах, заменяющих иллюминаторы, показался огромный бок пересадочной пристани.

— Кот, одолжи две сотни, а?

— Нет, Винт, не одолжу.

— Ну, Кот, одолжи, — продолжал клянчить Винт. — Ты же знаешь, я отдам.

— Винт, ты опять спустишь деньги на баб, а двести реалов — это наша месячная зарплата в учебке. Нет и еще раз нет.

Винт махнул рукой и отошел, увидев еще кого-то, у кого можно было разжиться деньгами.

Миха его понимал: до разгрузки оставалась всего пара часов, и неизвестно, когда появится новая возможность вплотную пообщаться с женщинами.

Транспортное судно пришвартовалось рядом с артиллерийским крейсером, возле которого сновали маленькие суденышки: на крейсере проводился мелкий ремонт. Открылись люки, и седьмая рота вместе с остальными подразделениями пошла на выход.

— А я думал, нас спустят так же, как и подняли.

— Медведь, ты представляешь, сколько здесь народу, чтобы его десятью челноками перетаскать на планету? — спросил Барбос.

— Смутно.

— Ну вот видишь, нас спустят как обычных пассажиров.

— Теперь прошу вас подождать в зале ожидания, — сказал сопровождающий их матрос.

— И долго?

— Вон там на табло уже висит расписание, — показал сопровождающий. — Ваш отлет в три пятнадцать. Сейчас два сорок. Подождете немного, рядом с часовым табло высветится номер вашего причала, и вас спустят на планету. Все очень просто. Может быть, задержат минут на пять, не больше.

— Понятно. А как наши вещи?

Под вещами Барбос имел в виду оружие и тяжелое обмундирование; легкое хранилось у них при себе в баулах.

— Его подадут автоматически на ваш челнок.

— Не перепутали бы...

— Не перепутают.

Делать было нечего, и солдаты начали устраиваться на неудобных скамейках ожидания. Миха Кемпл подошел к барной стойке, чтобы заказать себе легкой выпивки: в отличие от большинства, деньги у него имелись.

По залу бродило довольно много матросов и представителей других воинских профессий, осторожно поглядывавшие на пехотинцев: драки не считались редким явлением. Для их предотвращения по залу с многозначительным видом тройками прохаживались военные полицейские.

— Ха, кого я вижу! Один из этих ублюдков!

Миха заинтересованно обернулся, но обращались не к нему, а к парню в коричневой форме, сидевшему по соседству. В веселой четверке забияк Миха опознал десантников.

— В чем дело, ребята? — спросил тот.

— В тебе и тебе подобных уродах, — уже зло выплюнул десантник, а у его приятелей с лиц сползли улыбки. — Из-за вас, долбанных орбитальных наводчиков-координаторов, наш взвод на куски порвали свои же истребители, вместо того чтобы чистить бородачей!

— Солдат, ты ошибся, — стал отнекиваться тот. — Я не координатор, я артиллерист. Форма просто похожа.

Но десанникам, похоже, было все равно, кому бить морду, координатору или артиллеристу, главное — набить морду. И задира взял за грудки своего врага.

— Не увиливай от ответственности, поганец.

— Рядовой! — привлек к себе внимание Кемпл. — Он же сказал, что не тот, за кого вы его приняли.

Десантник с искаженным лицом уставился на Миху, но артиллериста оставил в покое явно ненадолго, а лишь до тех пор, пока не разберется с пехотинцем.

— Не лезь, пехота, иначе пожалеешь. Может, ты и ефрейтор, но я не посмотрю на

полоску на твоём погоне и тебе заодно ребра пересчитаю.

Военного патруля, как назло, поблизости не наблюдалось, а к месту стычки начали подтягиваться заинтересованные, среди которых было много десантуры. Впрочем, пехотинцы тоже подтягивались. Последнее обстоятельство несколько укрепило в Кемпле угасающую твердость духа.

— Не забывайтесь, рядовой, вы угрожаете старшему по званию.

— А мне плевать!

И десантник, мимоходом ударив артиллериста в челюсть, отчего тот рухнул на стойку, кинулся на Миху. Получилась банальная свалка, противники покатались по полу. Секунду спустя дрались уже больше ста человек, в основном десантники с пехотинцами. Но мало-помалу в драку втянулись матросы, которым доставалось от всех, получили свое пара настоящих координаторов, а также летчики.

— Мочи пехоту!

— Вали десантуру!

— Гаси летунов!

Летчиков и координаторов не любили все, им больше всего и досталось.

Первые патрули забросали стульями и прочим хламом. Но полиция все прибывала, и вскоре в толпу полетели шашки со слезоточивым газом. Драка как-то сразу сошла на нет.

— Что за бардак, мать вашу! — прокричал капитан полиции в мегафон. — Ни на секунду вас оставить нельзя! Живо разойтись!

Все стали подниматься с пола; тех, кто не мог сделать это самостоятельно, поднимали товарищи. Только теперь выяснилось, что сюда прибыл военно-полицейский спецназ, со щитами, электрошоковыми дубинками и ружьями, стреляющими резиновыми пулями. Но до всего этого богатства дело не дошло, хватило газа.

— Хорошая драка получилась. Давно здесь такой не было, — сказал артиллерист и, протянув руку, представился: — Джо Малкович, начальник третьего арт-поста, крейсер «Барракуда».

— Миха Кемпл, пехотинец. За что они тебя?

— С координатором спутали, форма у нас похожа.

— А что с координаторами не так?

— Осечки у них бывают, — сказал Джо, потирая отбитые места. — Досадные осечки. Иногда наводят авиацию или артиллерию на своих, не специально, конечно, случайно.

— А отчего так происходит?

— Ошибется кто-нибудь и передаст неверные разведданные или координаты, а они в свою очередь передают их нам или летунам. Но в случае чего — они крайние.

— Понятно. Буду иметь в виду.

— Вот, держи, мой телефон, если что-то понадобится, звони мне. Я тут своего рода почтальон, могу достать все, что угодно.

— Слушай, может, они тебя и не перепутали ни с кем, а ты просто что-то им не достал или денег взял больше положенного? — с подозрением спросил Миха.

— Нет, с этими отморозками я вообще никогда дел не имел. Ладно, будь здоров, мой крейсер от причала через пять минут отходит.

— Пока. — Миха посмотрел на табло. Выходило, их рейс ненамного позже.

Пробежав глазами номер на своеобразной визитке артиллериста-почтальона, Миха положил ее в карман и, придерживая оторванный погон, пошел к своим искать свою сумку с нехитрыми пожитками.

Как ни странно, серьезно покалеченных в роте не оказалось, хотя в целом победителями вышли десантники. Даже зубы у всех сохранились на месте, а вот синяков и вывихов насчитали предостаточно. При спуске челнока покалеченные солдаты слегка

морщились и охали на каждой воздушной яме, потирая ушибленные места.

— Кот, на кой хрен тебя понесло? — спросил Барбос, массируя синяк под глазом. — И почему это ты отделался так легко? Ни одного фингала на роже нет.

— Я не виноват. А вообще мне по ребрам сильно досталось. Кулаки у этого придурка пудовые.

— Никто не виноват, но виноват все же ты. Барбос замолчал, сделав такое противоречивое заключение: челнок заходил на посадку. Он весь вибрировал, и казалось, что вот-вот сейчас развалится. Уцелел, хотя посадка была жесткой и вызвала в пассажирском салоне целый хор стонов.

— Выходите строиться. Ждать никого не будем! — прокричал какой-то сержант в открывшиеся двери. — Пешком топать до места службы будете, а это, я вам скажу, немало, километров двести будет. А кругом бандюки шастают.

Ободренная таким наставлением седьмая рота быстро выгрузилась из челнока и построилась повзводно. На краю космодрома замерли ровно пять вертолетов, и двигатели их надрывно гудели, раскручивая лопасти все быстрее и быстрее.

— Хорошо: что-то вы помятые какие-то, ну да ладно, это не мое дело. Вот вертолеты, они доставят вас по местам службы. Служить вы будете не вместе, так что раздавайте друг другу неоплаченные счета, и по машинам.

Солдаты подхватили выгруженные к тому времени ящики со снаряжением и поспешили к вертолетам. Винтокрылые машины поднимались в воздух одна за другой и ложились каждая на свой курс.

...Вертолет летел, тяжело стрекоча лопастями, и пилоты то и дело разбрасывали тепловые шашки. Внизу раскинулась очень странная местность. Всюду, насколько хватало глаз, тянулись горные хребты. Особенно высокие покрывали ледяные шапки, ниже сразу же начинался густой лес, глубоко в ущельях переходивший в самые настоящие тропические джунгли, над которыми висела дымка тумана.

Иногда появлялись небольшие пустые долины, где абсолютно ничего не росло, кроме травы. В центре долин возвышались непонятные сооружения. В одной из таких долин, на территории базы, через час приземлился их вертолет.

— Все на выход! — прокричал пилот.

К вертолету уже спешили люди с носилками. Вертолет принял на борт несколько тяжелораненых с капельницами, поднялся в небо и лег на обратный курс.

— Вы новенькие? — не то спросил, не то констатировал сержант.

— Да вроде, кроме нас, тут больше никого и нет, — ответил Барбос.

— Не умничай. Следуйте за мной. Сейчас вы познакомитесь с капитаном Саскелом, он вам и объяснит, что к чему.

Капитан оказался приземистым жилистым крепышом; обойдя новичков, он сказал:

— Слушайте и запоминайте, повторять не буду. Это наша центральная база номер тринадцать дробь шесть и одновременно промышленный объект, который мы должны защищать от посягательств террористов. База окружена пятью блокпостами, расположенными на равном удалении друг от друга. Они образуют плотное кольцо и не должны допустить проникновения противника на объект, пресекая его попытки на подступах. На один из таких блокпостов вы и направляетесь. Более подробную информацию получите от лейтенанта Винтека, в чье распоряжение поступаете. Вопросы? Вопросов нет. Тогда по машинам.

Капитан Саскел, не говоря больше ни слова, ушел по своим делам.

— Если непонятно, то вам, вон на те грузовики, они едут на первую точку. Вам туда.

— Спасибо, — поблагодарил Барбос сержанта и повел своих людей к машинам. Больше не обращая внимания на сержанта, выпучившего глаза от такого обращения.

— Вам на первую? — спросил водитель одного из грузовиков.

— Да.

— Тогда полезайте, сейчас двинем, только вот ребята закончат погрузку боеприпасов.

Погрузка подходила к концу, и два солдата, забросив последние ящики, запрыгнули в кузов сами и приглашающе кивнули. Уговаривать долго не пришлось, и вскоре машины колесили по едва заметной в высокой траве дороге.

— Слышь, солдат, может, ты нам расскажешь, что нам предстоит делать? — спросил Миха.

— Будете торчать на блокпосту. И иногда выезжать на акции.

— Что за акции?

— Зачистка близлежащих населенных пунктов, но это легко. Сложнее гоняться за бородачами по лесу, это уже реже.

— А где здесь населенные пункты? Мы, когда летели, ничего не видели.

— Это там, на противоположном склоне горы. Бывает, бандиты заходят в села, местные к ним лояльны и укрывают их у себя. Если вовремя не пресечь, то они совершают налеты на базу.

— Чего они добиваются?

— Они считают, что это их земля, а мы вроде как оккупанты, и они борются за независимость. Хотя, по-моему, все чушь собачья. Они ведь все граждане Союза Северных Государств. Другое дело, если их кто-то науськивает против нас.

Раздались выстрелы, и рядом с машиной хлопнула граната, поднявшая в воздух тучу пыли и травы. Машины съехали с дороги, из кабины вывалился водитель.

— Покинуть машины! — приказал Миха и перепрыгнул через борт грузовика.

— Вот черти, как же они в зону незамеченными прошли?! — удивился бывалый солдат, упавший рядом с Кемплом. — Ничего не вижу.

— Косой, проверь водителя.

— Нормально, Кот, — сказал Косой, осмотрев лежащего в траве солдата. — Пуля прошла через плечо навывлет, жить будет.

— Где они?

— Понятия не имею, ефрейтор.

— Почему нас не предупредили о подобных случаях? Мы бы подготовились. Мы даже не зарядили автоматы.

— Они впервые напали внутри пятикилометровой зоны.

— Вызывайте подкрепление!

— Не нужно, они уже наверняка ушли.

В подтверждение своих слов солдат несмело выглянул из-за борта машины, а потом встал в полный рост.

— Можно садиться, они уже ушли. В конце концов, они тоже не знали, что вы пустые.

— Чего они добивались своей выходкой? Только раскрылись зря!

— А поди пойми их... — пожал плечами солдат и сел на место водителя. — Поехали, что ли.

25

Остальная часть пути прошла без происшествий, больше их никто не беспокоил и не стрелял.

Солдат по радио доложил о случившемся, но все равно побежал на подробный доклад к начальству. Все это время взвод Барбоса ждал у машин.

Наконец к ним вышло их начальство в лице лейтенанта Винтека и одного сержанта.

— Добро пожаловать на первую точку. Я лейтенант Эдмунд Винтек, ваш непосредственный командир. Времени на раскачку у нас нет, особенно после недавнего случая. Потому сегодня за оставшееся время в темпе знакомьтесь со всей обстановкой и уже завтра заступаете на боевое дежурство, без всяких там карантинных и прочей мишуры. Вот сержант Симонс Нильсен, очень долго он будет вашими отцом, матерью, братом, сватом и так далее. Все вопросы к нему. Приступай, сержант. Распредели их по местам: в общем, ты и

сам все знаешь. Выполняй.

— Есть, сэр. — И, как только лейтенант ушел, продолжил: — Сейчас я вам быстренько покажу наши местные красоты и достопримечательности, а потом распределю по постам. Следуйте за мной. Итак, в центре у нас автоматический миномет, комплекс позволяет засекать появление противника и, при слаженной работе с координаторами, уничтожить его, но такое бывает редко, чем бородачи и пользуются. Здесь у нас жилой комплекс и арсенальная.

Все постройки впечатляли. Толстые стены, покрытые плитками пассивной защиты. Многих плиток не хватало, что говорило о недавнем обстреле из чего-то крупнокалиберного, простые пули их не брали.

— Все подступы заминированы на сто метров, так что гулять за воротами не советую, — продолжал сержант Нильсен. — Заминирован весь периметр радиусом пять километров.

— Охренеть, это ж сколько мин надо было засобачить! — воскликнул один из солдат.

— Это уже неважно, вложения многократно окупились.

— Сержант Нильсен, а что здесь добывают? — спросил Миха Кемпл. — Золото, алмазы?

— На будущее: можете звать меня по имени Симонс. Нет, сынок, здесь нет ничего такого, или очень мало. Добывают здесь синюю соль; как она называется по-научному, я не знаю.

— Что это такое?

— Честно говоря, я сам плохо представляю. Но, как я понял, она основной компонент корабельных антигравов. Много лет назад, когда открыли эту планету, ее посчитали бесперспективной. Ни тебе золота, ни алмазов, даже железа, и того мало, только какая-то синяя соль. Ну взяли пробу и улетели. Планета попала в разряд пустышек, и ее отдали под заселение, но, что странно, сюда нагрянули эти самые бородачи. Потом часть планеты продали арабийцам, которые также стали активно заселяться. Какой-то ученый шуток ради стал экспериментировать с образцами. Тут выяснилось, что соль эта при небольшой доработке очень даже ценна, при дешевизне добычи по сравнению с производством искусственных антигравов позволяет в три, а то и четыре раза увеличить грузоподъемность шаттлов. Понимаете, какая выгода? Вот тут-то все и началось, бородачи объявили о своей независимости, арабийцы их активно поддерживают, мы знаем, что они их поддерживают, поставляют оружие и в последнее время наемников, но ничего сделать не можем.

— Досмотр судов, прибывающих на планету? — предложил Миха.

— Никто не хочет начинать полномасштабную войну, а досмотр судна суверенного государства — предлог, вот и тянется резина. В общем, это очень ценная планета, за которую сцепились два десятка держав в явной и тайной войне. Всем хочется получить жемчужину Северного Союза. А мы на переднем крае этой войны.

— Симонс, но ведь так называемые бородачи являются гражданами Союза и, при известной ловкости, могли бы неплохо заработать, раз уж они тут живут.

— Так, да не совсем так. Де-юре они граждане Северного Союза, а де-факто — арабийцы. Не спрашивайте меня почему, тут надо проводить глубокий экскурс в историю на пятьсот-семьсот лет. Там все перемешалось: и старые обиды, и религиозные предпочтения. Потому они хотят получить все, хотя при ближайшем рассмотрении все хочет получить Арабия. Бородачи лишь пешки в ее руках.

— Все это очень сложно, — признался Миха.

— Да, и я стараюсь особо не вникать. Просто делать работу, за которую мне платят. Но вольно или невольно, мы тут все стали специалистами по закулисным играм. Ладно, проводим экскурсию дальше: вот наш периметр. Трехметровые стены с пулеметами для отражения прямой атаки. В прошлом году на соседней базе случился прорыв, и там все взорвали к чертовой матери; очень много разрушений и жертв, как военных, так и гражданских специалистов, потому будьте внимательны, оно может случиться и с нами. Тем более что лес от нас всего в километре. Здесь ангары для бронетехники, дальше топливо.

— А почему здесь нет леса, только трава да кустарниковые рощи? Выжгли?

— Нет, все дело в минерале. Там, где его много, образуется бассейн или равнина среди гор, диаметром пятнадцать-двадцать километров, называйте ее как хотите, и там ничего не растет, кроме травы. Вот траву пытались выжигать, но новая растет невероятно быстро, потому на это дело просто плюнули. Ну что, экскурсию я провел, теперь идите в казарму, обживайтесь, завтра на дежурство. А то у нас и так людей мало.

— Почему?

— Неделью назад колонна с пятым взводом попала в засаду, почти никто не выжил. Вы прибыли им на замену.

— Весело...

— Всякое бывает, — согласился сержант.

26

Ознакомившись с местными достопримечательностями, взвод пошел в казарму — обживаться.

— Завтра пока будете нести службу вместе с нами. Мы растолкуем, что да как, — сказал капрал Пинстоун. — Потом начнете работать самостоятельно. Но сразу скажу: опасайтесь снайперов, они работают с вершин. Выстрелят и уходят, засечь невозможно.

Под такое невеселое сообщение все легли спать, оставив только дозоры.

Ночью взвод вскочил от взрывов на территории и нескольких попаданий снарядов в стену, отчего мигнул свет.

— А, что?!

— Что это?! — вскричал Хуго, тощий солдат с манией преследования. — На нас напали!

Впрочем, старики особого беспокойства не проявляли, не работала и сирена.

— Не ори! — одернул солдата капрал Пинстоун. — Просто бородачи шалят помаленьку. Спи дальше, стены толстые, не пробьют. Вот если бы у них были стомиллиметровые снаряды, то да. А так у них сороковики, опасаться нечего.

— Почему наш миномет не отвечает? — спросил Миха, несколько удивленный таким спокойствием.

— А смысл? Они отстреляли пяток снарядов и были таковы. Максимум, что мы сможем сделать: накрыть точку, где их уже нет. Только снаряды зря изводить.

— Чего же они добиваются?

— Нервы нам пытаются потрепать или наудачу подорвать кого-нибудь неосторожного.

Остаток ночи прошел спокойно, и спать более ничего не мешало, разве что Хугина возня на койке, но на него вскоре перестали обращать внимание.

Утро выдалось довольно туманным. И пока туман не рассеялся и не ушел глубже в ущелье, солдаты занимались своими делами, не опасаясь снайперского выстрела. Движения, против обычного, были ленивыми, чего не скажешь о поклонниках спорта. Две роты разделились на футбольные команды и вдоволь погоняли мяч. На все это отцы-командиры смотрели сквозь пальцы.

Туман рассеялся, и солдаты заступили на дежурство. Миха попал в пару с рядовым Ульком, снайпером, единственным уцелевшим из погибшего взвода, да и то только потому, что не поехал со всеми. Таких, как он, старались убить в первую очередь.

Он подолгу всматривался в прицел своей винтовки и, насмотревшись, с некоторой грустью откладывал ее в сторону.

— Что, нет достойной мишени? — с ноткой иронии в голосе спросил Миха.

— Нету.

— Часто снайперы беспокоят?

— Раз в день, утром или вечером. Недавно специальный прибор заказали для обнаружения оптики — и ничего. Не берет он их, и все.

— Может, они на глаз стреляют?

— Ну ты сказал, — ухмыльнулся Ульк. — Тут же полтора-два километра будет, если не больше! Как тут на глаз прицеливаться? Фигурки все равно что точка на листе бумаги, не сразу и увидишь. А стреляют довольно точно.

— Антиснайпер нужен.

— Заказали уже, год ответа ждем.

— М-да... А откуда стреляют?

— Да отовсюду. Иной раз даже с кромки леса стреляют, сволочи. Мы даже пытались панорамную запись делать, на видео. Чтобы сразу после выстрела просмотреть и выжечь квадрат напалмом, к чертям.

— И что?

— И ничего, уходят. В первый раз едва не получилось. Но «едва» не считается.

— А сыграть по их правилам пробовали?

— То есть?

— Замаскироваться ночью в лесу нашему снайперу и ждать бородатого.

— Пробовали, только не у нас, а на соседней базе. Снайпер ушел и больше его никто не видел. Эти леса бородачи знают как свои пять пальцев, и играть с ними по их правилам просто глупо.

— Понятно. Дай посмотреть.

— Держи. — Ульк передал свою винтовку. — Только встань к стенке и палец с курка убери.

— Понял.

Миха смотрел в окуляр прицела и видел только зеленое море листвы, отливающее синеватым цветом. В этом море не было ни единой прорехи или более-менее свободного участка, где можно было бы засечь передвижение противника. «Нет ничего удивительного, что снайпера не могут найти, — подумал Кемпл. — Тут бронетанковую колонну пустить можно, и она останется невидимой».

— Видишь снайпера?

— Не-а.

— Вот и я не вижу, а между тем он там.

— Понятно... — с легкой усмешкой протянул Михаил.

Вдруг среди гор послышалось едва различимое эхо щелчка. Михаил еще не успел ничего сообразить, отдернутый Ульком от окна, как рядом со смачным шлепком врезалась пуля, выбив искру из боковой стены.

— Спасибо.

— Успел что-нибудь заметить? — спросил Ульк, впрочем, без особой надежды в голосе, скорее для проформы.

— Нет.

— И вот так всегда.

Впрочем, обучение немного затянулось. На следующий день группа из четырех человек отправилась патрулировать кромку леса, особо стараясь в дебри не углубляться.

— Старайтесь запоминать малейшие детали, — наставлял их провожатый. — Вы будете патрулировать один и тот же участок. Не забывайте смотреть себе под ноги: бородачи могут поставить растяжку. Пользуйтесь портативными сканерами, они хорошо определяют радиовзрыватели и лазерные датчики прерывания. Правда, иногда они подводят, но это уже как повезет.

— А зачем все это нужно?

— Для определения намерений противника и возможности нанесения упреждающего удара. Вот, скажем, стали мы замечать некоторые отклонения на местности: веточка сломана, травка примята, значит, противник проводит рекогносцировку на местности и что-то замышляет. Тут появляемся мы и вправляем всем мозги.

— Или вышибаем.

— Или вышибаем, — с легкостью согласился провожатый.

27

Судно с опознавательными знаками государства Арабия, совершающее регулярные рейсы, встало на орбиту Чирмена. Командир пассажирско-грузового лайнера «Черная жемчужина» с презрением смотрел на приведенные в повышенную боевую готовность корабли Союза, понимая, как тем хотелось бы досмотреть его, чего они, естественно, сделать не посмеют.

— Алхил, как разгрузка?

— Все в полном порядке командир.

— А как наши друзья? — При этом капитан кивнул в сторону панорамного иллюминатора.

Пограничный катер, как маленькая точка, был виден невооруженным глазом.

— Как обычно, — понимающе улыбнулся Алхил, — Все кружат поблизости, будто надеются что-то разглядеть.

— Ну ладно, что с графиком?

— Пока идем на опережение в один день, — уже серьезно сказал Алхил. — Технические службы уже закончили проверку всех систем, и через два часа, как только получим груз, можем отчаливать.

«Это хорошо, раз есть синяя соль», — подумал капитан и улыбнулся. Его родственник работал на одной из скважин, и весь семейный клан получал неплохие деньги от левой продажи, хороший процент перепадал и ему. Соль пользовалась необычайным спросом на черном рынке.

Последний челнок с «Черной жемчужины» улетел, разгрузившись и забрав драгоценный груз. Ящики перевезли в ангары космопорта, где по замаскированному туннелю их отправили в совершенно другое здание, а там за них взялись рабочие.

Один ящик упал с тележки, и все замерли в самых нелепых позах. Наконец бригадир «оттаял» и, подойдя к рабочему, отвесил ему затрещину.

— У тебя откуда руки растут, урод, уж не из жопы ли, а?

— Простите меня, это случайно...

— Знаю, что случайно, если б специально, ты был бы уже трупом.

Виновник инцидента поспешно положил ящик обратно и покатил его к выходу, где ждал грузовик повышенной проходимости. Крепкие ребята, которые никак не могли быть служащими космопорта, закинули поклажу в грузовик.

— Хинсан, это все? — спросил один из них бригадира.

— Да, Шамиль, для вас все. Можете ехать.

Грузовик отправился в путь. Выехав с территории космопорта, он отправился на восток, к высоким горам, за которыми начиналась территория Северного Союза, или, как их еще называли, северников.

С каждым новым десятком километров океан удалялся, лес становился все гуще, а горы все круче. Двигаться приходилось не по дороге, а по звериной тропе, благо, что звери здесь были крупными, и грузовику хватало места, где развернуться. Иногда колонна из трех машин объезжала арабские солевые прииски, на которых всю кипела работа. Но из-за близости океана местные залежи минерала были не столь богаты, как высокогорные шахты северников.

Спустя два дня машина достигла горной гряды, дальше транспорт пройти не мог, а вертолеты использовать не рекомендовалось, поскольку воздушная машина была бы слишком заметна. Так что следующие четыреста километров предстояло пройти на загиатах, местных прирученных животных, выносливых и привычных к тяжести.

— Приветствую тебя, Шамиль! — сказал вышедший из палатки человек. В отличие от Шамиля, его лицо покрывала неопрятная борода, не знавшая ножниц.

— Приветствую тебя, Ахмад. Что нового на перевале?
— Должен тебя огорчить, наша старая тропа обнаружена, северники поставили там засады десантников.

— Плохо, хорошая тропа была. Удобная.

— Не огорчайся, Шамиль, есть еще множество путей. — Ахмад поднял вверх руки и, что-то прошептав, погладил бороду.

Его жест повторил Шамиль. Этих фанатиков он не любил, единственное, что его интересовало, так это деньги. Шамиль собирался скопить побольше деньжат и выбраться в освоенный мир, но для этого нужно было еще пару лет водить караваны и принимать участия в нападениях.

— Нам нужен проводник, — напомнил Шамиль своему собеседнику.

— Будет проводник. — Ахмад повернулся и, сложив руки рупором, крикнул: — Сильбек! Иди сюда!

Откуда-то из леса выскочил пацан лет четырнадцати, для солидности нацепивший огромный кинжал. Шамиль усмехнулся: такого бойца уделает даже «зеленый» северник: уж слишком большой кинжал, а это признак слабости. В возрасте Сильбека Шамиль уже принимал участие в боевых вылазках.

— Не смейся, Шамиль, — заметив усмешку, сказал Ахмад. — Это мой племянник. Боец из него никакой, но он отличный проводник, можешь мне поверить. Если увидит карту, то запомнит ее до мелочей, что твой навигатор.

— Я тебе верю. Привет, Сильбек, будешь нашим проводником.

У Сильбека загорелись глаза, и Шамиль подумал, что это первый караван, который пацан поведет самостоятельно. До этого он, возможно, излазил тропу вдоль и поперек десятки раз, но караван будет первым, что не слишком улучшило настроение.

— Собирайся.

— Я уже готов.

— Хорошо. — Шамиль осмотрел стоянку. Загиатов уже навьючили, еще нескольких оседлали, и те ждали своих седоков, пощипывая сочную травку. — Тогда вперед.

Теперь караван насчитывал тридцать загиатов: на двадцати разместили груз, а на десяти сидели охранники и проводник.

До границы караван добрался без проблем, дорогу знали все. Дальше лес сильно поредел, а еще выше простирались снежные шапки.

Загиаты шли, неся драгоценный груз, по тропе, где один неверный шаг мог стоить жизни. По возможности старались выбирать дорогу, поросшую травой. Пограничников опасаться не приходилось. Северники сняли свои посты много лет назад из-за постоянных нападений, а арабские посты, если вдруг повстречаются, пропустят их без проблем, в этом Шамиль убедился на собственном опыте. В прошлый раз они даже подсказали более безопасный путь.

Но расслабляться все равно не стоило. Общеизвестно, что спутники-шпионы сканировали всю границу, и никто не мог сказать наверняка, что прямо над тобой сейчас не висит спутник и не передает информацию на крейсер, и артиллеристы не наводят орудия, чтобы обстрелять вершину, по которой они сейчас проходят. Потому всегда приходилось быть настороже. Еще и потому, что среди гор могут бродить дозоры северников; один из таких, между прочим, перекрыл одну из троп.

Опасный участок остался позади, и караван спускался по склону, чтобы, переночевав и отдохнув в ущелье, продолжить путь.

Как известно, туман — лучший друг партизана: потому, наскоро позавтракав, караван двинулся в путь. Отсыревшая одежда липла к телу, не защищая от утреннего холода, и вскоре Шамиль со своими людьми продрог до костей — не помогали даже утепленные

куртки. Чтобы немного согреться, он прибежал к проверенному способу северников — украдкой хлебнул из фляжки. Приятное тепло разлилось по всему организму, окружающий мир стал не таким серым, понемногу приобретая контрастные цвета.

Действия проводника изменились. Теперь Сильбек исчезал, уходя вперед от основной группы, изучая окрестности, возвращался, проходил какое-то расстояние вместе со всеми и исчезал вновь. Шамиль был вынужден признать, что проводник знает свое дело.

Так прошло два дня. Однажды Сильбек вернулся слегка возбужденным, глаза бегали, и он долго ничего не мог сказать. «Обкурился поди, пока никто не видел», — подумал Шамиль. Но он ошибся.

— Там солдаты, — наконец сказал Сильбек, приблизившись к Шамилю. — «Берсерки»!

— Не может быть. Ты не ошибся? — спросил Шамиль, тщательно следя, чтобы голос звучал твердо.

— Это они! Белые черепа с красными беретами. Я хорошо разглядел, — в подтверждение своих слов Сильбек протянул мощный «одноглазый» бинокль.

— Сколько их и что они делают? — тихо спросил Шамиль, приказав остальным остановиться и следить за животными, чтобы те не шумели.

— Их около десяти, точнее сказать не могу, деревья мешали. Они двигаются наперерез, сейчас примерно в шестистах метрах от нас.

«Все правильно, — подумал Шамиль. — Обычная боевая группа из двенадцати-пятнадцати человек. Только откуда они здесь взялись? Навели или просто случайная встреча?».

Нужно было проверить полученную информацию лично, оценить возможные последствия, и Шамиль, позвав пятерых боевиков, приказал Сильбеку:

— Веди.

Группа с проводником двигалась тихо и быстро. Через две минуты они уже лежали возле упавшего дерева, приблизившись к солдатам максимально близко. Солдаты, закутанные в маскирующие сетки, сливались с местностью, и лишь движение выдавало их.

— Шамиль?.. — тихо позвал один из подползших боевиков.

— Чего тебе, Хаджи?

— Может, устроим засаду? Они нас не ждут.

Шамиль молчал. Соблазн был большим — в случае удачи они могли хорошо заработать. Голова даже рядового «берсерка» стоила очень высоко, не говоря уже о полученном в этом случае авторитете. Но и опасность была велика: если уйдет хотя бы один, караван не доберется до назначенного пункта.

Сначала ракетный обстрел с орбиты, потом напалмом добавит истребительно-штурмовая авиация, при этом перепашут десятки квадратных километров. Если и в этом случае часть из них каким-то чудом выживет, их перебьет оставшийся в живых «берсерк», при условии, конечно, что он сам выживет после бомбежек.

«Если бы это были не «берсерки», а пехота или, на худой конец, десантники — то еще можно было бы попытаться, — с грустью подумал Шамиль. — Или если бы мы были на «прогулке», как они. А так...»

— Нет, Хаджи, у нас важный груз, который мы обязаны доставить по назначению. Я не могу рисковать. Мы двинемся, как только они отойдут достаточно далеко.

Хаджи явно разочаровался, но ничего не сказал — Шамиль был его командиром. Впереди еще два дня пути, и обострять отношения нельзя, иначе в конце пути он мог оказаться в списках погибших.

* * *

— Здравствуй, Жульфа, — поздоровался Шамиль, поцеловав сестру в лоб. — Как дела?

— С тех пор как ты уехал, ничего не получалось.

— Это ничего, теперь все наладится; вот тебе небольшой подарок. — Шамиль протянул сестре несколько небольших, но довольно увесистых картонных коробок.

— Спасибо! С ними действительно будет гораздо лучше, — сказала Жульфа и убежала к себе в комнату. Вскоре оттуда послышались специфические щелчки.

Шамиль гордился своей сестрой. Несмотря на свои восемнадцать лет, она уже была вдовой. Муж погиб в одном из рейдов на северников, но, в отличие от остальных вдов, продолжала вести активную жизнь, помогая брату в его нелегком деле. Он только что приехал и едва успел привести себя в порядок.

В дом вошел староста селения, и Шамиль почтительно поклонился.

— Ты знаешь, что там на диске?

— Нет, почтенный.

— Новое задание. Они хотят, чтобы мы в ближайшее время разрушили базу северников.

Шамиль застыл: это уже не игрушки. В прошлый раз из рейда вернулась только половина группы. Правда, происходило это не здесь, а на соседней базе, но потери будут такими же, это как пить дать.

— Я готов. Оружия и взрывчатки мы привезли достаточно.

«А главное, денег», — подумал Шамиль.

— Что ж, тебе и карты в руки. Постарайся, потому что контролировать операцию приедет сам... — При этом староста замолчал и многозначительно поднял палец вверх. — Ты понял?

— Да, уважаемый, я не подведу.

Шамиль принялся за разработку плана нападения. Какая именно база будет объектом нападения, он решил сразу. Осталось лишь утрясти некоторые вопросы с оружием и людьми, но с этим проблем возникнуть не должно.

29

За два месяца службы на Чирмене Миха Кемпл стал экспертом в истории планеты. Например, узнал, что экспансию определенных граждан — бачченгов, больше известных как бородачи, попытались ограничить, но те нашли лазейку и теперь прибывают на планету на арабских кораблях. Заняв таким образом уже половину планеты.

Ежедневные обстрелы из снайперки и еженощные из миномета он уже воспринимал как неотъемлемую часть жизни, как воздух и утренний туман.

Миха Кемпл вел тройку солдат по контрольной полосе. Он ее изучил довольно хорошо и уже мог заметить изменения в обстановке. Сегодня он немного углубился в лес, хотя делать это было нежелательно, но Миха, рассудив, что на проторенной дороге они ничего не найдут, направился вглубь.

Ощущение того, что за ним наблюдают, не проходило. Оно то усиливалось, то пропадало. Что за ними наблюдает снайпер, Миха не боялся: в лесу им работать довольно сложно; скорее всего, их «вел» простой наблюдатель. Подобное ощущение в последнее время возникало все чаще, и это послужило еще одним доводом, чтобы углубиться в лес.

— Кика, давай правее, — прошептал Миха. — А ты, Штырь, иди слева. Я с Чумой пойду прямо.

Солдаты согласно кивнули и стали расходиться в стороны. Близость противника ощущалась всеми. Чутье на опасность у уголовников было прямо-таки звериным. «Но однажды оно вас все-таки подвело, раз вы попались», — нейтрально отметил про себя Кемпл.

Шорох спереди, и рывок Штыря. Чья-то тень быстро исчезала среди деревьев, Миха вскинул автомат, но было уже поздно: наблюдатель скрылся.

Миха проверил лежанку беглеца, обезвредив поставленную тем растяжку.

— Видно, парень тут целый день сидел, — предположил Кика.

— Не меньше, — согласился Штырь, — и скорее всего видел, как мы проходили по тропе в первый раз.

— Мог бы запросто нас перестрелять, — добавил Чума.

Вечерело, и Кемпл не стал докладывать о случившемся по рации. Через полчаса они вернутся на пост, и тогда он все подробно изложит лейтенанту.

— Ладно, — сказал Миха. — Возвращаемся, сегодня больше ничего интересного не произойдет.

По возвращении на базу Миха пошел к лейтенанту на доклад, но, кроме него, обнаружил там весь офицерский состав.

— Господин лейтенант, разрешите доложить?

— Докладывай.

— Обнаружена лежанка, наблюдателя задержать не удалось.

— Ладно, хрен с этим наблюдателем. Так, все в сборе. Довожу до вашего сведения, что разведка доложила об обнаружении минометчиков. Они прячутся в ближнем селении.

— Тоже мне, новость, — хмыкнул сержант. — Все знают, что они там прячутся, ну и что с того? Там в любого ткни, не ошибешься.

— Наши знания наверху считаются не более чем догадками. Теперь это подтверждено официально, да еще, как тут написано, с помощью информатора.

Теперь хмыкнули все остальные. Было невероятным, чтобы среди боевиков появился информатор. На чем же его подловили или сколько же заплатили, что он согласился работать на северных?

— Не хмыкайте, у меня приказ. Завтра в шесть ноль-ноль идем на зачистку.

«Ну и какой в этом смысл? — удивился Миха. — Информация о зачистке долетит до сепаратистов со скоростью, превышающей скорость света, если они уже не осведомлены о ней».

— Кроме того, замечена группа людей, остановившаяся в селе. С ними какой-то груз, его нужно найти. Хотя в том, что мы его найдем, я очень сомневаюсь. Но в свете всех недавних событий довольно просто сделать вывод, что готовится акция. Ее нужно предотвратить. Я знаю, о чем вы думаете: о том, что это ловушка. Очень может быть, но мы обязаны выполнить приказ. Это все.

Утром, до восхода солнца, к первому посту подъехала колонна бронетехники. Пять БТРов, два танка и шесть легко защищенных машин с солдатами. Солдаты первого поста были уже готовы, и к основной колонне присоединились два БТРа с тремя грузовыми машинами.

— Серьезная сила собралась для зачистки, — проронил Медведь, перекладывая «граник» из одной руки в другую.

— Еще вертолеты присоединятся, — сказал Миха. — Вот тогда действительно серьезная сила будет.

Колонна тронулась в путь. Первый километр проехали быстро, а вот на подъездах к лесу техника притормозила.

— Башки за броневые листы не высовывать, — приказал капитан, самолично принимающий участие в операции. — А то оторвет запросто.

— О чем это он?

— Бронемашины снабжены системой активной защиты «тайфун», — пояснил Кемпл, — и если полетит в нас снаряд из гранатомета, то он его подорвет. Осколков будет тьма-тьмушая...

— Понял, — сказал Медведь и даже отодвинулся от бойницы, но потом посмотрел вверх и сказал: — Так ведь они могут просто гранату забросить сверху.

— Могут, но такого еще никогда не было.

— Почему?

— Потому что для этого нужно подойти близко, а это верная смерть.

В небе появились вертолеты. Два разведывательных «шмеля» и один тяжелый штурмовик «беркут», ошестинившийся кассетами с неуправляемыми ракетами. В отличие от своих мелких собратьев, летающих вокруг автоколонны, он шел по прямой, готовый в любую секунду перепахать гектар леса не хуже сотни бульдозеров, останется только чем-нибудь засеять и дожидаться урожая.

Колонна проехала по узкой горной дороге, и вскоре показались крыши домов из солнечных батарей. Теперь вертолеты сосредоточили свое внимание на селении, взяв в кольцо и следя, чтобы никто не скрылся в лесу. «Беркут» присоединился к ним, делая более медленные круги, тяжело стрекоча лопастями.

Танки отошли в сторону и стали занимать господствующие высоты, чтобы точными и сокрушительными выстрелами поддержать пехоту. Остальная колонна из БТРов и грузовиков продолжила движение к населенному пункту — Пинкет-Юрт.

30

Солдаты с центральной базы в село заходить не стали, вместо этого они встали по периметру, установив четыре броневики по углам каре, образовав таким образом посты с простреливаемыми секторами. Вместо них в селение вошли два взвода. Пятый — Барбоса и двенадцатый — некоего Химика, набранные тоже из уголовников.

Миха Кемпл шел в четверке с Медведем, Кикой и Чумой, под прикрытием БТРа, еще с одной группой из взвода другой точки. Оба взвода вошли в Пинкет-Юрт с запада, разделившись на небольшие группы, которые выбрали себе по улице и стали методично проверять дома.

— Хорошо живут, — сказал Медведь, покосившись на дом.

— Не бедно, — согласился Чума. — На деньги арабейцев шикают.

Дома действительно были богатыми. Весь населенный пункт застроили большими двух- и трехэтажными зданиями, обнесенными высокими заборами с крепкими воротами.

— Открывай, хозяева! — кричал Кика, молотя кулаком в ворота. — А то взорву щас все к чертовой матери!

— Не нужно, прошу вас, — послышался слабый женский голос. — Сейчас открою.

На всякий случай солдаты приготовились к возможной атаке. Два автомата уставились на дверной проем, заставив женщину вскрикнуть.

— Кика на входе, остальные за мной, — отстранив женщину, приказал Миха.

Группа ворвалась в дом, быстро проверяя все комнаты. «Слишком большое жилье для стариков, — подумал Миха, врываясь в комнату, где на кровати неподвижно лежал старик. Его Кемпл тоже проверил, сдернув одеяло. — Чисто».

— Чисто! — повторил Миха.

— У меня тоже, — подтвердил Медведь.

— Медведь, стой тут. Я в подвал, а ты, Чума, на второй этаж.

Группа снова разделилась. Будь на то разрешение, Миха сначала бросил бы гранату, но делать это запрещалось — превышение власти. Подвал был пуст и не производил впечатления тюрьмы для заложников. В этом Миха убедился, простучав стенки и пол, так и не найдя пустот или фальшивой стены.

Дом оказался «чистым», группа выбралась наружу и направилась к следующему. БТР, зарывав двигателем, проехал с десятков метров и снова остановился, угрожающе повернув свои башни на противоположные дома. В небе по-прежнему стрекотали вертолеты, их звук то приближался, то удалялся.

— Дальше действуем тем же манером, — сказал Миха. — Давай, Кика.

Кика со всей дури стал долбить в дверь.

— А почему с центральной базы не участвуют? — спросил Медведь. — Быстрее вышло бы.

— Потому что эти солдаты обычные...

— В смысле?

— Они набраны отовсюду, но только не из тюрем. Если среди них потери, общественность недовольна. Когда недовольна общественность, недовольны политики...

— Когда недовольны политики, — продолжил за Миху Чума, — проблемы у военных чинов.

— Да, — подтвердил Кемпл. — А нас вроде как не жалко. К тому же смерть простого солдата обходится казне гораздо дороже. Мы же для всех отбросы общества. Когда отбросов становится меньше, довольны все; опять же экономия на похоронках...

Наконец дверь открыли; что любопытно, открыла опять женщина, и группа по отработанной схеме ворвалась в дом.

Здесь семья была больше. В основном женщины и дети. Мужчин оказалось двое, шестидесятилетний старик и десятилетний мальчик.

— Всем на пол. Руки держать на виду! — приказал Миха, поведя стволом. — Чума, держи их.

— Предъявите документы, — потребовал Чума, и женщина пошла к комоду.

Кемпл проверял этаж, стараясь не выпускать из виду семейку. Обстановка в доме была богатой. «Только по одному виду можно сказать, что они виновны в связях с арабийцами, — подумал Кемпл. — Иначе откуда здесь все это, если высокооплачиваемой работы нет. Ну а о помощи родственников можно не заикаться, знаем мы их родственников».

Дом проверили со всей возможной тщательностью. Группа шла к следующему.

— Ничего.

— А ничего и не будет, Кот, — уверенно сказал Кика. — Они уже давно ушли.

Осмотрели еще несколько домов с тем же результатом. Женщины, дети, старики. Молодых мужчин в селе было слишком мало.

— О, химики какие шустрые! — кивнул головой в сторону второй группы Медведь.

— Ну дык правильно, наловчились уже, — ответил Кика. — Они здесь больше года.

Кемпл посмотрел в сторону «химиков». Те обогнали их на дом.

— Открывай, карга старая! — кричал один из них, молотя ногой в дверь.

— Ладно, давайте дальше, — сказал Миха, увлекая группу за собой к очередному дому.

Впрочем, не успели они войти в ворота, как из дома, куда вошли «химики», послышался истошный визг.

— Молчи, сука, а то урою! — послышалось вслед за криком.

— Так, ребята, это уже форменный бардак, — сказал Миха. — За мной.

Группа проникла в дом, проверяемый «химиками».

— Куда прешь?! — попытался остановить Кемпла солдат, стоявший на входе.

— Что у вас происходит?

— Не твое дело, ефрик.

Миха дальше разбираться не стал, подсечкой свалил самоуверенного солдата на пол и добавил прикладом по каске, а потом пошел в глубь дома. Упавшего солдата, попытавшегося было подняться, прижал коленом Медведь, тот что-то прохрипел, но дрыгаться перестал. Вслед за своим командиром прошли Кика с Чумой.

В одной из комнат Миха увидел двух солдат, державших под прицелом парня примерно их лет и женщину, по всей видимости, его мать. Женщина без сознания валялась на полу с рассеченным лбом. Парень же был в пластиковых наручниках, он зло шипел и выкрикивал проклятия на своем языке.

Солдаты обернулись, проследив за взглядом пленника, но было уже поздно, Миха держал их на прицеле.

— Не ввязывайся не в свое дело, — сказал один из них.

— Это мое дело. Деревня находится у первого поста, и все проблемы, которые вы оставите здесь, придется расхлебывать нам. Чума, держи их; дернутся, стреляй.

— Хорошо. — Чума поднял свой автомат. Визг не прекращался, и Миха пошел искать его источник.

— Ну же, сучка, не трепыхайся, а то большее будет, — донеслось со второго этажа.

Миха поднялся по лестнице. В комнате все было перевернуто, а на полу пыхтел солдат. Он сбросил шлем, но мешал бронежилет, и потому у насильника до сих пор ничего не получилось, только покраснел весь.

— Кончай бардак, — тихо велел Миха. Несмотря на свою возню, солдат услышал и, словно ошпаренный, отскочил в сторону, подхватив автомат. Девушка забилась в угол, впрочем, ее слез Миха не заметил: только взгляд, полный ненависти.

— Тебе что, больше всех нужно? — спросил солдат, застегивая штаны одной рукой, понимая, что повеселиться сегодня больше не удастся.

— Отнюдь. Но этого безобразия я тоже терпеть не собираюсь. Поэтому у меня к тебе предложение.

— Какое?

— Мы сейчас тихо-мирно расходимся, будто ничего и не произошло. Ну как?

— Они ведь все бандиты, ты понимаешь это?

— Вполне возможно, что ты прав, но без доказательств они такие же граждане Союза, как и все остальные. К тому же за такие действия тебе в любом случае накинута пятак или в штрафную переведут, — сказал Кемпл, начиная раздражаться. — Долго еще трепаться будем? Нам еще улицу до конца проверить нужно.

Впрочем, глухие автоматные очереди, донесшиеся откуда-то издалека, ответили на все вопросы.

31

Две досмотровые группы с первого и второго поста, забыв об обидах, бежали к месту перестрелки на окраине. Кто-то оттаскивал тяжелораненого бойца за угол соседнего здания, еще четверо обстреливали окна, откуда велся огонь.

— Барбос, что там?

— А, Кот! Это ты!? Да все то же — у кого-то не выдержали нервы, видать, вот и открыл пальбу, дурак! Попытался убежать, но его вроде бы загнали обратно и держат там.

— Что теперь?

— Да ничего. Но лучше отойти подальше, видишь, корректировщик в рацию что-то бурчит.

— Танки?

— Они самые.

Солдаты отходили на параллельные улицы, только три бойца продолжали вести обстрел из соседних домов. Легкие вертолеты зависли на месте, сканируя местность. Тяжелый — продолжал наматывать круги.

Вскоре с господствующих высоток блеснули вспышки; дом, где засел стрелок, разнесло по камешкам. И только после этого донесся раскатистый гром выстрелов двухсотмиллиметровых танковых орудий.

Барбос прижал рукой шлем, что-то выслушивая, потом повернулся к своим солдатам и сказал:

— Вертолетчики заметили движение в лесу. Кто-то уходит. Нам приказано организовать преследование. Со мной первое отделение; Кот, с тобой второе. Будем брать беглеца в клещи. Вперед.

Куда нужно бежать, можно было не спрашивать: направление показывал один из «шмелей», подключившийся к погоне. Кто беглец, неизвестно. Может, какой-нибудь пацан, испугавшийся взрывов, или наблюдатель из числа боевиков. А может, и стрелок, ушедший из дому по подземному ходу, чем черт не шутит?

— Как же его уроды из оцепления не заметили? — спросил Медведь.

— Сами, наверное, на взрывы во все глаза смотрели, — ответил Миха. Переговоры велись по внутренней связи. — Вот и не заметили, сопляки.

Погоня продолжалась. Вертолет, преследуя беглеца, медленно, но верно уходил вперед.

— Ну же, поднажмите! — прозвучал в наушниках голос одного из членов экипажа «шмеля». — Уйдет ведь, паразит!

— Ну так отсекайте его, — предложил Кемпл. — У вас ведь бортовой пулемет и пушка на носу.

— Деревья высокие, мешают.

— Попробовать-то хотя бы можете? Глядишь, замечается.

— Ну хорошо, попробовать мы можем. Вертолет повис над лесом, раздался дробный стук десятимиллиметровой пушки, ему вторил крупнокалиберный пулемет.

У солдат словно открылось второе дыхание, они рванули вперед, пробираясь сквозь высокую траву, перепрыгивая поваленные деревья и предательские кочки: ступив на любую из них, запросто можно было вывихнуть ногу. Две группы сжимали «клещи», обходя место обстрела справа и слева; вертолет не двигался с места.

— Он еще там? — спросил Барбос вертолетчиков.

— Мы не видим никакого движения.

— Может, подстрелили?

— Вряд ли. Затаился в каком-нибудь овражке и сидит, ждет, пока вы пройдете.

— Ладно, смотрите в оба.

Солдаты продолжили движение со всей осторожностью, поглядывая по сторонам и под ноги. Враг был близко, и самое поганое — они не обладали никакой информацией о его возможностях.

Вдруг слева послышался шорох и мелькнула тень. Все открыли огонь, но деревья надежно закрывали беглеца. Он был без оружия и без какой бы то ни было индивидуальной защиты и, в отличие от солдат, легко перемещался по лесу.

— Прекратить стрельбу! — приказал Миха. — Эй, на стрекозе, вы меня слышите?!

— Слушаю.

— Подстрелите его.

— Он уходит вниз по склону. Деревья все гуще, и нам его не достать.

— Нам тоже не угнаться, уж больно шустрый он. Вызывайте «беркута».

— Хорошо.

Вертолет накренился и пошел вслед за беглецом. Вскоре послышался рокот тяжелого штурмовика.

— Пойдем за ними, — сказал Барбос, махнув рукой. — Нам нужно останки найти.

— Барбос, у меня такое впечатление, что нас поймали.

— То есть?

— Отвлекающий маневр. Они пожертвовали домом, стрелком, да и беглец далеко не уйдет.

— И что?

— А то! Деревню покинула половина людей, ушел вертолет-разведчик и штурмовик. Оставшийся взвод будет торопиться досмотреть оставшуюся часть деревни и пропустит тайник, если он есть.

— Это уже не наше дело. Пусть об этом болит голова у капитана с лейтенантом. Наше дело маленькое — выполнить поставленную задачу и только.

Впереди, сквозь стрекот вертолетов, слышались свистящие звуки, и затем — грохот частых взрывов, треск ломавшихся деревьев. Канонада продолжалась секунд пятнадцать, но всем показалось, что гораздо дольше.

— Работа выполнена, теперь дело за вами, — сказал пилот с «беркута».

Минут через пять взвод прибыл на место бомбежки. Картина, представшая солдатам, заставила их содрогнуться. В радиусе ста метров не уцелело ни одного дерева. Повсюду валялись изуродованные стволы поваленных деревьев, щепки и ветки. Кое-где виднелись воронки, многие были завалены ветками.

— Твою мать! — воскликнул Барбос. — Тут же все перепахано, и если здесь кто и был,

то от него даже следа не осталось.

— Но посмотреть надо, хотя бы для очистки совести, — рассудил Миха.

— Посмотрим. «Шмель», движение есть?

— Нету.

— Ну тогда вали отсюда, достал ты своим стрекотом. А пользы от тебя никакой.

— Как скажешь, — согласился пилот, ничуть не обиженный. Вертолет завалился на бок и пошел в сторону села.

— Взвод, растянуться в цепь, дистанция десять метров. Пошли.

Миха осторожно переступал ногами, заглядывая под каждый ствол у себя на пути. Длинной крючковатой палкой ворошил ветки, разгребая засыпанные воронки. Требовалось найти хоть какие-то останки беглеца, но их не было.

Взвод прошел весь перепаханный участок, и Барбос приказал проверить его снова, но теперь уже поперек. Все повторилось — разгребание веток и заглядывание под стволы. Продолжалось это до тех пор, пока Хуго не крикнул:

— Я нашел!

— Что там?

— Кажись, рука.

Солдаты столпились возле находки. Ею оказался изорванный обрубок руки ниже локтя с одним указательным пальцем. «Хоть не средний», — усмехнулся про себя Миха.

— А где все остальное?

— Искать.

Взвод разбрелся вокруг.

— Все, можно возвращаться, — сказал Барбос, больше ничего не обнаружив после усиленных двадцатиминутных поисков рядом с местом находки.

32

На первый пост вернулись только под вечер. На следующий день узнали, что под руинами взорванного дома никого не обнаружили. А значит, рука, которую они нашли в лесу, принадлежала стрелку, ранившему солдата. Раненого забрал транспортный вертолет, привезший, к радости Улька, пятизарядную анτισнайперскую винтовку «стилеть».

— Ну теперь этому снайперу точно звезда пришел! — поглаживая винтовку как женщину, сказал Ульк.

— Ты сейчас на маньяка похож, — сказал Миха, наблюдая за взводным снайпером.

— Я ее на свои деньги купил. Надоело ждать, пока эти штабники-снабженцы снизойдут до чаяний какого-то там рядового. Они эти деньги скорее себе в карман положат, чем нормальную винтовку купят, а если и купят, то какое-нибудь устаревшее дерьмо.

Разборная двухметровая винтовка покоилась на коленях Улька. Он приделывал к ней здоровенный оптический прицел с многочисленными режимами видения, от ночного до теплового.

Если не знать, что патроны от винтовки, то можно было бы подумать, что они пушечные, настолько большим был их калибр.

— Сколько же она стоит?

— Дорого. Пули с электронным стабилизатором. Мне она обошлась в двадцать тысяч.

— Одуреть! Шестимесячная зарплата.

— Зато я убью эту сволочь. Надо лишь только ее засечь.

С разрешения командования Ульк провел пристрелку «стилеть». Солдаты, ушедшие в дозор, унесли и установили на окраине леса мишень. Пламегасители не справлялись с работой, и при выстреле пламя вырывалось из ствола. На все про все Ульку потребовалось шесть патронов, после каждого выстрела он регулировал прицел, а вечером солдаты принесли издырявленную мишень. Последний выстрел поразил ее прямо в центр, оставив хорошую дыру.

— Все, — самодовольно сказал Ульк, разглядывая мишень. — Теперь надо только засечь эту сволочь, и он труп.

Но на следующий день вражеский снайпер не дал о себе знать.

— Уж не, заболел ли он? — стал беспокоиться Ульк, протирая оптику специальной ветошью.

— Ты еще в деревню лекарства занеси, чтобы он поправился скорее, — пошутил Миха, уходя в дозор.

Группа была давно сработанной, а потому никому и ничего объяснять не требовалось. Солдаты шли по едва заметной тропинке, внимательно озираясь вокруг. Но ничего не менялось, разве что новая растяжка обнаружилась, а так все выглядело по-старому, даже скучно.

У Кемпла снова появилось ощущение, что за ним наблюдают, солдаты тоже это почувствовали. Шаги их стали пружинистыми, бойцы были готовы в любой момент прыгнуть в сторону и открыть ответный огонь. Миха огляделся и вскоре обнаружил наблюдателя, но неожиданно тот встал и пошел навстречу группе. Солдаты встрепенулись, занимая оборонительные позиции.

— Стой! — приказал Миха, взяв на прицел незнакомца. — Кика, проверь его.

Кика пошел вперед и стал проверять, но вдруг отпрянул, словно ошпаренный.

— Это баба... — растерянно сказал он.

— Конечно. Или вы уже совсем ослепли? — прозвучал насмешливый ответ.

Девичий голос не оставлял никаких сомнений. Она была измазана грязью, в мешковатой одежде с противомоскитной сеткой. Что делало ее очень похожей на мужчину.

— Что, детка, пришла повеселиться?! — весело спросил Штырь. — Мы всегда рады.

— Со своей рукой будешь веселиться.

— Пардон, мэм, — взял Миха ситуацию в свои руки. — Люди они простые, манер не знают. По вполне понятным причинам девушек мы здесь встретить никак не ожидали, а потому приняли вас за мужчину. — И уже с подозрением спросил: — А что мы, собственно говоря, тут делаем?..

— Я тут уже третий день тебя дожидаюсь.

— А зачем?

— Не узнал?

— Да вроде долгов никому не оставлял, чтобы за мной устраивали персональную охоту... — Миха прищурил глаза. — Но что-то знакомое есть...

— Это я... то есть ты оттащил того козла от меня во время зачистки.

— Ну и?

— До тебя удивительно долго доходит, солдат. Пришла поблагодарить.

— Ладно, командир, ты тут пока поговори, а мы дальше пойдем, — сказал Медведь. — Правда, парни?

— Да-да, конечно...

— На обратном пути подберем... Напарники ушли, улыбаясь во весь рот.

— Этот здоровяк подогладливее тебя будет, — снова с насмешкой сказала она. — А по лицу не скажешь, что шибко умный.

— У него большой жизненный опыт. Хотя наукам не обучен.

— А ты, стало быть, обучен.

— Экономист-бухгалтер, — с некоторым достоинством ответил Миха.

— Ну в руках у тебя явно не бланки документов.

— Обстоятельства так сложились...

— Понятно.

— Тебя как зовут-то хоть?

— Жульфа.

— А тот, что был связан?

— Мой брат Шамиль.

— Ага... А меня зовут Миха Кемпл.

— Тогда что же ты здесь делаешь, бухгалтер, среди эков? Хотел обчистить свою бухгалтерию по подложным документам, но засыпался?

— Если отбросить частности, то общий смысл верен. Кто такие эки?

— Вы: те, кого набрали по тюрьмам. Но это неважно. Спасибо, что спас меня от того животного.

— Да не за что. Если бы я этого не сделал, все ваше мужское население принялось бы по нам стрелять. Мне это ни к чему. Я собираюсь спокойно дослужить срок и вернуться домой. Вот и все.

— Я понимаю, и все равно спасибо. Вот, возьми подарок.

— Дорогая вещица, — заметил Миха, принимая цепочку с красным камешком.

— Это местный рубин. Брат нашел на заброшенной шахте.

— Спасибо. Ну все, мне пора, мои ребята возвращаются. А то братик искать кинется, а тут четыре мужика с одной девушкой, поймет неправильно, стрелять начнет.

— Шутник, — усмехнулась Жульфа и скрылась в лесу еще до того, как солдаты подошли к своему командиру.

— Ну что, Кот, у вас все было? — с явной заинтересованностью спросил Штырь.

Очевидно, этот вопрос не на шутку волновал всех остальных.

— Какой же ты все-таки пошляк, Штырь. Пойдемте обратно, нам еще переть и переть. Не было ничего, — наконец ответил Миха на насмешливо-вопросительные взгляды. — Идем.

Уже вечером, подходя к точке, они услышали щелчок и мгновенно упали в траву.

— Объявился-таки наш снайпер, — досадливо сказал Миха, бросая дымовую шашку, чтобы прикрыть группу дымом от повторного выстрела. — Вылечился, гад.

Миха ждал ответа Улькиного «стилета», но его так и не последовало.

33

Но стреляли не в группу Подстреленным оказался Косой, он слишком долго задержался на одном месте, и пуля, пробив бронежилет, вошла в плечо.

— Вот ведь гадость-то какая, — посетовал сержант Нильсен, показывая извлеченную пулю солдатам. — Бронебойная, наконечник с алмазной нарезкой. Это вам не это.

Несмотря на каламбур, все поняли, о чем речь. У снайпера новые боеприпасы, а значит, нужно быть внимательней.

Кемпл нашел Улька в столовой и подсел к нему.

— Не засек?

— Засек, но немного поздно, — ответил Ульк, перемешивая кашу. — Времени на выстрел уже не оставалось. Но теперь я знаю, где он примерно в следующий раз объявится, и буду его ждать.

Ульк принялся за еду, всем видом показывая, что разговор окончен.

Ночью на обстрел ответил автоматический миномет первого поста, что случилось довольно редко. Утром, чтобы оценить результаты его работы, отправили группу.

— Вот, Миха, миномет отрабатывал этот квадрат, посмотри там все, — наставлял сержант, тыкая в карту. — Точку обстрела хорошо накрыли, должен быть результат.

— Все проверим.

— Двигай. Но будь осторожен.

— Обязательно.

Группа без проблем добралась до нужного квадрата. Где-то высоко в небе, так что и не видно, висел вертолет, сканируя местность чувствительными локаторами.

— «Шмель», что-нибудь видно? — спросил Кемпл.

— Пока все чисто, но гарантировать, что рядом с тобой никого нет, не могу.

— Понятно...

Группа прочесывала местность; разрушения выглядели так себе, ничего серьезного: с десяток воронок, пара поваленных деревьев. «Это тебе не работа «беркута», — уважительно подумал Миха, вспоминая причиненные тем разрушения. — Но все даже к лучшему: тела убитых должны уцелеть». Миха отметил, что площадка хорошо оборудована и наполовину защищена скалами, которые и приняли на себя пару снарядов. Нервировало то, что совсем рядом высились обрывистые горы, откуда эта огневая позиция просматривалась как на ладони, но пилоты вертолета упрямо твердили, что там никого нет; по крайней мере, никто не двигается.

— Ребята, кто-нибудь что-нибудь нашел? Хотя бы малейшие следы?

— Нету тут ничего, Кот. Никаких фрагментов тел или техники, даже следов крови нет.

— Наверное, все с собой унесли, — предположил Штырь.

— Выходит, что так, — согласился Миха. — Ладно, идем обратно.

— Тоже верно.

Кика пошел первым: ему не терпелось вернуться на точку. В лесу он чувствовал себя неуютно. Миха хотел его придержать, но, едва открыл рот, прозвучал взрыв. Кика упал. Откуда-то сверху забил пулемет. «Сволочи, — подумал Миха. — Наверное, всю ночь там в засаде сидели, нас ждали».

— Медведь, бери Кику. «Шмель», «шмель», быстро сюда!

— Вижу, уже спускаюсь.

— Раньше надо было видеть! Уходим! Группа быстро уходила с места происшествия.

Медведь нес на руках раненого бойца, а остальные их прикрывали.

— Кот, вижу движение справа, — предупредил Штырь.

— И слева, — доложил Чума.

— Короче, они везде, — подытожил Миха, заметив еще две тени.

Пулемет на скале замолчал: видимо, его расчет опасался случайно задеть своих.

Кто первым открыл огонь, Кемпл не заметил, может быть, он сам. Пули выбивали щепу из стволов деревьев, за которыми они спрятались. Группа вела ответный огонь, не давая себя окружить. Боеприпасы быстро подходили к концу. Очередную атаку удалось отбить Медведю своим гранатометом, и в рядах нападающих появились наконец раненые, что несколько охладило пыл противника. Потом наконец-то подоспел вертолет и накрыл нападавших пушечным огнем, дав время отступить группе Кемпла. Чтобы закрепить успех, «шмель» добавил неуправляемыми ракетами. Их мощность была не слишком большой, и самих ракет было не много, но и этого вполне хватило.

Уже на точке Миха насчитал у себя на бронежилете две пулевых вмятины, а на теле обнаружил здоровенные синяки.

— Ну как он там? — спросил Миха местного лекаря, выходявшего из лазарета от Кики.

— Плохо, потерял много крови, осколков полно. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Ну и?

— Я сделал все, что смог. Сейчас за ним вертолет прилетит.

Вертолет прилетел, но это мало помогло. Из-за гула двигателя никто не расслышал выстрела. Раненого погрузили на борт, а когда пошли посмотреть, почему пилот не взлетает, то оказалось, что он мертв. Второй пилот находился в шоковом состоянии, поскольку кровь его товарища забрызгала весь салон и его самого. Он ошалело смотрел вокруг, стирая одной рукой кровь со своего лица, а другой тормозил товарища, все время повторяя:

— Бинг, ты чего, а?.. Бинг...

— Ульк, твою мать! — сплюнув, прокричал Миха, направляясь к снайперской башенке.

— Почему не стреляешь?! Ты же говорил, что сможешь засечь!

— Я засек и выстрелил, просто вы ни черта не слышали!

— Ну?

— Баранки гну! Мимо.

— Черт возьми!

Пока прилетел второй вертолет со сменным пилотом, пока взлетел, Кика умер от

болевого шока.

— Дерьмо. Завтра с тобой на дежурство заступаю, — сказал Миха. — Возьму твою старую винтовку, и будем смотреть в два глаза.

— Как знаешь.

34

Рано утром, в самый густой туман, Миха с Ульком поставили давно снятую как нежизнеспособную систему «панорама». Ее настроили только на конкретный участок, где ожидалось появление снайпера. Экран поставили в башенке, чтобы отреагировать оперативней. Плюс ко всему систему подключили к автоматическому миномету, чтобы поразить вражеского снайпера наверняка. Раньше такого не делали, это была идея Михи, и с помощью толкового специалиста системы совместили.

— Все, теперь точно не уйдет, — сказал Миха, беря старую винтовку Улька.

— Угу, — подтвердил ротный снайпер, впрочем, без особой уверенности.

Время тянулось невероятно медленно. Казалось, что оно совсем остановилось, это чувствовалось особенно остро, если смотреть на монитор: циферки сменяли друг друга, но ничего не происходило. Время от времени снайперы наблюдали лес и горы через оптику, но быстро бросали это занятие.

Никто не выходил из башенки. Обедали и справляли нужду прямо здесь. Было бы обидно, если бы выстрел прозвучал именно в тот момент, когда ты вышел.

— Да где же он? — спросил, не вытерпев, Миха.

— Забавно, правда? — флегматично заметил Ульк. — Мы всегда желали, чтобы снайпера не было, а теперь страстно хотим, чтобы он появился как можно раньше.

Миха ничего не ответил, а только в очередной раз встал и посмотрел на горы через прицел винтовки. Но, как и следовало ожидать, ничего интересного не увидел.

— Не суетись, — посоветовал Ульк.

— Не могу. Терпения уже не хватает.

— Не быть тебе настоящим снайпером. Терпение и выдержка в нашем деле главные составляющие успеха. Вот я терпению научился на рыбалке. Сидишь часами на речке и рыбу удишь. Бывало даже, за весь день паршивого кинка не подцепишь, и ничего... А ты рыбачил?

— Нет. Там, откуда я родом, рек нет. Одни болота. Особо не порыбачишь. Шаг влево, шаг вправо, и буль-буль.

— Прикольно.

— Но я думаю, что все равно долго просидеть не смог бы.

— Терпение — залог успеха, — повторил Ульк и взял свою винтовку.

Дипломированный снайпер подошел к амбразуре и выставил ствол «стилета» наружу. Потом стал очень медленно поворачивать винтовку на специальной короткой треноге.

На внутренней территории первого поста механик завел БТР. С первым рыком движка из выхлопной трубы высоко вверх взлетело сизое облако отработанного газа.

Кемпл на секунду отвлекся на неожиданный звук, а когда повернулся, то обнаружил, что Ульк валяется на полу с огромной дырой в затылке. На экране пульсировала зеленая точка стрелка.

— Черт! Черт!! Черт!!!

Миха подхватил оброненный «стилет» и глянул через оптику, но опыта явно не хватало. Он не мог мгновенно найти место, откуда произвели выстрел. Он также не мог совместить мигающую точку с реальным рельефом, а потому винтовка в его руках вертелась хаотично, лес в прицеле превратился в одно зеленое пятно.

Зато миномет, получив координаты, стал разворачивать направляющую башню. Но даже его движение казалось Михе мучительно медленным. Захватив цель, миномет стал отстреливать снаряды. Их смертоносные десятки сменяли друг друга через короткие

промежутки времени, за которые техника поворачивала лафет и делала достаточный разброс для накрытия максимальной площади. Ствол миномета покинули ровно сто снарядов.

— Ну что? — спросил сержант Нильсен.

— Не знаю, — честно признался Миха.

— Может, послать группу, чтобы посмотрели? — предложил Барбос.

— Что скажешь?

— Я думаю, не стоит, — сказал Миха. — Если сработали чисто, то завтра снайпера не будет. Если нет, то нет. А так только зря на засады нарываться.

— Ладно, будь по-твоему.

На следующий день снайпера действительно не было, и все с надеждой подумали, что его и не будет, но через день он объявился вновь, ранив одного из солдат. Тот упал рядом с Кемплом, когда Миха с ним разговаривал. Боец просто свалился, громко закричав. Пуля прошла ему обе ноги насквозь.

После этого случая Миха Кемпл решительно направился к командиру поста.

— Господин лейтенант, разрешите обратиться?

— Обращайся, солдат.

Лейтенант был слегка навеселе. Последние события заставляли его сильно нервничать, и он решил успокоиться с помощью хорошей дозы спиртного.

— Господин лейтенант, разрешите мне попробовать достать этого снайпера.

— Я не то что разрешаю, я тебе это приказываю. Достань этого ублюдка во что бы то ни стало! — Лейтенант Винтек даже грохнул кулаком по столу — Кстати, как ты это собираешься сделать?

— Выйду в поле и сыграю с ним по его правилам. А играют они без правил.

— Да?! А ты знаешь о печальном опыте твоих самонадеянных предшественников?

— Так точно, сэр.

— Ну ладно, разрешаю. Если снимешь его, я тебе даже медальку дам, у меня вон в столе одна завалялась...

Лейтенант, шумно покопавшись в бумагах, вытащил медаль из ящика стола и прочитал надпись:

— За отлично проведенную переправу. Хм-м... не по профилю, конечно, но все же лучше, чем ничего...

— Спасибо, сэр.

35

Миха Кемпл не стал откладывать сборы в долгий ящик. Порывшись в вещах Улька, он стал собираться при помощи второго взводного снайпера, чтобы уже ночью выйти на исходную позицию.

— Вот, оденься потеплее, — наставлял снайпер, протянув специальный комбинезон. — Ночью будет очень холодно, а такая одежда удержит тепло. Костер не разжигай и саморазогревающейся пищей не пользуйся.

— А что так?

— У бородачей тоже есть хорошая техника, я бы даже сказал, на порядок лучше нашей. Могут засечь. Так, теперь следующее: как только выберешь позицию, старайся шевелиться как можно медленнее. Чтобы даже если птичка на дуло сядет, она должна улететь исключительно по своему хотению, а не потому, что ты ее спугнул.

— Вот те раз.

— Да-да, иначе она может такой хай поднять, что тебя враз демаскирует.

— Понятно. Что-нибудь еще?

— Да вроде все. Живность, что около тебя копошиться будет, — не убивай, иначе ее будет еще больше и — что самое неприятное — крупнее. Вот мазь. — Специалист протянул баночку. — Как станут докучать паразиты всякие, намажешь вокруг себя. Ты понял? Вокруг,

а не на себя. А то один придурок намазался, такими волдырями пошел, жутко смотреть было. И еще, чуть не забыл: вокруг своей лежанки установи ловушки; будет обидно, если тебя сожрет какой-нибудь зверь.

— А что, крупные хищники есть? — с беспокойством спросил Миха.

— А как же без них? Конечно, есть; но сильно не беспокойся, они предпочитают охотиться глубоко в ущельях, где джунгли и много пищи, а не высоко в горах, где мы обитаем.

— Успокоил...

— Ну что, Кот, готов? — спросил сержант, впервые назвав Кемпла по кличке.

— Готов, Симонс. Возможно, что за один день я не управлюсь, так что не беспокойтесь, если не вернусь. Вот если через день меня не будет, вот тогда да, но...

— Тогда уже беспокоиться не будет никакого смысла, — договорил за Миху Барбос.

— Верно. Медведь, вот, возьми медальон, а то он что-то колется, мешать будет.

— Он, наверное, дорогой?

— Вот именно, а у тебя его никто не отберет.

— Еще бы! В ухо дам так, что мало не покажется.

Когда уже совсем стемнело, Кемпл выбрался за пределы первого поста. Он двигался не по проторенной дорожке, где ходили обычно, а напрямик через травяное поле. Что было обусловлено двумя причинами — маскировкой и расстоянием. Чтобы лишний раз не доставать компас, Миха ориентировался по звезде, двигаясь прямо на нее.

Тащить собранный «стилет» было безумием, а потому он находился в разобранном состоянии в специальном футляре за спиной. Из легкого оружия Миха взял пистолет-пулемет «жук», поскольку штатный «корс» был слишком тяжел, а вообще без оружия выходить было глупо. Компактное оружие с емким магазином было снабжено длинным глушителем. Миха надеялся обойтись без лишнего шума при встрече с неприятелем: как с разумным — бородачами, так и неразумным — хищным зверьем.

На полпути к обозначенному месту Миха услышал минометную стрельбу и далекие взрывы. «Что-то рано они сегодня», — подумал Миха, глядя на вспышки отдаленных взрывов. Через прибор ночного видения они слепили. Но любоваться не оставалось времени, и Миха пошел дальше.

До места Кемпл добрался только под утро. Он взобрался на одну из многочисленных вершин, откуда просматривалась вся долина. Пока низину, где стояла база, скрывал туман, можно было не опасаться вражеского снайпера. Миха наспех соорудил лежанку и решил выспаться, пока туман не спадет.

В сон он провалился сразу, уставшее тело требовало передышки. Проснулся с помощью будильника в часах, настроенного на виброрежим. Туман только-только сошел, и Миха начал более основательно готовить свою огневую позицию, выбрав нишу в скале, откуда просматривались все ближайшие сопки. Поставил растяжки и принялся ждать.

Лес внизу он перестал осматривать сразу, заметить там что бы то ни было через густую листву было просто невозможно. Все свое внимание он переключил на возвышенности. Сложная оптика услужливо показывала расстояние до гор, на которые он смотрел. Винтовка позволяла снять снайпера только с двух соседних скал, находившихся по прямой, в двух и в пяти километрах; правда, только в том случае, если он не засядет где-нибудь на обратной стороне. Но Миха надеялся, что снайпер выберет себе позицию на видимом ему склоне.

Время тянулось еще медленнее, чем в прошлый раз, когда он охотился с Ульком из башни. Глаза уже болели от напряжения, а в углу появились две закопанные ямки с переваренным содержимым консервов. Насекомые не беспокоили, и была надежда, что они не будут беспокоить и впредь.

Выстрел прозвучал неожиданно, с дальней горы. Миха достаточно быстро вычислил стрелка по взлетевшей стайке птиц, но сам стрелять не стал. Стрелок был слишком подвижен, и его закрывал ствол дерева. «Так, значит, птички, — подумал Миха. — И до этого птички были примерно там же. Значит, в следующий раз я засеку тебя именно по ним».

Настроение немного улучшилось, хотя на горе предстояло просидеть еще сутки. А то, что снайпер мог кого-то подстрелить, не сильно беспокоило. Не тебя, и ладно. Спросить он тоже не мог, рацию не взял принципиально, чтобы, не дай бог, не запеленговали во время разговора.

— Ну что ж, завтра ты труп, — прошептал Миха, довольно потирая руки.

36

Ночью Миха проснулся от крика ночной птицы, а потом заснуть никак не получалось. В ночном небе светили яркие звезды, некоторые из них стремительно скользили, пересекая зенит. «Истребители», — догадался Кемпл. Но наблюдать за мельтешением точек над головой вскоре надоело, и он взял в руки винтовку, поставив оптический прицел в режим ночного видения.

Ничего не изменилось, кроме цвета: лес теперь был не сине-зеленым, а оранжевым. Вдруг взлетела стайка птиц, и Миха присмотрелся к участку более внимательно. Спустя пару минут на площадке, где деревья росли пореже, Кемпл обнаружил движение. Он насчитал четырех загиатов, на троих сидели люди, четвертый тащил тяжелую поклажу. «Контрабандисты», — подумал Миха первое, что пришло в голову. Но время показало, что он ошибся: это были минометчики.

Бородачи сноровисто ставили миномет, как делали десятки раз до этого, если не сотни. Один из них быстро взбежал на возвышенность и стал рассматривать базу с помощью бинокля. Наводчика ранили, но это не мешало ему выполнять свои обязанности.

Кемпл приткнулся к окуляру, и палец сам лег на спусковой крючок. Наводчик стоял на открытой местности, прицельные планки совместились на его фигуре, показывая, что он стопроцентный труп, если нажать на спуск. «Нет, — подумал Миха. — Я пришел не за вами, хотя руки так и чешутся перестрелять вас».

— Делайте свое черное дело, я разрешаю. Пока...

Наводчик что-то прокричал, его подчиненные покрутили настройки, и первая мина ушла в небо, взорвавшись на территории поста. Потом пауза несколько секунд, во время которой произвели доводку, и жерло миномета покинули еще пять снарядов. Потом люди быстро разобрали миномет и погрузили его на загиата. Затем бегом направились в лес, увлекая животных за собой. Боялись они напрасно, ответных выстрелов не последовало.

На территории базы бушевал огонь. Горели емкости с горючим. Топливо растекалось по территории, пожар набирал силу, захватывая все новые площади. Такого еще не случалось.

— Наверное, снаряд в щель между пластинами попал, или заменить не успели, — вслух подумал Миха. — А вот если бы я подстрелил хотя бы одного из вас, ничего бы этого не произошло.

Поднятые по тревоге солдаты с помощью огнетушителей и песка пытались отсечь огонь от гаражей с техникой и боеприпасами. Это им пока удавалось.

Пожар потушили только за два часа до рассвета. Потом опустился туман, и Миха не смог отслеживать дальнейшие события на базе. Утренний ветерок пробирался даже через специальный комбинезон, но хруст ветки неподалеку согрел Мihu лучше спиртного.

Кто-то кружил возле его лежанки, то осторожно приближаясь, то удаляясь. Миха достал своего «жука», но зверь отступил, так и не показавшись.

Может быть, его отпугнул запах, не такой, как у его обычных жертв. А может, хищник почувствовал, что перед ним сидит охотник, еще более страшный и опасный, чем он. Как бы там ни было, зверь ушел.

Бдение продолжалось. Наступил день, природа оживала, и уследить за всеми стайками взлетающих птичек было не так-то просто. В большинстве случаев их тревожили местные хищники, но однажды побеспокоили пришедшие. Сразу три группы бородачей обходили ближайшую сопку. «Значит, скоро здесь появится снайпер, — подумал Миха, решив, что это

проверяющие. — Наверное, на одну из таких групп нарвался мой невезучий коллега с соседней базы, если это их обычная тактика действий».

Боевики где-то затаились, и вскоре взлетела новая стайка птиц, яркими точками блеснувшая в приборе ночника, Кемпл сбил с прицела паучка, мешавшего обзору, боясь пропустить или потерять снайпера из виду. Большую часть пути приходилось предугадывать его движение в лесной чаще. Наконец он остановился на одной из возвышенностей и стал готовиться. Миха проклинал все на свете: между ним и снайпером росло два дерева. Следовало что-то делать, но он боялся даже пошевелиться, ведь те три группы никуда не ушли и наверняка держали под наблюдением все подозрительные точки.

Делать было нечего, и Миха выполз из своего укрытия, двигаясь как можно медленнее.

— Все спокойно, — слышался голос из радиации, — можно выдвигаться.

Снайпер ничего не ответил, лишь подхватил винтовку и двинулся в обход оврага на место. Движения были уверенными: за три года, что он тут работал, ничего особенного не происходило и никто не устраивал засад. Пройдя два километра по лесной чаще, снайпер вышел на позицию и стал готовиться. Место было удобным, а главное, не засвеченным, что также играло немаловажную роль.

Блокпост открывался как на ладони. Маленькие фигурки человечков мельтешили туда-сюда, попасть в них становилось все труднее: они никогда не оставались на одном месте надолго. Но иногда кто-то все же забывал об опасности, останавливался, и тогда звучал выстрел, но и то не всегда удачный, что злило снайпера. Он ненавидел северников.

Но с некоторых пор на базе один человек был вне прицела. Его точка в электронном прицеле мигала красным огоньком, поскольку его снабдили маячком. Что-то в его облике было не так, он словно стал крупнее, но эта информация отошла на второй план: появилась потенциальная жертва. Чтобы лучше видеть, снайпер снял противомоскитную сетку и прицелился, палец лег на спусковой крючок.

Кемпл только выбрал новую лежанку и взял снайпера на прицел, как в глазах все побелело. «Только не сейчас, — в панике подумал Миха. — Когда угодно, но только не сейчас!»

На него навалился «белый сон», заменивший «белый шум».

Миха почувствовал, что лежит на спине, хотя отчетливо помнил, что еще секунду назад лежал на животе. Снова яркий свет в глаза, мельтешение теней и голоса:

— Мы теряем его.

— Два кубика адреналина.

«Это что-то новенькое», — с удивлением подумал Миха. Приступы случались и раньше, слышались и голоса, но слова он разбирал впервые. К тому же приступы случались только в моменты, когда он уже не спал, но еще и не проснулся. А сегодня «сон» настиг его в период полного бодрствования. «Наверное, это из-за перенапряжения и бессонной ночи», — решил Миха.

— Фиксируется улучшение... опять провал! Голоса потускнели, белый свет исчез, и он снова лежал на земле и смотрел в прицел винтовки. «Отлично, выстрела еще не было, — облегченно подумал Кемпл. — Хотя еще чуть-чуть, и я бы опоздал. Но однажды меня это сильно подведет».

Миху прошиб холодный пот, а потом стало жарко, он узнал лицо снайпера, а точнее, снайперши, когда та откинула сетку. Оптика позволяла рассмотреть лицо.

— Вот черт!

Миха не знал, что делать, рука стала влажной. В прицеле его винтовки находилась женщина, которая к тому же подарила ему дорогой медальон в благодарность за свое спасение. Ему стало стыдно, так что даже уши запылали, он не хотел признаваться самому себе, что стал испытывать к ней какие-то чувства. Но тут он увидел, как ее палец коснулся курка.

— Но ты убила Улька и многих других, — твердо произнес Кемпл и нажал на спуск. Выстрелы прозвучали одновременно. Жульфа не услышала выстрела «стилета» из-за шума своей винтовки, а потому не успела среагировать. Она только полуобернулась с удивленным выражением лица, что-то заподозрив, но было уже поздно. Пуля настигла ее.

37

— Вы куда смотрели?! — кричал Шамиль на командиров трех групп. Его сестра лежала в доме на столе, накрытая покрывалом, потому что смотреть на нее было страшно. Громко причитали родственники, проклиная неверных и клянясь отомстить северникам. Затылочная часть головы отсутствовала, как и лобная. Огромный калибр «стилета» сделал свое дело.

— Мы не виноваты, — сказал один из них в полупоклоне, сделав шаг; вперед. — Все выглядело как обычно. Ничего подозрительного не заметили.

Шамиль молчал, кричать на них смысла не было, авторитет только терять. «У них просто притупилось внимание, а потому проверяли спустя рукава, — думал Шамиль. — Да и не нужно было снайпера убивать, такое они в своих кругах не прощают и стараются отомстить. Так сказать, отстоять профессиональную честь».

— Почему стрелка не поймали?

— Он больше не стрелял. Мы прочесали всю высоту, но, кроме его лежанки, ничего так и не нашли. У него хватало времени на отход.

— Но мы клянемся отомстить! — сказал командир второй группы.

— Вам представится такая возможность, я лично прослежу, — пообещал Шамиль и отвернулся, показывая, что разговор окончен.

Боевики вышли, а Шамиль прошел обратно в комнату. Ему предстояла долгая траурная церемония. К окончанию траурной церемонии пришел старейшина.

— Сочувствую тебе. Это большая утрата...

— Спасибо, — оборвал старейшину Шамиль. — Когда придет Первый?

— Зачем тебе? — подозрительно спросил старейшина. Он не любил, когда его спрашивали о Первом.

— Я хочу начать операцию раньше. Они должны за все заплатить, и как можно быстрее.

— Я сочувствую твоему горю, но должен напомнить, что личные мотивы не должны повредить нашему великому делу изгнания невер...

— Уважаемый, — снова перебил Шамиль. — Когда?

— Через три дня.

— Хорошо.

— Но ты должен понимать, что не можешь позволить себе никаких осечек.

— Их не будет.

После того как закончились похороны, Шамиль Баджиев пошел проверять свою армию. Добровольцы и наемники прибывали в селение вот уже вторую неделю, и их размещали в домах на окраине села. Как ни странно, такое размещение было безопасней, чем в лесном лагере неподалеку. Там их мог легко засечь вертолет-разведчик или какой-нибудь шустрый дозор северников, а в селении ничего не угрожало, поскольку оно надежно охранялось собственными дозорами.

Правда, добровольцев и наемников селили в разных домах, чтобы не случилось стычек из-за религии.

Баджиев вошел в один из трех домов; все они были заселены боевиками. Его, естественно, узнали и пропустили. Выслушав соболезнования, впрочем, не слишком искренние, Шамиль прошел дальше.

В ожидании работы все занимались своими делами. Проверяли огнестрельное оружие, но большинство точили и без того идеально заточенные ножи. Остальные играли в карты.

Внутри комнат висел густой дым, и Шамиль уловил запах наркотика; он запомнил нарушителей, решив поставить их на передний край.

Здоровые бородатые боевики шутили и смеялись, что-то обсуждая между собой, только в одной комнате смеха не слышалось. Шамиль прошел туда, там стояла тишина. В комнате сидели парни и девушки лет пятнадцати, они не разговаривали, а просто сидели, уставившись пустыми глазами в пол. «Камикадзе, — опознал их Баджиев. — Что ж, и они нужны».

— Что, командир, не нравятся? — спросил один из подошедших боевиков.

— Не нравятся, Хамдид, — признал Шамиль. — Мне никогда не нравился религиозный фанатизм.

Баджиев говорил открыто, поскольку знал, что Хамдид — простой наемник и ему также были до фонаря все эти камлания на веру.

— Кому-то нужно во что-то верить. Иначе люди теряют смысл жизни. Вот их смысл жизни в смерти. По крайней мере, они так думают.

— Чушь.

— Кому как...

— Ладно. У вас все нормально; может, чего не хватает?

— Все есть. Размяться бы, а то уже засиделись тут, нервозность растет. Без женщин трудно...

— Скоро разомнетесь. Уже назначена дата, а вот с женщинами помочь не могу — Проституток в селе нет. Как и пленниц...

— Да ладно, это я так.

— Готовьтесь.

Баджиев вышел и направился к соседнему дому. Здесь квартировали добровольцы из числа фанатиков, из соседних селений. С ними ему было трудно, но приходилось терпеть: от исхода операции зависело очень многое.

38

Подготовка к атаке началась в первые часы ночи.

Боевики выбирались из одних машин и грузились на другие, чтобы преодолеть первые километры, не тратя лишних сил. Машины были самыми разными, от легковых и джипов до стареньких грузовичков.

— Эх, нам бы пару броневиков, — мечтательно произнес Хамдид.

— Это ты к нашим спонсорам обратиться, — отмахнулся Шамиль. — Пусть расщедрятся на технику.

— Так они и стоят не в пример дорожке камикадзе. Или полтора миллиона за коробочку, которую еще доставить надо, или пятьдесят тысяч за этих глистатиков.

— То-то и оно.

Машины остановились перед перевалом, за которым находился первый пост и основная база, обреченная разрушению.

Вперед ушли минометные расчеты, сегодня их было десять групп. Восемь малокалиберных для уничтожения блокпоста и две стомиллиметровки, для ведения огня сразу по базе. Загиаты тяжело тащили поклажу из десятков снарядов.

Основная масса боевиков спустилась с горы, выдвинувшись к самому краю леса. Сюда же по дороге подогнали три грузовика, обитых листами брони; тяжелые автомашины должны были произвести рывок к основной базе.

На груди завибрировала рация, и Шамиль поднес ее к уху.

— Слушаю...

— Как ваши дела?

— Прекрасно, уважаемый.

Шамиль узнал по голосу Первого, или Бин Лашена. Одного из трех руководителей

повстанческого движения или заместителей верховного имеема. Но верховный руководил десятками движений откуда-то из центральных миров и вот один из его доверенных лиц был здесь, на Чирмене.

Где точно находился Бин Лашен, Шамиль не знал, но предполагал, что на одной из гор, откуда удобно вести наблюдение. Сам Шамиль Первого не видел, тот прибыл утром, но старейшина сказал, что это он.

— Это хорошо. Да поможет вам всевышний.

— Спасибо.

Шамиль отключился: приказ ясен, осталось его только привести в исполнение.

— Нуре, Мамед, Альхе, — позвал Баджиев командиров трех групп, занимавшихся охраной его сестры, когда та выходила на задания.

— Слушаем, командир.

— Вы готовы выполнить свой долг?

— Приказывай, мы выполним свою клятву.

— Выдвигайтесь на переднюю линию.

— Слушаемся.

Три группы вышли из леса и, как могли скрытно, двинулись к первому блокпосту. Группы усилили боевиками-наркоманами и шестью камикадзе. Последние несли на себе большие рюкзаки со взрывчаткой.

Прошло довольно много времени, пока из рации не донеслось:

— Мы на месте.

— Хорошо. — Баджиев переключил рацию на многоканальную связь с минометчиками и просто сказал: — Начинайте.

Где-то высоко в горах захлопали минометы, выпустив первые пристрелочные мины, раздались неточные взрывы, но после секундной паузы стали более кучными и точными.

— Вперед, — скомандовал Шамиль и сам побежал в атаку. За ним из лесу выскочили около двухсот боевиков.

Пока велся огонь из минометов, три группы, вышедшие раньше, стали готовить проходы через минное поле. Они развернули шланги, похожие на веревки, и стали перебрасывать их через поле. Каждый из тридцати боевиков, кроме смертников, кинул по такой «кишке», образовав три прохода, а потом командиры групп синхронно подорвали заряды.

Раздались взрывы. Проходы были открыты.

— Отходим! — приказал Альхе своим людям.

Приказ прозвучал вовремя: минометный обстрел прекратился, и заработал автоматический миномет северников. «Одному нашему кирдык, — подумал Альхе, — вряд ли можно убежать достаточно быстро».

Вместе с минометом в дело вступили башенные пулеметы... Стрелки, даже при помощи ночников, не видели, куда стрелять, а потому палили наобум, для самоутверждения. Впрочем, и такой огонь был достаточно опасным, шальная пуля могла найти свою жертву.

Снова начался минометный обстрел, и Альхе скомандовал: «Вперед». Нужно было успеть до подхода основных сил.

— Бадер, давай! Твой выход, — крикнул Альхе.

Вызванный боевик вынырнул из травы с гранатометом на плече, заряженным модернизированной гранатой.

— Не беспокойся, все будет в ажуре, — успокоил своего командира Бадер и выстрелил.

Граната угодила в одну из пулеметных башенок. Взрыв уничтожил пассивную защиту стены и, выбив множество осколков, пробил хорошую дыру.

То же самое удалось гранатометчикам остальных групп, кроме одного: снаряд ушел мимо, поскольку пулеметчик вовремя заметил опасность и срезал противника, и тот выстрелил, будучи уже мертвым.

Уцелевший пулеметчик поливал свинцом всю площадь вокруг мертвеца, зная, где

примерно затаился враг. И — как было слышно по громким вскрикам — попадал.

— Бадер, что же ты?!

— Сейчас!

Бадер заканчивал вкручивать в трубу новый заряд и, положив гранатомет на плечо, встал в полный рост. Пулеметчик заметил нового противника, но слишком поздно: прозвучал выстрел, а за ним взрыв.

На стены выбегали автоматчики, и Альхе снова скомандовал:

— Давайте, духи войны, ваш черед! Остальные прикрывают!

Смертники побежали к стенам. Остальные стали отвлекать солдат автоматным огнем, заставляя прятаться в укрытия. Камикадзе разделились на две группы. Один из них упал, сраженный удачным выстрелом, но тот, кто это сделал, тоже был убит.

«Ничего, — подумал Альхе. — Остальных должно хватить».

Смертники залегли в траве, и первые номера кинулись к стене. Добежав до стены, они прижались к камням и нажали на себе кнопки подрыва. Заряды оглушительно рванули, но, как и ожидалось, их оказалось недостаточно. Тогда пошли вторые номера: они с криками подбежали к образовавшимся трещинам, и все повторилось заново.

Проломы стали достаточно большими, но в ход пошли третьи номера, даже тот, кого посчитали убитым, полз к пролому. Потом он встал и, шатаясь, побежал к стене. «Вот ведь как запрограммированы, — удивился Альхе. — Даже смертельные раны им нипочем».

— Как у вас дела? — спросила рация, когда, чуть погодя, взорвались третьи номера.

— Все отлично, командир, — ответил Альхе, узнав Баджиева. — Проходы готовы; в общем, всё идет согласно плану.

— Какие потери?

— Пока неясно, но группа Нуре пострадала сильнее остальных.

— Понятно. Мы уже близко.

Бой продолжался. Автоматический миномет северников продолжал непрерывную стрельбу, вспахивая все новые участки. Но здесь его можно было не опасаться, он не мог бить ближе чем на двести метров. Большую опасность представляли засевшие за бойницами солдаты. Они время от времени выглядывали в маленькие окошки и давали короткие очереди.

39

После удачного выстрела Миха вернулся на первый пост, сделав огромный крюк. Он долго прятался и однажды видел, как всего в сотне метров от него прошла поисковая группа, охотящаяся за ним. Два дня отдыха восстановили силы, за это время не прозвучало ни одного выстрела снайпера, и все окончательно поверили, что он мертв.

Время отдыха закончилось, и Кемпл заступил на очередное дежурство. «Стиллет» он передал снайперу-профессионалу, а сам взялся за привычный «корс».

— Вот твой медальон, — сказал Медведь, протянув украшение.

— Надо же, я про него совсем забыл.

Миха взял украшение и рассмотрел. Красный камешек сверкал в лучах солнца, клонившегося к закату. Кемпл решительно скомкал в ладони цепочку и выбросил медальон в амбразуру.

— Ты чего?!

— Мне никогда не нравился красный цвет.

— Ну-ну...

— Не люблю дежурить во вторую смену, — сказал Кемпл, чтобы перевести разговор.

— А чего так?

— Ночью человек должен спать, а мы бодрствуем, это вредно для здоровья.

— Ну ты сказал, — ухмыльнулся Медведь и посмотрел наружу, поведя пулеметом.

— Ну что?

— Все так же спокойно.

— Это хорошо.

Дежурство шло своим чередом. Бодрствование сменилось легкой полудремой; впрочем, Миха знал, что они проснутся сразу, если их вздумают проверить, для этого он специально натянул нитку, которая при обрыве вызовет падение консервной банки на бетонный пол.

Их никто не проверял, проснулись они от минометного обстрела.

— Странно, — недоуменно протянул Медведь.

— Что? Обычный обстрел...

— Слишком много одновременных взрывов.

— Точно, — согласился Кемпл и схватился за пулемет, но в темноте ничего нельзя было рассмотреть.

Потом начался настоящий ад — все взрывалось. Снаряды крушили стены, крыши и просто рвались на территории, поднимая в небо землю. Рядом что-то неслабо грохнуло.

— Медведь, что это было?

Миха выглянул наружу, но заметил только оседающую землю.

— Ты меня спрашиваешь?!

Потом все стихло, и открыл стрельбу миномет поста. Его огромный ротор поворачивался, посылая один снаряд за другим.

— Не нравится мне это.

— Да, нехорошее затишье, — согласился Медведь и, взявшись за пулемет, нажал на гашетку.

— Кончай стрелять в белый свет как в копеечку — боезапас только тратишь.

— Ладно. — Медведь перестал стрелять. — Тогда садись ты за пулемет.

Миха пересел на место пулеметчика. В боковую амбразуру заметил, как занимают свои места поднятые по тревоге солдаты.

— Что-нибудь видишь?

— Не-а...

Тут снова начался минометный обстрел. Миха отвлекся на секунду, а когда снова прильнул к окуляру, увидел встающего человека. Палец сам нажал на курок, опередив мысль. Очередь срезала гранатометчика, но тот все же выстрелил, снаряд с резким свистом пронесся рядом. А вот другим не повезло. Еще одну пулеметную башню снесло точным попаданием, ее судьбу повторила снайперская. Благо хоть там никого не было.

Миха обстреливал место, где упал гранатометчик, длинными очередями крест-накрест. Гильзы сыпались на пол, покрыв его своеобразным ковром.

— Кот, слева! — прокричал Медведь, поправляя пулеметную ленту.

— Сматываемся!!! — крикнул в ответ Миха, понимая, что уже не успевает.

И они за секунду до взрыва выскочили из башни; взрыв опалил их огнем и обдал мелкими камешками и пылью — всем тем, что раньше было стеной.

Миха очнулся от оглушительного взрыва и оттого, что его тормозил Медведь.

— Вставай!

— Неплохой взрыв...

— Щас еще будет, это камикадзе!

Медведь протянул Кемплу его автомат и перевел в боевое положение свой «граник».

— Пошли на стену, нужно обороняться!

— Да, сейчас...

Миха поднялся на ноги и тотчас же упал еще от одного, сдвоенного, мощного взрыва. В стене образовались две пробоины. Осколками убило двух солдат. Миха снова поднялся и побежал в сторону стены, когда услышал сержанта:

— Куда прете?! Назад! Отходим!

Снова начался минометный обстрел, и Кемпл решил, что действительно нужно найти более безопасное место.

Взревели двигатели БТРов, и из гаража стала выезжать техника. Грузовики быстро скрылись за мощными стенами комплекса автоматического миномета. Первому БТРу не повезло, близким взрывом его перевернуло на бок. Не упал на крышу только потому, что удержала стена. Второй, спихнув в сторону перевернутый БТР, взял под прицел стенные проломы; водитель так и не решился вывести машину из гаража.

Ухнул очередной взрыв, потом еще один, и стена рухнула.

— Отступаем!

Миха увидел лейтенанта, отдающего в мегафон приказы. Солдаты спускались со стен и бежали к грузовикам. Кемпл уже и сам разглядел через обрушенную секцию стены приближающегося противника. В свете мерцающего огня казалось, что их там несметные полчища.

— Кот, уходим, — позвал Медведь, помогая Михе передвигаться.

Вдвоем они доковыляли до машин.

БТР открыл стрельбу и стал выезжать из-под защиты гаража, поскольку минометный обстрел прекратился, тем самым дав возможность машинам выехать за пределы точки. Пушки БТРа продолжали стрелять, даже когда прозвучало восемь гранатометных взрывов, а вот на девятом они замолчали.

— Отстрелялся, — заметил Медведь.

— Похоже на то, — согласился Миха. Машины быстро катили по дороге к центральной базе, где уже играли боевую тревогу.

40

Когда Шамиль Баджиев прибыл на место, все закончилось. БТР успел выкосить десятерых человек, но его люди быстро подбили машину, расстреляв из гранатометов. Он ожидал большего от защитников блокпоста, но, видимо, переоценил их возможности: никакого ожесточенного сопротивления не последовало.

Боевики быстро разбегались по территории в надежде отыскать хоть одного живого неверного, но находили только погибших.

— Хамдид, — позвал наемника Шамиль.

— Да?

— Ты хотел броневик, вот тебе броневик. — Шамиль показал на перевернутую технику. Второй БТР догорал.

— То, что нужно.

— Вот и займись. Но поторопись, через две минуты мы должны выступить. Да, и пошли пару человек, пусть посмотрят миномет северников — может, пригодится.

— Все сделаю.

Снова задрожала рация.

— Слушаю.

— Как все проходит? Отсюда не очень хорошо видно. Далековато...

«Вот и спустись поближе, — зло подумал Шамиль. — Далековато ему». Но вслух сказал:

— Пока хорошо, уважаемый.

— Какие потери?

— В пределах нормы, — ответил Шамиль и счел нужным пояснить: — Семнадцать человек и шесть слуг Всевышнего.

— Все мы слуги Всевышнего... «Начинается», — с тоской подумал Баджиев.

— Впрочем, вам нужно торопиться.

— Да, уважаемый.

— Тогда не буду мешать. Да обратится к вам милость Всевышнего.

— И к вам.

Прибыли грузовики, осторожно проехав через недавно проложенный коридор, и

боевики стали быстро на них грузиться. Не задерживаясь, колонна двинулась в путь. Впереди двигалось неожиданное приобретение — БТР северников. На полпути колонна рассредоточилась, и вовремя: начал бить миномет центральной базы. Впрочем, он не успевал брать опережение из-за хаотично меняющейся скорости транспорта, и снаряды рвались позади машин.

Плюс ко всему неподалеку кружили вертолеты. Один из них пошел на боевой разворот, но пять ракетных комплексов «шумейкер» подорвали его, охладив пыл остальным. Вертолет успел отразить три ракеты, но две достигли цели, и он горящими обломками рухнул в поле.

Цепь машин остановилась в километре от базы, и боевики рассредоточились на местности. Шамиль отрегулировал рацию и связался с пятью минометными расчетами.

— Готовы?

— Готовы, командир.

— Тогда начинайте.

— Есть.

— Хамдид, что твои люди, разобрались с минометом?

— Да, Шамиль. В автоматическом режиме он больше стрелять не может, но при ручном управлении всегда пожалуйста.

— Тогда пускай тоже начинают.

— Хорошо.

Взрывы накрыли базу, и под их прикрытием новая партия боевиков продвигалась вперед, чтобы обеспечить коридор через минное поле. Стрелок с центральной базы переключил внимание с боевиков, засевших в поле, на подавление огневых точек в горах, и даже преуспел в этом.

Наконец впереди гроыхнуло, и три из шести машин двинулись с места. Первым шел захваченный БТР, он отводил своей системой пущенные гранатометные снаряды. Уже на подходе к стенам он свернул в сторону пропуская грузовики.

Работу броневика теперь должны были выполнять специальные группы гранатометчиков, поражая выстрелами северников, но сейчас гранатометчики залегли, их с успехом заменял БТР. Чему они только радовались, поскольку, будь иначе, потери среди них достигли бы пятидесяти процентов, несмотря на всю хитрую технику, что они использовали.

Первую машину сразу же подняло в воздух двумя попаданиями. Две оставшиеся, свернув в сторону, продолжили стремительное движение и успешно проскочили по коридору. Вторую машину сбили у стен, и в нее врезалась третья. Взрыв чудовищной силы проделал огромную дыру в стене. Через нее, встав во фронт, без помех могли бы проехать три танка.

— Ну что засели?! Вперед! — прокричал Шамиль.

Минометный обстрел прекратился. У боевиков закончились снаряды, а у северников взрывом заклинило поворотную башню. В дело вступили два танка, но от них толку было мало. Наступая, боевики сильно растянулись по фронту, а тратить по снаряду на человека смысла не имело, но солдаты все равно стреляли, выбирая более скученные группы.

41

Еще в пути командиры первого блокпоста провели переключку уцелевшего личного состава. Выяснилось, что недостает четверти.

Машины пропустили на территорию базы, и сержант Нильсен стал расставлять своих солдат по местам.

— Вот наш участок стены, — говорил сержант. — Занимайте места. Сейчас они сюда припрут.

Солдаты занимали позиции, на которые указывал сержант.

— Сержант, нам бы оружие помощнее... — попросил Барбос. — А то с этим мы недолго протянем. Гранатометы, пулеметы...

— Сделаю что смогу.

Впрочем, оружия так никто и не дождался. Атака бородачей началась несколько раньше, чем ожидали. Все проходило по знакомому сценарию, только, в отличие от поста, на базу боевиков пропускать было никак нельзя. Все помнили, что произошло с теми, кто не сдержал атаку.

Михе не нравилось, что стены стальные, хоть и защищенные плитками пассивной защиты. «Пожалели денег на нормальное бетонное укрепление», — решил он. Но выбирать не приходилось.

Смертники протаранили стену грузовиком со взрывчаткой, и ее разорвало, как бумагу, далеко отшвырнув неопытных защитников. А потом полезли сами бандиты.

Кемпл стрелял в смутные силуэты, но никак не мог понять, попадает или нет. Через стенной пролом вели огонь танки, но вспышки разрывов мешали, ослепляя бойцов, оснащенных приборами ночного видения.

Меткие выстрелы бородачей снимали солдат со стен. Сержант бегал вдоль укрепления, давая советы, которые, впрочем, никто не слушал, и проверял упавших солдат. Иногда звал медиков, которых было не так уж и много, или помогал бойцам вернуться на стену.

Боевики подходили все ближе, и становилось очевидным, что при помощи тяжелого вооружения их не одолеть. К тому же они поставили какие-то лампы, дававшие сильные вспышки. Солдаты, не успевшие защитить глаза в момент вспышки, слепли на несколько секунд, и их выбивали боевики. Рядом с Кемплом взорвался гранатометный снаряд, и соседнего солдата сбросило со стены. Миху самого слегка оглушило; впрочем, ему было не привыкать.

— Симонс, где «беркут»? — спросил Муха у пробежавшего сержанта.

— Сбили его.

— Так вроде Это «шмель» был.

— И «шмеля», и «беркута» — всех сбили. Но помощь уже вышла.

— Пока она придет, нас всех перещелкают, — заметил Медведь.

— Вот вы и постарайтесь, чтобы вас не перебили.

— Постараемся, — пробурчал Муха. — Нам это больше всех нужно.

— Вот и старайтесь.

Двинулась основная атакующая лавина, но уничтожить ее не получалось: по позициям защитников лупили две пушки БТРа. Стрелки выбрали идеальную тактику: первый пулемет уничтожал защиту, а второй пробивал стену насквозь; солдаты падали на пол или прыгивали со стен, чтобы их не перекрошили в капусту. О том, чтобы отвечать на огонь, не могло быть и речи.

— Во жарят, сволочи! — прохрипел Медведь, сплевывая пыль. — И откуда у них только бронетранспортер взялся?

— У нас сперли, уроды...

— На стены, мерзавцы, на стены! — кричал прошлый сержант, который их встречал по прибытии.

Имя его Муха не помнил, но крикнул:

— Вот и лезь сам на стены, раз тебе больше всех нужно!

— За мной! — прокричал сержант, ничего не слыша, и, добежав до лесенки, полез на стену.

Очередная очередь БТРа сбила сержанта, проделав в нем дыру размером с кулак.

— Вот дурак-то...

Взревели двигатели танков. Тяжёлые боевые машины смели секцию стены и стали стрелять по верткому БТРу. С пятого раза у них получилось его подбить, но было уже поздно: боевики проникли на внутреннюю территорию, сделав три отвлекающих взрыва.

— Кот, смотри!

Муха развернулся в сторону, указанную Медведем, и нажал на спуск. «Корс» дернулся в руках раз десять и затих — кончились патроны, а перезарядить автомат было нечем. Разве

что взять у убитых, что и постарался сделать Кемпл, бросившись к ближайшему телу.

Первые нападающие полегли под автоматным огнем, но ответные очереди из ручных гранатометов подавили оборону солдат, разметав хлипкие укрепления вместе с обороняющимися.

— Медведь, отходим.

Миха кинул ему рожок, подумав, что, наверное, делать этого не стоило. Стрелок из Медведя совсем никакой. Свой боеприпас к автомату он израсходовал в первую же минуту боя, а гранат к «колобку» поблизости не наблюдалось.

— Куда отходить-то?

— Вон за то ближайшее здание.

— Ага, вижу...

Зданий было не так уж и много. Жилой комплекс для рабочих, казарма для солдат, командный пункт, гаражи, склад и вышка с эскалатором основного производственного комплекса.

«Впрочем, если правильно все организовать, то можно продержаться до подхода подкрепления, — подумал Миха во время перебежки. — Хотя уже поздно».

Боевики разбегались, как тараканы. Солдаты, простые люди, пришедшие в армию, чтобы подзаработать, не оказывали им практически никакого сопротивления, стараясь сохранить себе жизнь. Более-менее нормальный отпор давали бывшие заключенные, но их было мало и становилось все меньше.

— Смотри, что я нашел! — крикнул Медведь, показывая патронташ с гранатами. Которыми он тут же бросился заряжать свое любимое оружие.

— Я рад за тебя.

— Сейчас мы им покажем.

— Или они нам.

— Ну это уже как получится... — сказал Медведь, пожав плечами и выглянув из-за угла, и сразу послал две гранаты. Раздалось два взрыва, и Медведь прокомментировал: — Один готов.

— Что это они задумали?

— Где?

— А вон, смотри.

Боевики взломали дверь в жилое помещение и устроили там суматошную стрельбу. Послышались угрожающие крики, и из всех окон здания стали выпрыгивать рабочие, шахтеры и служащие. Они в панике разбегались по территории. Но, вопреки ожиданиям Кемпла, убивать их не стали. Стреляли, конечно, но больше в воздух или по земле, для создания паники.

42

Рабочие метались по территории, и под этим прикрытием начали продвижение четыре группы боевиков. Миха заметил, что внутри каждой группы находится по два-три человека без оружия, но с большими рюкзаками за спиной. Боевики хватали людей и, ударив пару раз по голове для усмирения, делали из них живые щиты.

— Две группы к вышке, и еще две направляются к командному пункту, — определил Медведь.

— Берем ближайшую группу.

— Давай.

— Черт, рабочие мешают. Что они так носятся, как угорелые? Залегли бы где-нибудь, но ведь нет же... Медведь, попробуй навесной траекторией.

— Хорошо.

Медведь прицелился, но так и не выстрелил.

— Нет, не получится, слишком близко.

— Ладно, давай тогда по старинке.

Вдвоем они перемещались за боевиками. Те побежали быстрее и, когда до здания оставалось метров сто, основная группа отстала, а вперед ушли только те, что несли рюкзаки.

— Давай, Медведь, сними тех, что засели.

— А гражданские?

— Плевать.

— Понятно.

Они открыли огонь одновременно. Миха стрелял из «корса» и за две секунды длинной очередью положил смертников. Медведь закидал гранатами засевшую за машиной группу. Они отстреливались, отсекая солдат, и к убитым камикадзе бросился еще один. Но только он взял сумку, как в нее попала граната Медведя. Раздался жуткий взрыв, а потом еще два. Видимо, детонировали фугасы. На месте смертников осталась только здоровая воронка. Взрывной волной повалило всех в радиусе ста метров.

— Где вторая группа? — спросил Миха, привстав с земли на одно колено.

— Не вижу.

Раздался еще один взрыв, и здание взлетело на воздух. Его обломки тяжело посыпались на укрытие двух солдат.

— Это, кажется, были они.

— Больше никому, — согласился Кемпл. — А где еще две группы?

— Что ты меня-то спрашиваешь? Я-то откуда знаю?

— Я их уже вижу.

— Где?

— Вон они, в шахту спускаются.

Смертники спускались в шахту под непрерывным огнем. Рядом с ними сверкали искры срикошетивших от стальных конструкций пуль. Проникнуть вниз удалось только пятерым, одного срезали в последний момент, но вылезший на поверхность смертник стащил убитого товарища вниз за собой.

— Слушай, Кот, а эта руда, она, случайно, не взрывоопасная?

— А хрен ее знает, но вроде не должна...

— «Не должна» или «вроде не должна»?

— Не знаю, а потому давай лучше умотаем подальше.

— Согласен.

Приятеля, где ползком, где быстрыми перебежками, направились прочь от шахты, не вступая в перестрелки. Добежать удалось только до стен, когда раздался подземный взрыв. Земля дрогнула, как при хорошем землетрясении, и из отверстия шахты в небо взлетел фонтан из земли и белесой руды.

— Ну вроде руда не взрывается, — облегченно сказал Кемпл.

— Да... А что это за гул под землей стоит?

— Я не геолог, не знаю.

Миха тоже почувствовал, что земля гудит. Краем сознания отметил, что боевики отступают, унося на себе тела убитых: то ли в качестве дополнительной защиты, то ли у них просто так принято. И они тоже, в свою очередь, ни в кого не стреляли.

Кемпл все же не удержался и выстрелил в последнего. Тот громко вскрикнул и повалился на землю, придавленный телом убитого. Через пару секунд беглец ожил и ползком стал выбираться к выходу. Миха хотел добить, но его за руку схватил Медведь.

— Что это?!

Миха не сразу понял, о чем идет речь, а когда все же понял, ему захотелось убраться отсюда как можно дальше. Земля сначала медленно, а потом все быстрее проседала. Конструкции возле самой шахты провалились под землю целиком, сыпанули искры оборвавшихся высоковольтных проводов. Треснули и рассыпались уцелевшие строения.

Люди в ужасе метались по полю, стараясь убежать из-под обвала, но катастрофа

настигала их. Миха с Медведем инстинктивно попятились назад до тех пор, пока не уперлись спинами в стену. Потом земля ушла и из-под их ног, и они, беспомощно барахтаясь, полетели вниз. У Михи перехватило дыхание от ощущения, когда не понимаешь, где низ, где верх, но пространственная ориентация восстановилось после жесткого приземления.

— Ух ты! — воскликнул Медведь. — Меня по-настоящему пробрало. Меня так не дрючило ни на одном аттракционе!

— Меня тоже... «Колесо смерти» по сравнению с этим просто невинное баловство.

— Что же все-таки произошло?

— Обвал. Обвалились шахты, как карточный домик. Видимо, выработки были объемными, и внутренние конструкции после взрыва не выдержали массы земли.

— Все яснее ясного. Пойдем посмотрим, как дела у остальных; может, помочь кому нужно.

— Пойдем.

Где-то вдалеке послышался гул вертолета. Через две минуты машина уже кружила над долиной. Иногда с ее направляющих уходили ракеты, но очень редко, и это означало, что боевики успели рассеяться, и теперь их не так-то просто найти даже с помощью высокочувствительных приборов.

43

Приятеля всю оставшуюся ночь бродили по базе, оказывая первую помощь раненым. Убитых складывали в одном месте, и ряды мертвых тел все увеличивались. Боевиков было мало, и их складывали отдельно от солдат и рабочих, просто в кучу.

Только утром все смогли оценить истинные масштабы разрушения. Не осталось ни одного целого здания, а на месте ровной площадки образовался приличный кратер, по первым оценкам достигавший десяти метров в глубину.

Один танк засыпало землей по самую башню, и его более удачливый собрат при помощи бульдозера вытаскивал его из-под земли, предварительно расчистив путь.

В небе снова послышался гул вертолетов, и вскоре рядом с базой приземлились двадцать десантно-штурмовых машин «бизон» с парочкой «беркутов». Из них выгрузились в общей сложности четыреста десантников. Половина машин, забрав раненых и убитых, улетела обратно. Сразу после их отлета приземлились пять челноков, прибывших из космоса. Из двух выкатились два танка «ТР-6», а из трех остальных — шесть вместительных БТРов.

— Стройся! — прокричал сержант Нильсен, переговорив с капитаном десантников. Теперь он стал их командиром: все офицеры погибли в ночном бою.

Поскольку десантники уже стояли по стойке «смирно», то пехотинцы выстроились второй шеренгой. Всего набралось пятьдесят человек, выглядели они не очень, но их никто не укорял.

— Я капитан Курмин. Сейчас мы, не мешкая, начнем проверку территории, а точнее, близлежащих селений, на наличие раненых боевиков. Приказываю забирать всех раненых, контуженных и даже просто исцарапанных. Короче, загребаем всех подозрительных типов. Пехотинцы и два взвода десантников отправляются в село Пинкет-Юрт, а остальные по соседним селениям, а также для перекрытия возможных путей отступления. По машинам.

Колонна из четырех танков и восьми бронетранспортеров разделилась на две отдельные группы, разъехавшиеся в разных направлениях. Каждой группе досталось по «беркуту» и по два «бизона». Остальные вертолеты отправились далеко вперед с остальными десанниками, чтобы перекрыть пути отступления боевикам. Хотя мало кто сомневался, что они кого-нибудь найдут. Бородачи хорошо умели прятаться в лесу.

Мимо блокпоста проехали не останавливаясь: все, что могло гореть, сгорело, и теперь только легкий дым поднимался над руинами. До деревни добрались достаточно быстро и без всякой подготовки ворвались в нее. Обозленные солдаты вламывались в дома и, лупя всех

прикладами налево и направо, обыскивали постройки. Все подозрительные места забрасывали гранатами, хотя это и запрещалось.

— Давай, Медведь, шуруй здесь, а я наверх пошел, — велел Миха, поднимаясь по лестнице.

Комнаты были пустыми, и Кемпл переворачивал кровати, простукивал полы и стены, но ничего не находил.

— Пусто, — констатировал Медведь.

— А у вас что? — спросил Миха двух десантников, шедших вместе с ними.

— Аналогично.

— Деревня будто вымерла. Одни женщины и дети, даже стариков нет, не говоря о молодых мужчинах; сволочи! — выругался Кемпл. — Ладно, пошли дальше.

Обыск в деревне продолжался, и мало-помалу подозреваемые появлялись. Им надевали наручники, приковывая к толстой цепи, подсоединенной к БТРу, так что вскоре за ним вытянулся своеобразный хвост из живых людей. Последний прикованный не мог передвигаться самостоятельно, и его волочило по земле.

Миха вошел в очередной дом не без помощи БТРа. Хозяева не спешили открывать ворота, и Кемпл приказал выломать их. Бронетранспортер протаранил двери, выбив их вместе с притолокой. Группа разбежалась по дому, а сам Миха направился в подвал. Женщина суежилась, путаясь под ногами.

— Отстань, тварь! — рывкнул Кемпл и отбросил женщину в сторону. — Кто там?! Отвечай!

— Нету там никого, пусто там, — быстро ответила женщина.

Миха взял гранату, выдернул чеку и ухватился за ручку двери.

— Значит, если я ее туда брошу, никто не пострадает?

— Не делайте этого!

Все сомнения отпали, там прятался боевик. Миха толкнул дверь ногой и, уходя от возможного выстрела, забросил гранату в образовавшийся проем. Послышался громкий хлопок, женщина истошно закричала, упав на колени. Кемпл снова пнул закрытую взрывом дверь и вошел внутрь.

На полу валялся бородач; правда, бороду он остриг, и не столь давно: на скулах и подбородке отсутствовал загар. Рядом с убитым лежал автомат. Миха уже собирался выходить, как заметил движение за изрешеченным диваном.

— Выходи, гад, иначе изрешечу что твой дуршлаг! — выкрикнул Миха, прицелившись из автомата, готовый в любую секунду нажать на спуск.

— Не могу, — раздался слабый голос.

— Почему?

— Больно мне...

На звук взрыва прибежал Медведь с двумя десанниками.

— Что тут у тебя?

— Кто-то за диваном, проверь.

Медведь со всеми мерами предосторожности приблизился и отодвинул диван от стены.

— Ну что там?

— Дерьмо там, — ответил Медведь и стал вытаскивать засевшего за шиворот.

Им оказался боевик, раненный в живот, видимо, пострадал при нападении на базу, поскольку рана была перебинтована. Он был нетранспортабельным, и его оставили здесь в надежде, что не найдут. Новых ран не было, граната его, в отличие от товарища, не задела. Убитый ночью получил ранения в обе ноги и также не мог передвигаться.

— Тащите его, — приказал Миха.

Два десанника подхватили пленника за руки и под оханья и стоны поволокли наверх. Миха испытал садистское удовлетворение. Чужая боль улучшила его собственное настроение.

— А говорила, что нет никого, сволочь!

— Забрать ее с собой как пособницу?
— Смысла нет. Я бы ее пристрелил, но не имею права... хотя хочется. Скажет, что запугали, заставили... да мало ли, что она скажет. Отпустят ее, одним словом, только возиться зря, — поморщился Миха и легонько пнул женщину. — Пошли дальше.

44

Зачистка продолжалась, и вскоре обыскали последний дом со всеми пристройками. У Кемпла с группой, работавшей с ним, как оказалось, самый богатый «урожай» — они обнаружили четырех бородачей. Двоих волочили по земле, двое передвигались сами. У других групп результаты оказались гораздо скромнее, по одному пленнику, но большинство не могли похвастаться и этим.

Завершив зачистку, отряд собрался в центре селения. Сержант разговаривал с радистом; закончив разговор, подошел к солдатам.

— Короче, парни, новый приказ. Разведка доложила о подозрительном движении, и нам предстоит проверка еще одного селения, оно в тридцати километрах отсюда. До вечера управимся.

Солдаты не стали скрывать отношения к сказанному.

— Все понимаю, но приказы не обсуждаются, — сказал, как отрезал, сержант Нильсен. Дисциплина была восстановлена. — К тому же нам помогут десантники. Мы с ними встретимся на полпути к деревне, они тоже закончили зачистку.

— Ну это куда ни шло, — одобрительно пробормотал Барбос.

— А что с пленниками? — спросил Миха. — Куда их? С собой повезем, что ли?

— А что тут такого? — удивился сержант. — Посадите на броню и все дела.

— Есть. Боевиков разместили на БТРах, и колонна двинулась в путь. Солдаты нервничали, проезжая по узким горным дорогам, в любой момент ожидая нападения. На некоторых участках хватило бы хорошего обвала, спровоцированного небольшим взрывом, чтобы всю колонну сбросило вниз в глубокое ущелье. Но, видимо, судьба была благосклонна, и колонна продолжала движение без проблем. Как и обещал сержант, за семь километров до села встретились две колонны бронетехники. Командиры обсудили дальнейший план действий, наметили опорные точки и огневые позиции. После переговоров объединенная колонна двинулась дальше.

— Слушай, что-то вертолетов мало, — обеспокоенно сказал Медведь. — Раньше по три штуки летало, а теперь только один кружит.

— Действительно. Барбос, что там с вертолетами?

— А я откуда знаю?

— Спроси у Симонса.

— Ладно...

Барбос переключился на сержанта и быстро с ним переговорил, активно жестикулируя. Впрочем, эти жесты сержант видеть не мог, поскольку сидел в одном из БТРов.

— На дозаправку они улетели, — наконец сказал Барбос. — Они уже сколько часов кружат, вот топливо и кончилось.

— Понятно... А когда прилетят?

— Когда рак на горе свистнет. Шутка! Подъедем к деревне, и они прилетят.

— Плохо это.

Колонна как раз проезжала между двух гор, когда с двух сторон взметнулись вверх ракеты; оставляя за собой тонкие нити белого дыма, они устремились к вертолету.

— Засада!

— Ясен пень, что не праздничный салют...

«Беркут» выбросил целый сноп противоракетных ловушек, уничтоживший три «гостинца», и накренившись стал быстро падать, уходя от ракет. Еще две ракеты взорвались, напоравшись на шашки, одну подбила противоракета, одна просто ушла в сторону и

взорвалась, потеряв цель. Когда казалось, что вертолет сумеет уйти неповрежденным, две ракеты настигли его.

Пилоты успели катапультироваться, отстрелив винты, чтобы они не посекали их в луковичные кольца для салата. Сама машина рухнула в лес, где и взорвалась от детонации боекомплекта, взметнув высоко в воздух столб огня.

Пока люди наблюдали за вертолетом, колонна попала в засаду. Спереди и сзади раздались два мощных взрыва. Миха Кемпл через амбразуру видел, как подбросило впередиидущий танк и как внутренним взрывом у него сорвало башню. «Не пожалели заряду для фугасу», — отстраненно подумал Миха.

То же самое происходило сзади. Взрывом один из танков перевернуло, сорвав гусеницы и выбив катки.

— В укрытия! — прозвучала команда среди десантников.

— Сидеть на месте! — приказал Миха.

— Почему?

— По кочану!

Солдаты выскакивали из транспорта, и тут из «зеленки» стали бить гранатометы. Системы активной защиты двух оставшихся танков и БТРов еще работали, и защитные ракеты в автоматическом режиме выстреливались навстречу снарядам.

Десятки снарядов взорвались в каком-то метре от машин, и осколки секли выскочивших из-под защиты грузовиков людей.

Танки только еще поворачивали свои башни, а бронетранспортеры уже всюду стреляли по лесу, срезая тонкие деревца и ветки, оголяя пространство. Боевики, прикованные к их броне, были уже мертвы. Атака продолжалась, и вскоре все противоракетные снаряды закончились, и теперь гранатометы били по броне.

Предчувствуя скорую гибель своих боевых машин, их стали покидать экипажи с десантом. Один из танков попытался столкнуть в сторону своего подбитого собрата, но шестой или седьмой снаряд пробил броню, уничтожив экипаж. В итоге на дороге возникла пробка, из которой никакой транспорт не смог бы выбраться, если бы даже и захотел.

— Выруливай, выруливай! — кричал Миха водителю грузовика.

Его солдаты вели ожесточенный обстрел лесного массива, но ничего не помогало. Вскоре машина совсем остановилась, водитель был мертв, аккуратная одиночная дырочка в лобовом стекле говорила, что работал снайпер.

Ухали взрывы последнего танка, вырывая деревья с корнем. «ТР-6» удивительно часто бил по склону, почти не прицеливаясь, стараясь накрыть как можно большую территорию. Что ему почти удалось, но где-то на двадцать пятом выстреле он разделил судьбу своих предшественников.

Боевики принялись за оставшиеся три БТРа и начали приглядываться к бронированным грузовикам.

— Покинуть машины! — приказал Миха и сам перемахнул за борт.

Спасения не было. Боевики вели перекрестный обстрел. Люди падали, даже не успевая отыскать глазами возможное укрытие от пуль, не говоря уже о том, чтобы найти врага. Кто-то вел ответный огонь, спрятавшись между кабиной и кузовом, из-под колес или укрывшись между камней.

45

Миха каким-то чудом успел добежать до танка и заползти под него. Оттуда он видел, как были подбиты последние бронетранспортеры. Один из них съехал в небольшую канаву, из него вывалились три члена экипажа и, ничего не соображая, стали расползаться в стороны. Тут из леса поперли бородачи. Они выскакивали из-за деревьев и выбегали на дорогу, перепрыгивая овраг.

— Да где же эти чертовы вертолеты?! — в отчаянии прокричал Миха и открыл

стрельбу из «корса».

Стрельба была неточной, мешал маленький просвет между катками, сильно уменьшающий обзор и сковывающий движения.

Боевики двигались широким фронтом, непрерывно стреляя, используя все неровности и кусты для своей защиты. Подбежав к первым погибшим солдатам, они стали снимать с них скальпы. «А это-то вам зачем? — возмутился Миха их действиями. — Что еще за варварство?»

Бородачи все напирали, солдаты непроизвольно стали сбиваться в кучу, и вскоре дело дошло до рукопашной. Солдаты боялись стрелять в боевиков, опасаясь попасть в своих товарищей. «Зачем им это нужно? — удивился Миха действиям боевиков. — Положили бы нас с высоток из пулеметов, зачем самим так глупо подставляться на пули и ножи? Наверное, это у них обычай такой: лично убить своего врага».

Силы отряда медленно, но неумолимо таяли. Кемпл примерно подсчитал, что осталось уже меньше половины личного состава, а это значит, не набиралась и сотня человек. Нужно было что-то делать, и, выбрав момент, когда где-то раздалась автоматная очередь и боевики отвлеклись на «нарушившего правила» солдата, Миха пополз к подбитому бронетранспортеру.

Когда БТР подбили и он съехал в овраг, Миха заметил сиротливо болтавшийся пулемет на второй башне. Подбравшись к нему поближе, укрываясь за телами солдат и иногда сам притворяясь мертвым, Миха отметил, что лента заправлена, а сам пулемет исправен и ждет своего часа. По крайней мере, с виду он производил именно такое впечатление, и оставалось только нажать на курок.

Откуда-то, как чертик из табакерки, выскочил бородач. Он весело улыбался, дико вращая глазами. «Наркоман, — поставил безапелляционный диагноз Миха. — Теперь понятно, почему они поперли в открытую. Дурь им башку совсем снесла».

Первая пришедшая в голову мысль расстрелять бандита была Михой отвергнута как несостоятельная. На стрелка сразу бы обратили внимание и постарались убить, а излишняя популярность Михе сейчас была совсем ни к чему. Потому он отбросил автомат и под одобрительное бурчание бородача вытащил свой нож.

— Молодец, неверный, давай сразимся как настоящие мужчины.

— Давай.

Миха сделал первый пробный выпад, не собираясь вступать в долгие разговоры; время уходило, как песок сквозь пальцы. Ответ был стремительнее, и кинжал скользнул по животу. Если бы не бронежилет, то кишки солдата уже наверняка валялись бы на земле.

— Ай-яй-яй, нехорошо, — неодобрительно покачал головой боевик, продолжая кружить с Михой в медленном танце смерти. — Настоящие мужчины не пользуются бронежилетами.

— Ну это смотря где и при каких обстоятельствах. У вас не пользуются, у нас пользуются, — ответил Миха и сбросил шлем: он сильно мешал обзору и сковывал движения.

Теперь уже боевик сделал выпад первым. Миха ушел из-под удара, отразив клинок локотником, и сам ударил в бок, но вместо того, чтобы войти в плоть, нож соскользнул.

— А говорил, что настоящие мужчины не пользуются брониками...

— Это всего лишь кольчуга.

Что значит «кольчуга» и как она выглядит, Кемпл уточнять не стал и, сделав ложный выпад, ногой подсек боевика, вертушкой свалив его на землю. Тот упал, но продолжал обороняться, поскольку упавший не значит проигравший.

Миха быстро подавил защиту противника, изрезав тому все руки и ноги, и, через пару секунд стремительного противоборства, вонзил нож в горло бородача. Израненным оказался и он сам, но пока боль не чувствовалась, Миха решил завершить начатое. Пробежав последние метры до БТРа, запрыгнул внутрь.

Внутри сильно воняло паленым. Подсознание зафиксировало лежащего на руле

водителя и занявшиеся огоньком лужицы масла под ним. Сам Миха, свалив стрелка с кресла пушечного оператора, сел за него. Но, как оказалось, прошлый стрелок израсходовал весь боезапас, и нужно было устанавливать новую ленту, а это долго.

Потому Кемпл полез на второе место. Здесь за пулеметом надо было стоять. Открыв башенный люк, Миха осторожно высунулся из него. Пулемет действительно был исправен, а лента надежно заправлена, и что самое приятное — патронный короб был заполнен до отказа.

Миха видел, что рукопашная схватка вступила в свою завершающую стадию. Солдат было не больше пятидесяти, израненных и уставших, и было видно, что боевики просто играют с ними. Только теперь Миха увидел, что боевики прикрыты еще сопротивлявшимися солдатами. «И что теперь?» — спросил себя Миха Кемпл. Невозможно было стрелять по боевикам, не попав в своих.

Чувство сомнения было недолгим. Решив, что их так или иначе убьют, Миха передернул затвор пулемета. Вид двух упавших десантников и пехотинца, поверженных ножами бородачей, придал Михе сил, и он, положив палец на курок, нажал его.

Пулемет гулко и часто застучал, выкидывая стреляные гильзы далеко в сторону. Упали первые убитые в спину солдаты, пробитые насквозь: их броня не выдерживала пуль крупнокалиберного пулемета. Боевики были ошарашены таким поворотом событий и еще не поняли, что происходит, ведь убивали их врагов, а не их самих. В конце концов они решили, что спятил кто-то среди них и стал убивать неверных.

А Миха Кемпл все стрелял и стрелял, поводя стволом пулемета из стороны в сторону. Наконец первые ряды солдат были выкошены, и пули принялись косить боевиков; те, еще не совсем понимая, что происходит, повалились на землю, многие уже будучи мертвыми.

Солдаты разбежались в разные стороны, открыв Кемплу пространство, и он стал добивать лежачих. Бородачи все поняли и стали отстреливаться, но ураганный огонь из пулемета подавлял все их попытки, время от времени отправляя одного боевика за другим в край вечной охоты.

— Получите, с-суки-и!!! — кричал Миха — адреналин перенасытил его кровь.

Он стрелял, уже не разбирая где свои, а где чужие. Просто поливая огнем все, что шевелится, в том числе машины, дорогу и склоны.

Боевики немного опомнились и теперь стреляли более прицельно, но Миху пока спасал бронированный щиток на пулемете. Пули шлепали по щитку, рикошета в сторону, оставляя на обратной стороне небольшие выпуклости.

Что-то горячее потекло по его лицу, Миху стремительно оставляли силы. Вскоре рукам стало тяжело удерживать вырывающийся из ладоней пулемет, но вот он дернулся особенно сильно и окончательно вырвался, палец слетел с курка. Миха в последний раз взглянул на патронный короб. «Как жаль, — пронеслась в голове мысль. В опустевшем патронном коробе оставалось еще около трехсот патронов. — А ведь скольких уродов я мог бы еще положить».

46

Когда начался обстрел из пулемета, Шамиль подумал, что это кто-то из его людей оплошал. Но когда стали падать рядом стоящие товарищи, он понял, что это не так. Он всегда не любил подобные вылазки за скальпами, но традиции надо было поддерживать.

— Аслан, где ты там застрял? — спросил Шамиль снайпера по внутренней связи. — Уснул, что ли? Не видишь, какой здесь бардак?

— Я его не вижу, — ответил снайпер. — Его стволы деревьев закрывают.

— Ну так смени позицию!

— Именно это я сейчас и пытаюсь сделать.

Снайпер действительно делал перебежку, спускаясь вниз по склону. Пулеметчика закрывало то дерево, то высокий борт грузовика или непроницаемый черный дым горевшего

танка, столбом поднимавшийся вертикально вверх. Но вот Аслан спустился на необходимый уровень и залег так, что между ним и стрелком не было никаких препятствий. Разве что пулеметчик так вертелся на своем месте, что поймать его точно в прицел было довольно трудно. Аслан все же прицелился, взяв на опережение, предугадывая следующее движение жертвы, и нажал на спуск.

Пуля ушла по касательной, отраженная бронежилетом: из-за очередного непредсказуемого рывка пулеметчика, согнувшегося, чтобы уйти от автоматной очереди. Тогда Аслан решил стрелять в голову. Выстрел был точным, но жертва дернулась, продолжая стрелять. Снайпер никогда не имел дело с такой подвижной целью. Сделать третий выстрел ему помешал солдат, засевший под колесами машины: тот засек огневую точку снайпера и стал ее подавлять из своего «корса».

Пули ложились рядом, хотя не слишком точно. Но, несмотря на невысокую плотность стрельбы, снайпер попросил поддержки:

— Снимите того придурка, что под седьмой машиной лежит. Он мне мешает.

— Он ему мешает, — передразнил его кто-то. — Ладно, жди.

Спустя пару секунд рядом с обозначенной машиной взорвались две гранаты из подствольника, и назойливый стрелок, заметивший снайпера, замолчал.

— Спасибо.

— Да не за что.

Аслан снова приник к окуляру винтовки, но пулеметчик замолчал и безвольно обвис.

— Хороший выстрел.

— Спасибо, — невнятно поблагодарил Аслан, хотя не стрелял. А теперь стрелять было бесполезно, иначе его могли посчитать за непрофессионала, если бы он всадил в мертвеца еще одну пулю из снайперки, а это самое плохое, что могло произойти в его профессии. Оставалось только наблюдать за действиями остальных и контролировать ситуацию, насколько это возможно.

— Забирайте с собой всех, кто может идти сам, — приказал Шамиль своим бойцам. — Остальных в расход. У нас мало времени, через минуту здесь будут вертолеты.

Боевики только этого и ждали. Они быстро стали обегать недавнее поле боя, возбужденно крича. Пинали лежащих солдат и, если тот шевелился, пробовали поднять на ноги за шкуру; если этого сделать по каким-то причинам не удавалось, добивали их ножами или стреляли из пистолета.

— О, смотри какой здоровяк!

— Из такого получится сильный раб.

— Или гладиатор.

Боевики продолжали дальше обсуждать достоинства и недостатки захваченных пленников.

— Командир, вот он, тот гад, который нас чуть всех в лапшу не покрошил! Он еще живой, снайпер сплеховал, только зацепил.

Шамиль узнал этого солдата: однажды он приходил в его дом во время зачистки.

— Вставай, неверный! — Боец потряс солдата за плечо. — Он дохляк.

Боевик вынул нож и потянулся к горлу, но Шамиль остановил его.

— погоди, Гадж...

— Чего ждать-то? Он не сможет передвигаться самостоятельно. Ты же сам говорил, что тех, кто...

— Я помню, что я говорил! Вытащи его.

— Нам его что, на руках нести?

— Вон тому здоровяку дадим, он понесет.

— И правда. Эй ты, дубина, иди сюда и побыстрее! Вытаскивай его, понесешь с собой.

— Все уходим! — крикнул Шамиль своим людям. — И рассредоточиться.

Те прекратили проверять солдат, взвалили погибших товарищей на живых пленников, чтобы те несли их, и стали уходить в лес по два, по три человека; каждая группка вела с

собой по пленнику.

На земле остались только наемники, прилетевшие сюда с далеких миров повоевать ради денег.

Вертолеты появились довольно быстро. Первыми появились «шмели», они кружили над полем боя, а потом стали делать более широкие круги в надежде засечь ухидивших в горы боевиков. За ними пришли «беркуты» и буквально с ходу открыли огонь комплексами неуправляемых ракет по квадратам, координаты которых были получены со «шмелей».

Шамиль слышал в наушнике проклятия погибавших групп и треск автоматов, которыми убивали сначала пленников, а потом пытались достать вертолеты, принесшие смерть их хозяевам. Впрочем, неудачливых групп было не так уж и много, после переключки выяснилось, что от вертолетов погибли всего семь человек, не считая пленных. Остальным удалось уйти относительно благополучно. Густые кроны деревьев приняли на себя основную поражающую мощь ракет.

Только к вечеру все группы собрались в заранее определенном месте, и тогда стали известны точные потери при налете.

— Да, Первый нас не похвалит... — горестно сказал один из боевиков. — Пятьдесят шесть человек — это тебе не шутки.

— И все из-за этого гада! Зачем его только с собой взяли? Пристрелили бы, и все дела.

— Командиру виднее.

— Что, заговоры плетете? — спросил тихо подошедший Шамиль.

— Никак нет.

— Ну на нет и суда нет, — легко согласился Баджиев. — Через пять минут выдвигаемся.

47

Миха очнулся сразу. Это было для него уже привычным делом после удара Кудряшки Сью по голове. Он также вспомнил все, что с ним произошло. Одно только было непонятным — почему он все еще жив. Если его не убили свои, то почему не прибили бородачи?

Кемпл чувствовал, что лежит на каком-то настиле, головой вверх, а ноги почти волочатся по земле. Кругом простирался лес, почти что джунгли, кроны густы, а высокая влажность проникала повсюду. «Значит, мы сейчас на самом нижнем ярусе этой чертовой планеты», — подумал Миха.

— Эй... — тихо позвал Миха того, кто его нес.

— Здорово, Кот.

— Медведь?

— Это я.

— Что происходит?

— Нас взяли в плен.

— И куда теперь?

— Ведут на свою базу. Будут за нас выкуп требовать, обменяют или просто в рабство отправят. Или еще чего похуже...

— Скорее второе. Ну кто за нас будет платить выкуп?!

— Согласен.

— Сколько наших?

— Здесь десять человек, включая нас.

— Что с Барбосом и что вообще произошло?

— Капрала я не видел с начала нападения, а произошла самая поганая вещь, которая вообще могла произойти. И все из-за нашего раздолбайства... да что теперь говорить...

Миха понятливо кивнул.

— Знаешь, меня еще один вопрос интересует: почему меня не добили? Я ведь большая

обуза.

— Мне тоже интересно. Все из-за ихнего командира, он приказал мне тебя взять с собой, хотя они добивали и более здоровых.

— Наверное, хотят убить особо извращенным способом, — попытался пошутить Миха. — Я ведь им весь праздник испортил.

— Не удивлюсь, если все обстоит именно так. У них ведь потери были плевыми, но только до тех пор, пока ты не засел за пулемет.

— А скольких я настрелял?

— Человек сорок, не считая своих. А своих, — сказал Медведь, предугадывая вопрос Кемпла, — двадцать — двадцать пять будет.

— Надо же... У меня не было выбора.

— Я знаю.

— Ладно, стой.

Медведь остановился, и Миха попытался встать с импровизированных носилок.

— Почему встали?! — спросил подбежавший боевик. — Не было такой команды.

— Я сам пойду.

— Живее давай.

Когда Миха встал, то обнаружил, что бронежилета на нем нет; впрочем, их ни у кого не было, а голову давила тугая повязка, пропитанная кровью. Медведь протянул фляжку, и Кемпл, отпив воды, почувствовал себя значительно лучше. Поблагодарив кивком головы, Миха спросил:

— Долго ты меня так тащил?

— Второй день уже.

— Ну ты силен. Удивительно, что тебя вообще в плен взяли.

— Меня двумя взрывами оглушило, и такого вот дезориентированного из-под машины вытащили.

— Понятно.

— Не разговаривать! — приказал тот же бородач.

Медведь поддерживал ослабленного Кемпла всю дорогу. К вечеру отряд добрался до какого-то временного лагеря. А утром, так ни разу и не покормив пленников, снова отправились в путь, но теперь верхом на каких-то животных. Пленников посадили на этих животных по двое, и передвижение стало куда более резвым.

Миха попросил Медведя показать ему своего благодетеля, но тот его так и не нашел.

— Наверное, вперед ушел.

— Наверное.

— Всем слезть с животных! — раздалась команда бородача, третья за этот день. — Встать под деревья!

Все, как и было приказано, слезли с загиатов и прижались к ближайшему стволу, вскоре где-то вдалеке застрекотал вертолет. Этот был совсем далеко. Вертолеты время от времени пролетали рядом с группой, но ни один из них по всей видимости, так и не засек ее, иначе здесь уже давно появился бы «беркут», и его экипажу было бы безразлично, что вместе с бандитами идут пленные солдаты, разнесли бы все в пух и прах.

По этому поводу Миха испытывал двойственные ощущения. С одной стороны, ему хотелось, чтобы их обнаружили, и боевиков раскидали ракеты, и у него с остальными появился бы шанс бежать. С другой стороны, этого не хотелось, поскольку ракеты не выбирали себе цели, а били по всем подряд.

Потому Кемпл послушно принял к стволу многовекового дерева, видевшего этот мир, когда сюда еще не прилетели люди, — в надежде, что все обойдется и у него еще появится шанс сбежать из плена.

Вертолет улетел, и отряд снова пошел вперед, понемногу начиная подниматься по склону. Это означало, что цель путешествия близка.

Шамиль Баджиев впервые вживую видел Первого, до этого он знал его по фотографиям или по видеороликам. Как и ожидалось, на фотографиях его несколько идеализировали. В жизни же он был несколько осунувшимся человеком лет шестидесяти.

Шамиль прибыл в лагерь на день раньше своей группы для скорейшего доклада. Первому нельзя было надолго оставаться на одном месте. Северники вели постоянную охоту на руководство повстанцев. «Берсерки» бороздили просторы планеты малыми группами в надежде напасть на след одного из них, но пока им этого не удавалось. Они обходились малым, уничтожая караваны с оружием или наводя авиацию на подобные лагеря. Потому приходилось быть настороже.

— Вы провели хорошую операцию.

— Спасибо, уважаемый.

— Вам удалось даже больше, чем мы рассчитывали. Наши враги теперь не смогут пользоваться нашими благами, нашими драгоценными ресурсами, которые должны принадлежать только народу бачченгов.

Шамиль знал, о чем говорил Первый. Взрывы, которые устроили смертники, спустившись в шахту, нарушили внутреннюю структуру подземелий. И теперь добыча полезных ископаемых там стала невозможна в принципе. Шамиль хотел сказать, что и они не смогут добывать синюю соль, но благоразумно промолчал.

— Так, уничтожая одну выработку за другой, мы выгоним врагов с нашей земли.

— Спасибо, уважаемый, но должен сказать, что я оплошал на второй стадии операции.

— Я понимаю, не все можно предусмотреть. Видимо, не нужно требовать от бога слишком многого. Нам повезло в первый раз, и мы подумали, что будет везти все время, в этом была и моя ошибка. У тебя есть уточненные данные о потерях?

— Да, уважаемый. Шестьдесят четыре человека убитыми.

— А что у северников?

— Достоверно известно о ста пятидесяти погибших. Еще десятерых мы захватили в плен. Среди них тот, кому мы обязаны таким количеством жертв. Я приказал взять его с собой, несмотря на его плачевное состояние.

— Это правильно. Его должна настигнуть справедливая кара. Чтобы все видели, что никто не уходит от возмездия.

— Я так и подумал, уважаемый.

— Я обязательно отмечу тебя в своем отчете нашему верховному имею как опытного и надежного командира, истинного воина Всевышнего.

И скажу по секрету, что через пару лет с такими характеристиками и отзывами ты сможешь стать моей правой рукой в борьбе с неверными.

— Спасибо, уважаемый, это большая честь для меня, о которой я и не смел даже мечтать.

— Ну что ты. Как говорят у северников: какой солдат не мечтает быть генералом? — Бин Лашен встал и, направляясь к своим апартаментам, сказал: — Потом покажешь мне того северника, который устроил вам переполох, я сам придумаю для него смерть. Я решил немного задержаться.

— Конечно, уважаемый.

Ночь прошла спокойно, и под утро прибыл оставленный Шамилем отряд с пленниками. Пленных солдат разместили в глубокой расщелине, из которой было проблематично выбраться без посторонней помощи. Пол ямы накрывал хлипкий веточный шалаш, не уберегавший от дождя, но спасавший от солнца.

— Уважаемый, — позвал Шамиль, войдя в палатку Бин Лашена.

— Что случилось?

— Вы просили показать вам пленников.

— Да, я помню. Что ж, пойдём смотреть.

Утром пленников привели в лагерь боевиков. От любопытных взглядов его надежно закрывал массивный козырек скалистой горы и густые кроны деревьев.

— Поаккуратней! — возмущенно выкрикнул один из солдат, когда их сбрасывали в яму.

— Адвоката позови, — предложил один из боевиков, и под смех своих товарищей продолжил: — Пусть он мне нотацию прочитает о правах человека.

— Сволочи...

Боевик ничего не сказал, вместо этого прибежали детишки с камнями в руках и стали кидать их в пленников.

— А ну, пошли отсюда, маленькие ублюдки! — выкрикнул Медведь. — А то вылезу и всех передую!

Видимо, слова здоровяка подействовали на детей, и они убежали.

— Какие замечательные дети, все в своих родителей, — сказал Миха и добавил: — Такие же поганцы.

Кемпл осмотрел место их заключения. Голые, отвесные скальные стены не позволяли зацепиться даже пальцам, хотя если встать на плечи товарища, то можно было бы зацепиться за край ямы и, подтянувшись, выбраться из нее.

— Даже и не думай об этом, — словно угадав его мысли, сказал боевик-охранник.

— А я и не думаю.

— Вот и не думай.

Миха отвернулся, не желая видеть самодовольную рожу охранника, и сел на землю. Кроме тех, что прибыли с ним, он заметил еще троих солдат в лохмотьях, в которые превратилась их форма.

— Долго вы здесь?

Солдат посмотрел на зарубки в стене и ответил:

— Рядовой Робсон, семьдесят восьмой десантный. Около шести месяцев, ефрейтор.

— Как все было?

— Стояли в засаде и в итоге сами в засаду попали.

— Знакомо. Что им нужно вообще?..

— А хрен их знает. Вкалываем тут, выполняем черную работу. Иногда кого-то забирают, и он, как правило, больше не возвращается, так уже трое исчезли. Говорят, что они устраивают что-то вроде гладиаторских боев между пленниками, а иногда выставляют против бородача.

— Уроды.

— Не то слово.

— Эй, ты!

Медведь тронул Миху за плечо.

— Тебя.

Кемпл поднял голову вверх. Рядом с охранником стояли еще два человека. Одного из них он узнал почти сразу и в порыве мстительности спросил:

— Привет, Шамиль, как сестра?

— Ей гораздо лучше. Она теперь в раю.

— Мне жаль...

Миха чуть повернулся ко второму гостю: жалости он не чувствовал. Тот выглядел смутно знакомым, но Кемпл точно помнил, что никогда его не видел.

— Это он, — сказал Шамиль, обратившись к своему собеседнику.

— Что ж, ты сражался как настоящий мужчина, — сказал старик в белой чалме. — Но ты убил слишком многих, чтобы жить дальше.

Сказав это, они ушли, оставив Кемпла не в самом лучшем настроении. Это был приговор.

Ожидание тянулось долго. Им принесли поесть, просто вывалив еду на землю, как каким-то животным.

— Жрите, неверные собаки, — хохотнул один из боевиков, и его поддержали пришедшие с ним. — Жрите, скоты.

— А вы, значит, верные собаки? — спросил Кемпл, которому уже было все равно.

— Поговори еще, — осклабился в улыбке бородач. — Недолго тебе осталось.

Выбрав лепешку почище, Миха стал ее жевать, но кусок не лез в горло, и пленник оставил это занятие.

— Слушай, Медведь, тебе не показался знакомым тот тип в чалме? А то он мне смутно знаком; так и елозит в башке, где же я его видел?

— Мне он тоже показался знакомым, но вот в связи с чем, не помню. Но, как видно, он здесь не последний человек.

— Ну и ладно, нам теперь уже все равно.

— Точно.

Старого охранника сменили на нового, с ним о чем-то поговорил Шамиль, а потом подошел к пленникам.

— Что нас ждет? — спросил Миха на правах знакомого и старшего по званию.

— Это ведомо только Всевышнему.

— Кончай баранки гнуть, ответь нормально.

— Ничего особенного, — пожал плечами Шамиль, — все будет как обычно. Попытаемся получить за вас выкуп; если же не получится, то попробуем вас обменять.

— Ты сам-то понял, что сказал? Вы убили всех, кого можно было обменять, про выкуп я даже не говорю, это просто смешно. Ну кто станет торговаться с вами за бывших эков?

— Тогда вы повторите их участь. — Шамиль указал на трех пленников в тряпье.

— Служить вам развлечением?

— Они, но не ты.

— Это я уже понял.

— Поверь, мне жаль, что с тобой так поступят. В конце концов, не для этого я тебя спасал.

— Что ж, верю. Так что со мной сделают?

— Этого я сказать не могу.

— А вот теперь не верю.

— Твое право.

— Кто тот, что был рядом с тобой?

— Это я тоже не могу тебе сказать.

— Но ведь мы все умрем. Неужели ты не можешь сказать это уже практически живым мертвецам?

— Нет, не могу.

Говорить было больше не о чем, и Шамиль ушел.

— Я вспомнил этого в чалме, — вдруг сказал рядовой Робсон.

— Да? — удивился Миха. — И кто же он?

— Некий Бин Лашен, более известный миру как Первый.

— Точно! — подтвердил Медведь, стукнув себя по лбу. — Нам же его фотографии показывали и рассказывали, что это один из главарей этих бандитов.

— Нам много чьи фотографии показывали, всех не упомнишь, да мы и не собирались запоминать, — сказал Кемпл, тоже вспомнив бородача. — Тем более что эта информация нам уже ничем не поможет. Вот если был бы маяк...

— Или если бы удалось бежать... — мечтательно протянул Медведь.

— Даже и не пытайтесь, — предупредил Робсон.

— Почему?

— Были такие попытки, и в более благоприятных условиях они ни к чему не приводили. Леса прямо-таки кишат бородачами, да и знают они местность как свои пять пальцев.

— Мда-а...

Миха пересел к другой стене, откуда был виден охранник. «Свалить охранника за шиворот вниз, отобрать оружие, — просчитывал ситуацию Кемпл. — Нет, не получится. Ну перестреляю я еще десяток, но добраться до главаря не удастся. Нас всех нашьпигуют свинцом за две секунды».

Кемпл заметил на себе взгляд охранника, на ухмылку Миха старался не обращать внимания, но так продолжалось довольно долго, и он не выдержал. Особенно его раздражало, что над ним смеется бородач, отмеченный печатью умственной отсталости.

— Че ты лыбишься, урод?! Весело?

— Есть немного, — признался охранник.

— И отчего же тебе так весело?

— Представляю себе, как это все с тобой будет происходить.

— Что происходить?!

— Кот, не психуй, — сказал Медведь, — именно этого он и добивается.

— Как тебя на кусочки резать будут, — продолжал охранник.

— Ах ты, с-сука!

— Масхад! — одернул охранника проходивший мимо Шамиль Баджиев.

— Прости, этого не повторится.

Дальше разговор пошел на их родном языке, но Миха заметил, что охранник немного раболепствует перед своим командиром и в то же время держится уверенно для низшего боевика, кем, собственно, он и являлся. Хороший боевик ценится, и его не поставят охранять пленников.

— Что, Шамиль, твой родственник? — спросил Миха, когда разговор подошел к концу.

— Дальний, — просто ответил Баджиев и ушел.

У Михи в голове крутилась мысль, но он ее никак не мог оформить в стройную логическую цепь. Да тут еще опять детишки мешать начали, камни кидать. Только когда один из них решил помочиться, охранник их отогнал.

— Спасибо, Масхад.

— Пожалуйста.

— Значит, Шамиль — твой родственник?

— Угу...

Возившиеся в яме солдаты притихли, понимая, что Миха ведет какую-то свою игру, и старались не мешать.

— Близкий, дальний?

— Тебе-то какое дело?

— Неужели не можешь с приговоренным немного поболтать, скрасить его последние минуты жизни?

— Могу... По одной линии родства мы дальние родственники, а по другой — близкие.

— Это как так? — искренне удивился Миха.

— Мой брат был мужем его сестры, но его убили вы — северники.

— Мне жаль.

— Не свисти.

— Ну не твоего брата, а его сестру.

И тут мысль оформилась окончательно. Когда охранник отвлекся, Миха взял уголек и быстро написал на стене: «Кто-нибудь знает наши координаты?»

Один солдат едва заметно поднял руку. Миха жестами попросил написать их на стене, что солдат быстро сделал, начертив строчку из цифр и букв. Кемпл одними губами прошептал: «Отлично!», подумав при этом о том, как он сможет незаметно воспроизвести шифр. Прочитать будет невозможно, но решил оставить решение на потом.

— Масхад, — снова позвал Миха охранника.
 — Чего?
 — Ты знаешь, что я спас жену твоего брата от насильника?
 — Я знал, что нечто подобное имело место, но кто именно это был, не знал.
 — Так вот это я.
 — Это ничего не меняет, ведь ее убили вы. Я не могу тебя отпустить.
 — Я не виноват в том, что ее убили, и не прошу меня отпустить.
 — Тогда чего ты хочешь? Ведь ты же чего-то хочешь?
 — Хочу, — признался Миха. — Окажи мне одну услугу.
 — Какую?
 — Разреши мне позвонить домой. Попрощаюсь с родными. Ведь это не такая уж большая просьба.
 — Не могу, нужно спросить Шамиля.
 — Зачем? У меня папа, мама, они старенькие. У тебя же есть родители? Вот, — продолжил Миха после того, как Масхад кивнул головой. — Неужели ты не хотел бы с ними попрощаться? Зачем об этом знать Шамилю? Представь, что ты попал в плен, а тебе не дают попрощаться с родными, — продолжал давить Миха. — Всего-то пять минут.
 — Я не могу оставить свой пост.
 — Вон там вроде мальчик бежит, попроси его принести телефон.
 — Ладно, — произнес Масхад после долгих раздумий. И, позвав пацана, что-то ему сказал.

50

Пока мальчик бегал за телефоном, Миха Кемпл соображал под напряженными взглядами своих товарищей, куда ему позвонить. Каждый раз уровень звонка поднимался все выше, от батальонного командования до регионального штаба. Но эти адреса он отметал один за другим как несостоятельные. Все эти высокие чины сработают слишком медленно. Они заподозрят его во лжи и дезинформации, а если и нет, то будут слишком долго проверять полученную наводку, прежде чем предпримут какие-то действия.

«Кому же позвонить? Ну почему не было предусмотрено такое развитие событий? — в бессилии думал Миха. — А позвоню-ка я своему знакомому, как там его зовут, этого долбаного артиллериста? Джо... точно, Джо Милкин. Нет, Джо Малкович, точно, Джо Малкович! Лишь бы он на своем боевом посту оказался».

Решение о месте звонка было принято, осталось только вспомнить номер артиллериста. Кемпл видел его всего пару раз, да и давно. Миха даже зажмурился от напряжения, пытаясь вспомнить циферки. Он уже слышал топот приближающегося мальчика, а в памяти всплыла только половина номера.

— Вот телефон, неверный, — сказал Масхад, протягивая трубку. — Но я буду держать трубку во время разговора; если что, сам понимаешь...

— Ладно, пусть так, — согласился Миха. — Дай трубку, номер наберу.

Миха встал на плечи Медведя и, подтянувшись, уселся на краешек за шалашом, чтобы его не увидели посторонние. Взяв трубку, стал набирать номер, внутренне напрягшись: вторую половину номера он так и не вспомнил. Но когда он нажал последнюю цифру, сама собой всплыла оставшаяся часть номера, и Миха поспешно набрал оставшуюся часть комбинации.

От гудков в трубке, казалось, вибрировали мозги. «Лишь бы на месте и не занят», — уже в который раз подумал Миха.

— Алло! Алло! — чуть ли не закричал Миха, услышав в трубке шорох, а потом лаконичное: «Слушаю».

— Здравствуй, мама! Это я, Миха! Ты что, забыла своего сына, Миху Кемпла?

Масхад подозрительно посмотрел на пленника. Миха, слегка прижав трубку, но так,

чтобы там слышали, сказал:

— У моей мамы иногда плохо с памятью... Женщина старая, у нее склероз развился, после того как ее один десантник по голове ударил, спутав со своей бывшей подругой...

— Бывает, — пробубнил Масхад и теперь смотрел уже не так подозрительно. Его мать тоже страдала схожим недугом.

— Ну что, узнала? — продолжил Миха разговор с псевдомамой. — Ну вот!.. Именно!

Миха отчаянно соображал, как ему передать шифр координат местности. Несмотря на дебилность охранника, он все же достаточно быстро заподозрит неладное и отберет трубку. Но вот пришла идея, и, за неимением лучшей, Миха решил ее осуществить.

— Слушай, мама, ты не могла бы мне отправить посылку? Есть такие сигары продолговатые с острым концом, стального цвета, они еще в специальном масле хранятся, называются: «Укус барракуды». Что значит не можешь? А если я скажу, что у нас Первый?

Масхад встрепнулся, услышав позывной Бин Лашена, но Миха поспешил его успокоить, сказав в трубку, сделав ударение на последнем слове, чтобы не запутать артиллериста:

— То есть я хотел сказать: сто Первый. Да! Теперь можешь? Ну вот и отлично, а то у нас таких не продают, а очень хочется, и если можно, то побольше, чтоб всем хватило по за глаза.

Миха немного отодвинулся, чтобы получше разглядеть написанный солдатом шифр. «Надеюсь, он не ошибся. Будет обидно, если посылку отправят куда-нибудь на сто километров в сторону, а нам ни одного не перепадет», — подумал он.

Масхад стал раздражительно елозить, все-таки сомнения не оставляли его.

— Еще минутку! Мам, как там сосед из тридцать пятой? Да, Камин, да, тридцать пять. Хорошо, что хорошо! А Альфа Петровна, которой восемьдесят два года, еще жива? У нее еще двенадцатилетний внук Минуткин. Ну и отлично! У меня все хорошо. Командир — настоящий мужик. Как зовут? Бетин Петрович, сорок три года. Дочка у него есть, двадцать лет ей. Да, двадцать. Красивая... пытаюсь клинья подбить. Ну пока, а то не только мне звонить надо. Все, пока, жду посылок и как можно быстрее.

— Какой-то разговор у тебя непонятный был, — сказал Масхад. — Крайне непонятный. К тому же ты не попрощался.

— У нас разные культуры, и потому для тебя этот разговор крайне непонятен. А что насчет прощания, так я попрощался. Просто когда матери принесут телеграмму, что ее сын героически погиб, там будет дата, и она вспомнит, что буквально накануне я ей звонил, и она поймет, что это был прощальный звонок. У нас не принято все говорить открытым текстом. Такая вот странная культура у нас...

— Если вспомнит.

— Что? А, ну да, если вспомнит.

— Зачем ты просил сигары, ведь ты же не куришь? От тебя не пахнет табаком.

— Ну это... за такие сигары можно многое было получить.

— В смысле?

— Обменяться.

Миха слез обратно в яму. Его всего трясло от пережитого волнения. Оставалось только дожидаться посылок.

В сторонке лежал солдат без сознания.

— А с этим что? Голову напекло?

— Вроде того, — подтвердил Медведь. — Он один из первых догадался, что ты затеял и, видимо, был не согласен. Нам пришлось его слегка успокоить.

— Понятно. Что ж, ждем посылку.

— Извините, господа, звонок, — сказал Джо, вытаскивая телефон. Изображение отсутствовало, что, в общем-то, было неудивительно. — Слушаю. Извините, но вы ошиблись номером.

Но собеседник не отступал и назвал свое имя, продолжая нести какую-то галиматью про маму. «Миха Кемпл, — стал вспоминать Джо. — Где-то я уже слышал это имя, уж больно оно знакомое».

Окончательно Малкович вспомнил его, когда пошел едва слышный рассказ про склероз от удара десантника, спутавшего свою подругу. «Ну конечно! — про себя воскликнул Джо. — Тот ефрейтор из бара на станции. Тогда еще драка была с десанниками!»

— Я узнал тебя, ефрейтор. У тебя что, проблемы? И, как я понял, очень большие. — Пришло подтверждение, и Джо спросил: — Чем я могу тебе помочь? Отправить посылку? Ну могу, а что за посылка? Сигары, продолговатые, с острым концом? Укус барракуды? Никогда о таких не... Ты хочешь, чтобы я произвел залп?! — наконец догадался Джо, вспомнив название своего крейсера. — Но я не могу!

От такого предложения Малкович даже вспотел и, не удержавшись на ногах, сел на стул.

— Это же подсудное дело! Какой еще первый? Сто первый? Первый. Ты имеешь в виду Бин Лашена? Он у вас?!

От утвердительного ответа у Джо затряслась рука. Террорист был где-то рядом. По крайней мере, этому пехотинцу известно, где он. А это многое меняло. По сути, пехотинец вызывал огонь на себя; это что-то да значило.

— Я могу отправить посылку. Ты знаешь свои координаты? Сосед из тридцать пятой? — не понял Джо, но потом, вспомнив, что солдат не может говорить открыто, переспросил: — Ты имеешь в виду квадрат тридцать пять? Хорошо. Давай дальше. Альфа восемьдесят два, минутки? А, понял! Двенадцать минут! Дальше! Бета сорок три, двадцать минут. Все понял. Постараюсь! — пообещал Джо.

Телефон отключился, а Малкович продолжал сидеть на стуле, размышляя, как поступить. Джо уже понял, что позвонивший ему солдат был в плену и где-то рядом с ним находится Первый. Знаменитый террорист. «Хотя, вполне возможно, что он приплел Бин Лашена только для того, чтобы придать своим словам больший вес, — размышлял Джо. — И чтобы я выполнил его просьбу. С другой стороны, то, что он сказал, особенно в свете последних событий, может оказаться правдой, и тогда меня не только не посадят, но даже дадут премию!»

По инструкции Джо должен был обратиться к высшему начальству, чтобы те решили, как действовать дальше. Но Малкович не стал этого делать. «Слишком долго будут согласовывать все действия, и цель уйдет», — подумал Джо.

По роду своей не всегда законной деятельности он выучил все статьи устава, и одна гласила, что младший командный состав в чрезвычайных и не терпящих отлагательств случаях может принимать решения самостоятельно. «Вот он, такой случай, как раз для меня», — подумал Джо и бросился со всех ног на свой пост.

Правда, Малкович также знал, что статья эта была из разряда неработающих или, как еще такие называли, — мертвых. Статья есть, но ее как бы и нет. Не было прецедентов ее применения, особенно на космическом флоте. «Значит, я буду первым», — подумал Джо, и слово «первый» только подстегнуло. Он летел к себе, едва успевая отдавать честь старшим офицерам.

Малкович ворвался на свой пост и заорал:

— Боевая тревога!!!

— Что случилось, Джо, шутишь, что ли? — спросил лениво слезший с койки сержант. — Боевых тревог вот уже лет сто не было.

— Оглох?! Я ведь не шучу! Обленились вы у меня, сволочи, быстро за пульта! — приказал Джо и вставил в приемную щель запуска системы свою индивидуальную карточку-ключ.

Только после этих слов, а больше того, действий своего командира, оперативный состав бросился к своим боевым местам. Заработали на полную мощность блоки управления, находившиеся до этого в «спячке». Включилась система наведения, вспыхнули экраны мониторов.

— Внимание, цель: квадрат тридцать пять.

Оператор ввел данные, и на экране-карте планеты вспыхнул желтым цветом квадратик. Он перенесся на малые мониторы, где его отформатировали частой координатной сеткой.

— Альфа восемьдесят два, двенадцать. Бета сорок три, двадцать.

— Готово, — доложил сержант.

Осталось выбрать заряды из многочисленного арсенала, и Джо выбрал самые простые и не слишком мощные.

— Заряжай.

— Есть, сэр.

Оператор зарядил орудия, и все почувствовали легкое дрожание корпуса от приведенных в действие подающих устройств. Спустя еще какое-то время вибрация усилилась: разворачивались на нужный угол орудия третьего поста.

— Цель захвачена.

— Огонь!

Грянул залп из десяти стволов. Крейсер сотрясло от сильной отдачи, по его корпусу пробежала заметная дрожь.

— Повторить!

— Есть, сэр.

Полуминутное ожидание сменилось новым залпом. Всего третий пост успел произвести пять залпов, а потом в помещения ворвалась бригада военных полицейских и скрутила артиллеристов.

Через пять минут на пост вошел адмирал, весь облитый какой-то жидкостью. Одним словом, на мундире можно было ставить большой жирный крест, отчего адмирал находился не в лучшем расположении духа, ведь форму купил только вчера. По сравнению с этим даже несанкционированные залпы отодвинулись на второй план.

— Что происходит? — наконец спросил адмирал Гордон. — Кто и по какому праву стрелял?

— Лейтенант Малкович, сэр. Командир третьего арт-поста, — ответил Джо, попытавшись выпрямиться, но было это не просто: полицейские крепко держали его.

— У нас что, учения или какой-то праздник? Но тогда я не вижу праздничного салюта за бортом.

— Никак нет, сэр! Залп был произведен по лагерю боевиков, координаты которого были получены мною на основании данных...

— Ты что себе позволяешь, мерзавец?! — орал адмирал. — Или считаешь нас полными кретинами? Все данные должны проходить через меня! Я же тебя за самоуправство на гауптвахте сгною, гаденыш.

— Сэр, в соответствии со статьей четыреста семнадцать Кодекса, — начал Джо, показав глазами на стеллаж с технической литературой. — Я вправе принять решение о самостоятельном...

— Дайте сюда этот Кодекс. — Адмирал нетерпеливо дернул рукой.

Майор-адъютант схватил со стеллажа тоненькую книжечку, быстро перелистав ее, открыл на нужной странице и передал адмиралу.

— Какова была причина? — спросил адмирал, прочитав статью.

— Возможное нахождение на базе Первого и его скорый уход...

— Бин Лашена?

— Так точно!

— Ну это другое дело, — пожевав губами, произнес адмирал Гордон.

— Каковы результаты обстрела?

— Еще не смотрели, сэр.
— Ладно. — Адмирал повернулся к адъютанту. — Юсеф, распорядись, чтобы посмотрели, что там натворили мои орлы.
— Есть, сэр.
Майор отошел в сторонку и что-то забурчал в рацию. Через две минуты ближайший спутник-шпион вышел на нужную орбиту и передал снимки на крейсер.
— Да-а... картина, прямо скажем, крайне неприглядная, — протянул адмирал.
Место на снимках больше походило на лунный пейзаж с кратерами, чем на лесистую местность.

52

Лейтенант Джереми, командир группы «берсерков», третий месяц безвылазно бродил по горам, прочесывая свой район вдоль и поперек. За все это время ему на пути попался только один не слишком большой караван с оружием, который они одной тихой ночью ликвидировали без единого выстрела, обойдясь только ножами, а потом закопали, «чтоб не пахло». Было это еще в самом начале дежурства, а потому долгое «брожение» без работы сильно действовало на нервы. И он уже готов был дать приказ о возвращении на базу, как пришла шифровка, что где-то рядом находится Первый.

— Что думаешь, Ник? — спросил лейтенант своего сержанта Борисова.
— Не знаю, Крэг. Слишком легко. То годами от него ни слуху ни духу, и вот на тебе — Первый где-то рядом. Подозрительно это.
— Вот и я о том же... — Лейтенант недовольно сплюнул и носком ботинка втоптал плевок в землю, присыпав сверху.
— Что будем делать?
— А что нам остается? Искать.

С того разговора прошла неделя. Группа разделилась на три для более тщательного поиска и вот спустя неделю по приказу лейтенанта собралась вновь.

— Везет вам, лейтенант, — сказал сержант, присаживаясь рядом с командиром. Его группа из трех человек пришла позже всех.
— Я командир, мне должно везти.
— Вы нашли Первого?
— Еще нет. Но я нашел одну базу бородачей. Нутром чую, что он там.
— А если поподробнее?
— Не знаю, просто чувствую, и все тут. Сержант не настаивал. За долгие годы службы он научился доверять интуиции, как своей, так и чужой. Поскольку пережил многих «атеистов», чтобы просто так отмахиваться от чувств.

— Где эта база?
Лейтенант расстелил на своем колене небольшую карту и показал.
— На той стороне перевала. Отлично замаскирована; я ее, можно сказать, по чистой случайности нашел. Какой-то неряха оставил на тропе окурков. База может укрывать до двухсот человек. Сейчас там около ста пятидесяти, есть женщины и дети.

Ник кивнул. Бородачей иногда сопровождали их боевые подруги, хотя понять этого никак не мог.

— Завтра, — подытожил лейтенант Джереми, — идем их наблюдать. Так что отдыхайте, потому что, возможно, придется их брать; точнее, одного брать, остальных отправлять к праотцам.
— Ясно.

Подошел радист, и лейтенант жестом задержал Ника. Радист по кличке Ухо был солдатом необщительным и просто так, «за сигаретами», не приходил, у него на все была веская причина.

— Что у тебя, Ухо?

— Атаковали центральную базу. — В качестве подтверждения радист протянул наушник, из которого через треск помех доносились истошные просьбы о помощи, потом взрыв — и все затихло.

Радист покрутил настройки радиации, работающей в пассивном режиме приема, чтобы специалисты бородачей их не засекали, и динамики снова ожили. Только теперь из них лилась гортанная незнакомая речь. Впрочем, перевод не требовался, в голосе явственно чувствовались командирские нотки и не менее бодрые в докладах об исполнении приказов, сквозь все тот же треск автоматов.

Каждый «берсерк» с грехом пополам мог допросить пленного, и некоторые слова были даже знакомы, и ничего хорошего они не означали.

— Спасибо, Ухо, — поблагодарил лейтенант и, после того как радист ушел, сказал: — Отдых отменяется, все немедленно сюда.

Лейтенант ткнул пальцем в неубранную карту, в то же место, куда он показывал всего пару минут назад.

— Потом отдохнем.

— Что ж, нам не привыкать, — согласился сержант и, легко поднявшись, приказал: — Отделение, готовсь к марш-броску. Время на сборы — минута.

Солдаты быстро собрались, не оставив ничего, что напоминало бы о пребывании здесь человека. Все следы, что еще остались, исчезнут через час, природа позаботится об этом. Примятая трава встанет, а нечаянно сломанные веточки продолжат свой рост. Одно слово — джунгли.

Группа перебралась через перевал и оказалась в каком-то километре от базы сепаратистов. Та жила своей жизнью. Только на следующий день в размеренный распорядок вошло некоторое оживление: как в стане боевиков, так и в лесу.

Сержант приник к стволу дерева, слившись с ним. Рядом, буквально в двадцати шагах, шел патруль бородачей. Они шли тихо, не переговариваясь, внимательно вглядываясь в окружающий лес, но сержанта Борисова так и не заметили. Ник спокойно мог разделаться с этим патрулем, но делать этого не стал. Просто осознание того, что мог, согрело его изнутри.

Когда дозор отошел достаточно далеко, Ник подполз к лейтенанту.

— Что-то они зашевелились, второй патруль за час.

— Первый близко, вот и проверяют.

— Похоже на правду.

Слова лейтенанта приобрели еще больший вес, когда в лагерь прибыли два десятка боевиков. Они двигались иначе, чем обычные сепаратисты, и действия их были донельзя странными. Вновь прибывшие словно обыскивали базу. Видимо, все находилось под контролем, поскольку под вечер пришла еще одна группа, такая же многочисленная, и все ее члены оберегали одного-единственного человека.

— Первый! — свистящим шепотом произнес лейтенант Джереми.

— Похож, — подтвердил Ник. — Будем брать?

— Пока нет. Подождем немного. Посмотрим. Сержант знал, чего добивался лейтенант. Он ждал, пока боевики успокоятся, обвыкнут и перестанут видеть за каждым кустом врага.

Снова пришел радист и доложил, что на одну из колонн, проводящих зачистку, совершено нападение. Потери составили восемьдесят процентов.

«Одной колонной больше, одной меньше, — рассеянно подумал лейтенант. — Какая разница?» Он не чувствовал жалости к убитым солдатам. Смерть была повсюду, сегодня здесь, завтра там. «Они знали, на что шли, подписывая контракт, — снова подумал Крэг. — А если не знали, то это их проблемы».

Прошел еще один день. Сержант не понимал, почему командир медлит и не отдает приказ о штурме. Несмотря на такое количество боевиков на базе, они могли это сделать. Но сержант с вопросами не лез. В конце концов, он был только сержантом и вперед батьки в пекло лезть не собирался.

Еще через день привели пленных.

— Солдаты из разбитой колонны, — сказал сержант. — Не повезло ребятам.
— Скорее всего.
Наблюдения продолжились. Одному солдату удалось выпросить телефон.
— Ухо, ко мне! Прибежал позванный радист.
— Что он говорит? — спросил Крэг. Ему вдруг стало интересно, куда и зачем звонит солдат.
— Сейчас узнаем, — сказал радист и принялся настраивать свою рацию. — Матери звонит.
— Ну-ка, дай... — лейтенант взял наушник. — Действительно. «Укус барракуды»... никогда о таких сигарах не слышал, нужно будет попробовать. А почему мы не слышим его мать?
— Не знаю, линия закрыта. Мы можем слышать только его. Но если постараться, я могу сделать, так что мы будем слышать и ее.
— Нет, не нужно. Можешь идти.
— Есть, сэр.
— Что теперь? — спросил Ник.
— Ждем дальше.
— О, кажется, солдата на казнь повели.
— Это не наше дело. Захват Первого будем проводить ночью.
— Есть, сэр, — облегченно выдохнул сержант Борисов. Эта тягомотина его порядком достала, а теперь все наконец встало на свои места.

53

Не прошло и трех минут после телефонного разговора, как рядом с ямой послышались чьи-то тяжелые шаги. С края вниз на пленников посыпался песок и мелкие камешки.
— Ну что, неверный, отпрыгался? — скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес какой-то боевик и засмеялся. — Вылезай!
«Вот суки! Не могли еще немного подождать!» — ругнулся про себя Миха Кемпл.
— Лестницу давай, я тебе не таракан, чтобы по отвесным стенам ползать.
— Ха! — бородач засмеялся: похоже, это сравнение его рассмешило. — Пускай тебе твои товарищи помогут. Они ведь тебе товарищи? Давай быстрее! — уже раздраженно выкрикнул боевик.
Миха оглянулся. Медведь медленно поднялся на немой призыв.
— Давай подсажу.
Миха выбрался при помощи своего приятеля. Бородач толкнул Кемпла в пыль.
— Живее давай!
— Что ты так торопишься? В сортир надо?
Вместо ответа Кемпл получил прикладом в спину и снова чуть не упал. Он всячески тормозил движение, дурацкими вопросами выводя из себя боевика. В итоге, пока Миха добирался до места казни, падал раз десять и тяжело поднимался, таким вот нехитрым способом растягивая время. «Ну когда же будет обстрел?! — уже с отчаянием думал Миха. — Или, быть может, он трусил в последний момент?»
— А вот и наш герой! — весело выкрикнул один из боевиков.
Кемпла привязали к столбу на небольшом возвышении. Вязал тот бородач, что вел пленника, а потому делал это особенно грубо. За то, что Миха вспомнил всех его родственников до седьмого колена не в самых лучших выражениях. За что, собственно, поплатился легким сотрясением мозга и отбитой почкой. Отчего штаны его находились не в лучшем виде.
— Только что наш герой описался? — продолжал измываться боевик. — Страшно стало? Это правильно, сейчас тебе будет по-настоящему страшно, никакой мочи не хватит!
Все засмеялись. Все, кроме боевиков, сидевших напротив Кемпла с серьезными

лицами. Миха заметил, что в центре тот самый бородач, что приходил к яме смотреть на него. Первый небрежно махнул рукой, и боевик, отпуская шуточные шутки, мгновенно заткнулся, как и все присутствующие.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Первый.

— Конечно. Вы личность знаменитая, я бы даже сказал, легендарная.

— Вы мне льстите, милейший...

Кемпл молчал, сказать было нечего. Мысли металась в голове, словно звери в западне. Только одна была ясной и четкой, она колотила с настойчивостью дятла, бьющего клювом по стволу дерева: «Обстрела не будет». Наконец Миха не выдержал и выкрикнул:

— Так какого черта тебе нужно, сволочь?!

И тут до Кемпла дошло — Первый, играя на слабости и боли пленников, повышает свой и без того высокий авторитет в глазах бандитов. И он ему в этом только что помог.

— Ну?!

— Ваше командование не захотело вас обменивать и уж тем более выкупать.

— Так это было с самого начала известно даже ежу, — прокомментировал Кемпл.

— И все же попытка не пытка, — продолжил Бин Лашен. — Потому тебя как старшего среди пленных приговорили к смерти, а еще потому, что ты убил многих наших воинов.

— Ты даже не представляешь, как приятно это слышать.

— Ну почему же, представляю. Я ведь тоже не всегда главарем был.

«Опять играет на публику», — подумал Миха. Он буквально чувствовал, как повышается рейтинг Первого, как растет его процентный столбик.

— А сейчас ты меня самолично будешь резать? — попробовал угадать Миха.

— Нет. Для этого есть большие мастера. Можно сказать — профессионалы своего дела.

— Так к чему весь этот базар?

— Ты должен все почувствовать еще до того, как мы начнем, а для этого мы тебе расскажем, как все будет происходить.

— Очень любопытно.

— Сначала мы отрежем тебе все пальцы, один за другим, одну фалангу за другой. Потом руки по локоть...

— Ты не боишься, что я умру раньше, чем все это закончится, от болевого шока?

— Нет, для предотвращения подобного безобразия у нас есть хорошая травка. Ты будешь все чувствовать, но не умрешь.

— Как благородно с вашей стороны.

— Потом мы выпустим тебе кишки и разложим их прямо перед тобой, сушиться. Потом будем снимать с тебя кожу, как с барашка, а потом отделять одну мышцу за другой. Их мы скормим собакам. Приступай, — приказал Первый одному из своих подручных.

Боевик уверенно, поигрывая ножом, подошел к Михе. Он взял и оттянул один из пальцев и приложил к нему кинжал. Тут Кемпла пробрало по-настоящему. Он в ужасе взглянул вверх и увидел далеко в вышине белые ниточки инверсионных следов, которые быстро увеличивались.

— Стойте! Стойте!! Стойте!!! — закричал Кемпл. Надежда колыхнулась в его душе.

Боевик остановился, и Первый недовольно спросил:

— Что еще?

— А как насчет последнего слова для приговоренного? — давась словами, выпалил Миха.

— Ну что ты хочешь сказать? Наверное, про то, что мы все умрем от Божьей кары и что ты проклинаешь нас. Все это мы уже слышали, и не раз, и даже не два. Ты уж мне поверь. Ты это хотел сказать?

Миха посмотрел вверх. Белые трассы в небе сильно вытянулись, и на их концах становились отчетливо видны черные точки, и эти точки стремительно приближались. Опустив голову, Миха произнес:

— Вроде того. Сдается мне, что вам всем действительно полный звездеч, и что

интересно, прямо сейчас.

— Что?

Впрочем, пояснять сказанное не потребовалось. Земля дрогнула так, что никто не устоял на ногах. С горы пошел камнепад, массивный скальный козырек, не выдержав удара, обрушился вниз, погребая под собой и своими обломками добрую половину палаток.

Миха отлетел вместе со своим жертвенным столбом куда-то в сторону и, ударившись, на секунду потерял сознание. Открыв глаза, он как во сне смотрел на разбегающихся людей. Потом загремели новые удары; взрывная волна прокатила Миху по земле, словно колесико, и он упал в огромную воронку. «Снаряд дважды в одну воронку не падает», — успел подумать Миха, прежде чем потерял сознание, блаженно, слегка придурковато улыбаясь.

54

Лейтенант Джереми ушел, а сержант Борисов остался наблюдать за базой. Впрочем, Джереми ходил недолго; видимо, не выдержав напряжения, он вернулся и залег рядом с Ником.

— Ну что там?

— Все как обычно. Сейчас прочитают лекцию и возьмутся за дело. Изверги.

— Тут ты прав. Зачем издеваться? Взяли бы и убили. Так ведь нет, нужно им поглумиться над человеком. И ладно бы, если они хотели что-то узнать, а он бы запирался и не говорил. Нет, просто так издеваются.

— Звери, — подтвердил сержант.

— Так, вот он, Первый.

— Может, просто его пристрелим? — предложил Борисов. — Позовем Наждака, он его быстро прихлопнет из своего ствола.

— Первый нужен командованию живым. Он знает много тайн. Банковские счета, на которых лежат миллионы. Каналы поступления средств, перевалочные базы и много чего еще, что хотят знать наши отцы-командиры.

— Знаю, а жаль.

— Да. А то я бы сейчас сюда авиацию навел и сровнял здесь все с землей к чертовой матери.

— Ну все, начинают резать, — прокомментировал Ник то, что и без него видел лейтенант.

— Не повезло.

— Куда это он постоянно смотрит?

— Ты это о чем?

— Все время куда-то вверх.

Сержант перевел бинокль за взглядом пленника, но плохо взял поправку и ничего не увидел. Зато увидел лейтенант Джереми.

— Вот черт!

— Что, Крэг?

— Кто-то навел орбитальную артиллерию. Здесь же вроде нет других поисковых групп или есть?

Ответа лейтенант не услышал. Десять взрывов раздались практически одновременно. Базу боевиков накрыло огромным облаком пыли, через которое ничего невозможно было разобрать. Однако лейтенант каким-то чудом увидел, как Первого подхватили на руки два охранника и поволокли в сторону. «Хорошо работают», — про себя похвалил их Крэг, а вслух по внутренней связи приказал своим бойцам, разбросанным по местности:

— Отделение, на восточный склон, за мной, быстро. Ловим Первого, быть предельно внимательными, стрелять только по ногам, он нужен живым. Даже если вас будут резать, вы не должны его убивать.

— Хватит, командир, — сказал один из бойцов. — И так все яснее ясного.

Группа «берсерков» быстро преодолела расстояние и вышла на восточный склон, по которому, по мнению Крэга, с горсткой охранников уходил Бин Лашен. Азарт засидевшихся без дела охотников подстегивал их, но при этом они не забывали об осторожности.

— Вижу возможную цель, — прозвучало в наушнике командира.

— Где они, Наждак?

— Сильно забирают на север.

— Уходят, сволочи. Белый тюрбан видишь?

— Нет, сэр. Но есть один без головного убора. Мне стрелять по охране?

— Нет. Возможно, один из охранников отдал ему свой головной убор, и ты подстрелишь Первого, — на бегу выпалил лейтенант.

— Понял. Тогда я включаюсь в преследование.

— Давай...

«Берсерки» продолжили преследование. Медленно, но верно они настигали добычу, деморализованную взрывами, а потому неспособную двигаться в полную силу.

Впрочем, у уходивших были свои методы задержать погоню, и вскоре в лесу раздались автоматные очереди. Солдаты попадали в траву, укрываясь от пуль за стволами деревьев. Ситуация была вполне знакомой, и Джереми распорядился:

— Леший, Хромой, направо. Бекон, налево. Громила, приготовиться. Пошли!

Один солдат рванул налево, и бандит тут же открыл по нему огонь. После чего направо побежали еще два солдата, обходя стрелка с фланга, и открыл огонь гранатометчик. Осколки снарядов ручного гранатомета сбивали листву. Вражеский стрелок вынужден был укрыться, чтобы его не достали эти самые осколки, а в это время два солдата завершили свой маневр. Бородач был у них как на ладони, тот заметил «берсерков», но сделать больше ничего не успел. Экономная очередь оборвала его жизнь.

— Готово, — доложил Леший.

— Продолжаем преследование. Сержант, возьми свою половину людей и двигайся ниже.

— Есть, сэр.

Солдаты, переподчиненные сержанту, все слышали сами и стали спускаться вниз без лишних приказаний.

Лейтенант похвалил себя за такое решение. Впереди был еще один заградительный рубеж из трех стрелков. И на такой случай у них тоже имелась своя тактика, но она требовала времени, а сержант продолжал движение беспрепятственно.

Борисов спустился по склону на пятьсот метров, когда услышал автоматные очереди. Он подумал было, что надо послать кого-нибудь в тыл боевикам, чтобы перестрелять всех в спину, но передумал. «Лейтенант справится, — подумал он. — Ине из таких передряг выходил, а мне люди нужны».

Впереди, на пути второй группы сержанта Борисова, появилась довольно глубокая расщелина. «Идеальный вариант, чтобы спрятаться, особенно если ты ранен, — подумал Ник. — Затерся в какую-нибудь щель, и все шито-крыто».

Сержант остановился в раздумье. Он не мог решить, как поступить. Продолжить ли ему преследование или же сначала осмотреть ущелье. «С одной стороны, если я так подумал, значит, те же мысли пришли и к ним, — размышлял сержант Борисов. — И бандиты могли продолжить движение в надежде, что я здесь застряну, осматривая каждый камешек. С другой стороны, они могли спрятаться, понимая, что я понимаю, что прятаться здесь небезопасно, и продолжу движение. И так несколько раз, туда-сюда, туда-сюда... Черт, до чего же все сложно!»

— Сержант, сэр?..

— Что, Леший?

— Что делать будем?

— Осматриваем расщелину, — решил Ник.

— Есть, сэр.

По безмолвному приказу сержанта четверо спрыгнули вниз и, разделившись на две группы, направились в разные концы расщелины. Еще двое остались страховать сверху одну из групп. Сержант остался страховать вторую группу, что двинулась вверх.

Сержант шел за солдатами, внимательно вглядываясь в лес: боевики могли подстеречь их везде, а этот овраг мог стать просто отличной ловушкой. Вдруг в районе второй группы послышались частые выстрелы и разрывы гранат.

— Стоять! — приказал сержант солдатам, кинувшимся было обратно, на выручку своим товарищам.

— Но там же бой, они попали в засаду!

— Если не погибли сразу — отобьются.

— Но?..

— Это может быть просто отвлекающий маневр. Продолжить движение.

— Есть, сэр, — хором ответили два солдата. Бой продолжался, но уже не так интенсивно, как вначале, и солдаты немного успокоились. Они прошли еще какое-то расстояние, как из-за очередного поворота прямо им под ноги упала граната. В падении на землю одному из солдат удалось отшвырнуть гранату ногой, так что она не нанесла им урона. Расщелину заволокло пылью, и сержант, сделав быстрый рывок, стал поливать все кусты, где мог затаиться боевик, огнем, чтобы тот не успел подстрелить его ослепленных бойцов. Солдаты пришли в себя и включились в погоню. Вскоре снова разгорелась перестрелка, только теперь сержант стал обходить огневую точку с тыла и, бросив сразу две гранаты, сумел ее подавить.

— Спасибо, Ник.

— Да не за что. Посмотри лучше, там случайно нашего придурка нет?

— Нету, это его охрана.

— Тогда где он сам? Ладно, идем дальше. Ник заметил метнувшуюся тень и, не долго думая, бросился следом.

— Стой, гад, убью!

Но останавливаться никто и не думал, а потому сержант выстрелил в воздух, а затем немного пострелял в расщелину, чтобы поднять облачка пыли. Ник увидел, как кто-то проворно вылезает из оврага, и повторил требования. Человек остановился.

— Повернись.

Бородач начал поворачиваться, но земля посыпалась из-под его ног, и обрыв, не выдержав, обрушился вниз. Человек, стоявший на краю, упал вниз, нелепо взмахнув руками, и больше не двигался, лежа под медленно оседающей пылью. Голова его была повернута под нехорошим углом.

— Черт! Леший, посмотри его!

— Труп, — авторитетно заявил солдат.

— Но тут же невысоко...

— Случайность и не более того. Он шею сломал.

— Надо же... Вытаскивайте его.

Через минуту после того, как тело было вынуто из расщелины, пришла группа лейтенанта Джереми. Двое солдат были наспех перебинтованы. Тяжелораненый был и у сержанта из второй группы: в засаде нарвался на гранату.

— Как у тебя дела, Ник?

— Плохо, Крэг. Этот придурок умудрился сломать себе шею.

— Мнда-а... Из-под орбитального обстрела живым выбраться и сломать себе шею в овраге. Ухо, вызывай вертолет.

— Есть, сэр.

удовольствием их размял. Санитар, увидев, что его пациент очнулся, позвал двух солдат, и те вытащили Мihu из воронки. Плечо пронзила острая боль, но санитар сказал, что это общеукрепляющий укол, и отошел в сторонку: у него было еще полно пациентов, в том числе и боевиков. Приходилось исполнять когда-то данную им клятву Гиппократa, хотя сейчас медик с удовольствием бы перерезал каждому бандиту глотку, даже детям. Одно хорошо, их насчитывалось не так уж и много.

Через пару минут Мiха действительно почувствовал улучшение и прилив сил. Так что самостоятельно мог встать и осмотреться.

Разрушения были колоссальными. Вырванные с корнем и сломанные пополам деревья. Огромные воронки, некоторые из них почти наполовину засыпаны камнями. Последнее обстоятельство что-то всколыхнуло в памяти Кемпла. Он снова осмотрелся, но теперь более внимательно. «Что же я упустил? — подумал Мiха. — Стоп, а где Медведь и все остальные!?»

Мiха на нетвердых ногах подбежал к тому месту, где еще недавно была яма, в которой их держали боевики. Она была доверху наполнена камнями.

— Черт, — чуть слышно произнес Мiха и, упав на колени, принялся кричать, одновременно откидывая небольшие валуны в сторону: — Медведь! Медведь!

— Совсем спятил парень.

Мiха повернулся на констатирующий, слегка сожалеющий голос. Перед ним стоял рослый солдат в каком-то тряпье, в котором он не сразу признал маскирующую сетку.

— Там мой друг! Медведь! — стал сбивчиво объяснять Кемпл, жестикулируя. — Их нужно вытащить!

— Да разве теперь их вытащить? Да им уже и все равно.

— Нужно... — И Мiха снова принялся откидывать камни.

Посмотрев на него с минуту, солдат позвал сержанта:

— Ник!

— Что, Крэг?

— Вон вполне крепкие ребята. — Лейтенант показал на пленных боевиков. — Пускай санитар им что-нибудь вколет, чтоб работали как заводные, и гони их сюда. Пусть хоть одно доброе дело сделают в своей поганой жизни.

— Хорошо, Крэг.

Через пять минут на помощь Кемплу пришли боевики. Глаза их были абсолютно пустыми, но работали они действительно как заводные. С такими помощниками дело пошло гораздо быстрее. Еще через полчаса к группе подошли свободные от какой бы то ни было работы солдаты и стали помогать разбирать завалы.

— Медведь, ты меня слышишь? — спрашивал Мiха, когда яма была наполовину разобрана.

На Кемпла смотрели как на психа: по мнению всех, выжить в таких условиях было просто невозможно, но разбирать завалы не прекращали.

— Медведь...

Вскоре люди наткнулись на огромный камень, застрявший между стенками. Выбрав более мелкие камни, солдаты заглянули под этот валун, посветив фонариком.

— Невероятно, — сказал один из них. — Тут кто-то есть.

Солдаты вытащили из-под валуна найденных пленников.

— Санитара сюда! Кажется, двое из них живы.

— И вправду говорят: дуракам везет.

— Это Медведь, — сказал Мiха. — И рядовой Робсон. Третий с переломанными ногами — наводчик, не помню имени.

— Ну извини.

— Все, хватит. Больше живых точно нет.

— Третий тоже жив, но он очень слаб, — сказал санитар, осмотрев спасенных.

Рядом с двумя вертолетами, транспортным и десантно-штурмовым, подняв тучу пыли,

приземлился еще один. Вычурно-черный, он своими стремительными обводами являл разительный контраст со своими более крупными собратьями, увешанными кассетами неуправляемых ракет.

Из черного вертолета вышли три человека в такой же черной одежде. «Маскарад какой-то», — подумал Кемпл.

— Только их нам и не хватало, — обреченно сказал лейтенант Джереми.

— А кто это, сэр? — спросил Миха.

— Особый отдел, парень. Военная разведка. С ними лучше не связываться, но приходится.

Пассажиры черного вертолета ушли куда-то за поваленное дерево и долго там возились, орудуя инструментами из своих черных чемоданчиков. Потом один из них резко встал и, отыскав глазами лейтенанта, направился к нему.

— Лейтенант Джереми?

— Так точно, сэр.

— Ну что я могу сказать? Это не Первый.

— То есть как не Первый?

— А вот так. На семьдесят процентов удалось установить что это не Первый. Короче говоря — двойник.

— Даже не знаю, радоваться этому или горевать, — сказал лейтенант Джереми без особой печали.

— Горевать, — сказал чекист. — Даже этот двойник при хорошей обработке смог бы привести нас к оригиналу. Кто вызвал бомбардировку?

— Я, сэр, — сказал Кемпл и попытался подняться, но силы вновь оставили его и он остался сидеть на земле.

— Да, интересный случай. Но с вами мы еще поговорим, и с тем засранцем, что был твоим пособником в этом деле, тоже.

Миха хотел возразить, что тот «засранец» спас ему жизнь, но быстро понял, что этому человеку глубоко наплевать на чью-то там жизнь и он положил бы с десяток, если не сотню, таких, как он, чтобы воскресить этого двойника. «Ну и пошел ты к такой-то матери», — про себя обругал чекиста Кемпл.

Человек из военной разведки улетел, забрав тело псевдо-Первого с собой, для дальнейшего изучения. Миху погрузили в транспортный вертолет с остальными ранеными, среди которых он заметил нескольких «берсерков».

— Ну что, Кот, мы прорвались? — тихо спросил пришедший в себя Медведь.

— Да, Медведь, на этот раз мы прорвались...

56

Госпиталь поражал своей чистотой, особенно после долгих месяцев службы на точке и последних нелегких дней. Единственное, что портило впечатление, так это практическое отсутствие женщин среди медперсонала: их было очень мало, и они все были заняты, так что особо не побалуешь. От нечего делать Миха бродил по госпиталю и в одном из отделений нашел несколько своих сослуживцев, попавших вместе с ним в засаду в той злополучной колонне.

— Здорово, капрал, как поживаешь? — спросил Миха у Барбоса.

Капрал был весь обмотан бинтами.

— Нормально, — хрипло ответил он.

— Что с тобой? Ты больше на мумию похож.

— Верно подмечено. Обгорел я. Плюс ко всему какой-то псих прострелил мне ногу из станкового пулемета, пробил бак машины, из-за чего я, собственно, и подкоптился. Мне сказали, что это был один из наших, а кто, не знают. Башку бы ему оторвал...

— Э-э... в общем, это был я.

- Что я? — не понял Барбос.
- Это я стрелял из пулемета...
- Ты двоих из нашего взвода положил.
- Я не знал, мне жаль.
- Забудь, это было правильное решение.
- Сколько наших?
- Осталось не так уж и много.

Дальше разговор не клеился, и, неловко потоптавшись на месте, Миха пошел к себе, где его уже ждали.

- Привет, — поздоровался человек в черном. — Не ждали?
- Здравствуйте, сэр.
- Вы знаете этого человека? — Чекист показал фотографию старика в белом тюрбане.
- Конечно, это Первый, или Бин Лашен. Террорист. Двойника которого убили.
- Откуда ты знаешь, что это был двойник?! — Разведчик даже встрепенулся и подозрительно взглянул на Кемпла.

— Так вы сами сказали лейтенанту Джереми, что он с вероятностью семьдесят процентов — двойник. А я тогда неподалеку был.

— И правда. Теперь я вспоминаю, что валялся там какой-то оборванец... так это был ты?

- Так точно.
- Ну и ладно. Продолжим...

Человек из военной разведки еще долго задавал Михе Кемплу различные вопросы, в том числе и о том, при каких обстоятельствах состоялось их знакомство с артиллеристом. Попытался проводить какие-то не совсем понятные параллели, пытаясь запутать и сбить Миху с толку. К концу беседы Миха начал сомневаться уже в том, что его действительно зовут Михой Кемплом, а не, скажем, Мусой Кимберджиевым и что он не шпион сепаратистов, затесавшийся в ряды вооруженных сил Северного Союза и изнутри вынюхивающий важнейшие тайны.

После допроса Миха чувствовал себя выжатым как лимон. Разведчик вроде бы и не курил, но после него в палате еще долго оставался прогорклый табачный запах, который Кемпл не выносил, и снова решил прогуляться.

На этот раз ноги принесли его в отделение интенсивной терапии, где он увидел солдата, что помог ему нанести на базу сепаратистов удар орбитальной артиллерии. Ноги раненого были загипсованы и через специальные крепления на гипсе удерживались тросами на весу.

- Ну как он? — спросил Миха у дежурного доктора, делавшего обход.
- Жить будет, а вот служить — уже нет. Доктор ушел, а сзади раздался голос:
- Его обратно отправят.
- Куда?
- В тюрьму.
- Но почему? Он же проявил смелость, находчивость, пожертвовал своей жизнью, наконец. Могли бы за это и выселить на свободное поселение вне федеральной зоны.
- За перечисленные заслуги ему, может быть, и скинут пару лет, но не отпустят.
- Понятно.

Миха ушел. Теперь он не хотел отвечать на ежедневный вопрос доктора: «На что жалуетесь?». Кемпл раньше подумывал рассказать о мучившем его «белом сне», когда он отключался и оказывался в белой комнате, кстати, очень похожей на ту больничную палату, где лежал наводчик. Но теперь решил этого не делать, понимая, что вдумчиво им заниматься не станут. «А вот хрен вам, — с неожиданной злостью подумал Миха, — ничего не расскажу! А то комиссуете меня по состоянию здоровья, и сидеть мне оставшийся срок в той чертовой тюрьме».

Миха шел по коридору, когда услышал знакомый голос: говорившие спускались по

лестнице.

— Сдается мне, Крэг, что нам подсунули этого гада, как на блюдечке. Окурок на дороге, уж больно это непрофессионально. Подставой за километр воняет.

— Но зачем им это, Ник?

— А поди разбери, что у них там на уме: может, отвлечь от чего-то более крупного хотели.

— Взрыва шахты?

— Я думаю, что нет, и взрыв шахты тоже отвлекающий маневр. От чего-то еще более крупного. Больше, чем простая шахта.

— Но от чего?

— Не знаю. Но нутром чую, дело нечисто.

— Может, и так, сержант. Но лучше, чтобы ты ошибался.

— Тут вы правы, лейтенант.

Миха увидел спустившихся и понял, что не ошибся, память не подвела.

— Сэр, лейтенант Джереми, — позвал Миха.

— Что тебе, солдат? А, это ты. — Лейтенант узнал Кемпла. — Слушай, все хочу спросить, что это за сигары такие, «Укус барракуды»? Попробовать хочу, люблю хороший табак, знаешь ли.

— Лучше не стоит, сэр.

— Почему? Курение опасно для здоровья? — Лейтенант с сержантом засмеялись.

— Для жизни, сэр. От одной пачки таких сигар загнулись больше ста пятидесяти бородачей и рухнула целая скала.

У Джереми с Борисовым округлились глаза: до них с трудом, но стало доходить. Наконец лейтенант сказал:

— Крейсер «Барракуда»?

— Вы правы, сэр.

— Как же я раньше не догадался! — воскликнул лейтенант и хлопнул себя по колену. — Ладно, солдат, что ты хотел?

— Я хочу стать «берсерком».

Сержант с сомнением посмотрел на Кемпла... впрочем, лейтенант глянул так же, но не стал отговаривать или пугать: наверное, вспоминал, как сам вербовался в этот элитный отряд. Он просто сказал:

— Пиши рапорт в штаб, там посмотрим; может, я тебя даже в свою группу возьму. Если, конечно, выдержишь обучение.

— Спасибо, сэр.

— Пустяки.

Миха почти бегом вернулся в палату и принялся писать рапорт.

— Ты чего пишешь? — спросил Медведь. Он быстро шел на поправку.

— Пишу рапорт о переводе.

— Ни черта себе перевод! — воскликнул Медведь, вырвав лист бумаги из-под ручки Кемпла. — Отряд «Берсерк». Лихо!

— Отдай!

— Держи. — Медведь протянул лист обратно. — У тебя не найдется еще один листок?

— Зачем?

— С тобой пойду.

Первый узнал о гибели своего двойника еще до того, как его труп был доставлен в морг военной разведки, и начали проводить полноценную идентификацию. Но буквально за час до гибели двойника он получил его подробный доклад. Из которого следовало, что все получилось как нельзя лучше, хотя потери превысили предполагаемые. Но это было уже

издержками войны, и он ими не сильно опечалился, как и потерей двойника.

Предстояло воплощать вторую часть задуманного плана, но для этого требовалось разрешение самого верховного имеема — Палладина Батами. Тот обитал на одной из центральных планет, принадлежащих арабийцам, кем, собственно, и был Палладин.

Необходимые деньги Первый мог снять со счетов самостоятельно, но единовременное использование таких крупных сумм следовало обсудить с имеемом.

— Асымбай.

— Говори, уважаемый.

— Сегодня мы отправляемся в долгий путь. Приготовь все необходимое.

— Слушаюсь.

Личный и преданный как собака охранник ушел, а Бин Лашен продолжал размышлять. А подумать было о чем. Согласится ли имеем профинансировать задуманное им мероприятие? Первый не сомневался в том, что деньги у Палладина есть, но даст ли он их? Ведь в случае успеха эта акция необычайно возвысит Первого, и в дальнейшем Палладину придется считаться с его мнением как с мнением равного. Такого еще не бывало. И Бин Лашен сомневался в том, стоит ли вообще проводить акцию, но жажда власти взяла свое, и он решился.

— Все готово, уважаемый.

— Тогда поехали.

Первый спустился на нижний уровень пещер, о которых не знали не то что северники, но и большинство из его окружения. Бин Лашен сел на загиата — предстоял неблизкий путь по природным катакомбам. Пещеры тянулись на сотни километров. Их сеть обнаружили случайно и серьезнейшим образом засекретили.

Кое-где пещеры соединялись между собой искусственными тоннелями, позволявшими не подниматься на поверхность без особой надобности.

Их, естественно, строили пленные, которых после окончания работ ликвидировали в каком-нибудь тупике. Но сами пещеры не были изучены даже на десятую часть, хотя работы в этом направлении велись каждый день, а карты становились все подробней; но до конца было еще очень далеко.

Дорога заняла более недели. Пещеры образовывали то огромные гроты, в которых спокойно можно было возвести пятиэтажный особняк, то становились настолько узкими, что приходилось спешиваться и вести загиата за собой. Иногда среди камней попадались голубоватые жилы породы, искрившиеся, когда на них падал свет. «Соль земли», — думал тогда Бин Лашен. Эта синяя соль была низкого качества и не годилась для добычи, разве что на сувениры.

Путь по пещерам заканчивался на границе арабийской территории. Сами пещеры тянулись дальше, но Первый предпочитал преодолевать оставшееся расстояние как обычный смертный, будто весь путь проделал по поверхности, рискуя быть обнаруженным, а не под ней.

Караван беспрепятственно перешел границу и продолжил движение к космодрому, но уже на машинах.

— Приветствую вас, уважаемый, — слегка поклонившись, поздоровался капитан «Черной жемчужины». — Прошу на борт.

Ради того чтобы выразить свое почтение, капитан лично спустился на планету, что редко делал.

— Спасибо, Джимуил.

— Как добрались?

— Не без помощи Всевышнего, неверные так и снуют, но Всевышний закрыл им глаза.

— Ну что ж, все опасности позади. Сейчас нам придется вытерпеть легкую тряску в челноке, и вы окажетесь на борту одного из лучших лайнеров Арабии.

— Вы очень любезны.

Челнок взревел двигателями, включились в работу соляные диски, вызвав у

присутствующих легкое головокружение и дурноту, как при свободном падении. Впрочем, это ощущение через некоторое время вытеснило ощущение нарастающей тяжести во всем теле — челнок быстро набирал высоту.

Маленькая точка в иллюминаторе увеличивалась в размерах и вскоре превратилась в огромный корабль, ничем не уступающий крейсеру третьего класса. Такое сравнение привело к неожиданным мыслям, и Бин Лашен спросил:

— Послушайте, Джимуил, не могли бы вы ответить мне на один вопрос?

— Спрашивайте.

— Скажем, вы боевой офицер: скажем, линкора четвертого класса. Вдруг вам докладывают, что к вашему кораблю на малой скорости приближаются три маломерных судна. Они не отвечают на запросы, может, даже ведут себя странно, демонстрируя явное намерение пришвартоваться. Что вы будете делать, как поступите?

— Интересный вопрос... Пожалуй, я могу вам ответить на него. В военное время такие суда просто расстреляли бы. А в мирное время, как сейчас, — Джимуил акцентировал внимание на последних словах, догадавшись о намерениях собеседника, — командир обязан будет позволить им пришвартоваться, чтобы разобраться, в чем дело.

Но прибывших в любом случае будет ждать вооруженная досмотровая группа.

— Спасибо, вы даже не представляете, как помогли мне.

— Пустяки.

58

«Черная жемчужина» швартовалась к огромной космической пристани на орбите Нового Стембила. Мелкие челноки сновали туда-сюда...

— Личная яхта имеема ждет вас в секторе «А», в пятом боксе. Мой первый помощник проведет вас туда.

— Спасибо. Не будете ли вы так любезны узнать, когда будет обратный рейс на Чирмен?

— Я и так знаю. Завтра в полдень, а следующий через месяц. Если с пересадками, то до Чирмена можно добраться гораздо раньше.

— Что ж, приятно было с вами пообщаться.

— И мне тоже. Алхил, проводи нашего гостя.

Пожалуй, слово «яхта» было слишком пышной характеристикой для судна, стоявшего на площадке с цифрой «5». Скорее катер, возможно, спускаемый модуль той самой яхты. Впрочем, выбирать не приходилось, и Бин Лашен по безмолвному приглашению пилота забрался внутрь суденышка: следом протиснулся личный телохранитель.

Катер поднялся в атмосферу на пять тысяч метров. Первый в который раз поразился открывшейся панорамой, словно из другого мира; собственно, так оно и было. Планету застроили городами и инфраструктурой, не оставившей на планете свободного места.

«Тут городов, как соляных бассейнов на Чирмене», — подумал Бин Лашен.

Судно начало снижение и вскоре приземлилось на частный аэродром. В нескольких километрах высился огромный комплекс зданий, куда и направился лакированный лимузин.

— ...Проходите, господин Бин Лашен, — показывая номер в гостиничном комплексе, сказал лакей.

Первым в комнату вошел Асымбай и стал проверять номер.

— Я прибыл сюда для важной встречи, — сказал Первый.

— Да, конечно. Через минуту придет личный секретарь господина Батами, с ним вы уладите все вопросы. Кстати, вот он уже идет.

По коридору действительно в сопровождении двух охранников шел секретарь. Первый знал его по прошлым встречам, только с тех пор секретарь сильно растолстел. Знал он и других секретарей, но этот держался дольше всех.

— Приветствую вас, уважаемый. Как дорога?
— Благодарю вас, почтенный, хорошо, благодарение Всевышнему. Когда я смогу переговорить с господином Батами?

— О! Очень скоро, может быть, дня через два...

— Это неприемлемо. Уже завтра я отбываю обратно на Чирмен.

— Конечно, конечно, освободительная борьба не ждет. Я понимаю...

— Ну так что?

— Сегодня имеем устраивает прием знатных лиц, от них в некоторой степени также зависит ваша освободительная война. Вы могли бы присутствовать на встрече, а я постараюсь уговорить имеема принять вас прямо сейчас. Как вы на это смотрите?

— Хорошо, спасибо. Я готов.

— Извините, но в этих одеяниях вы выглядите как пастух. Переоденьтесь, в номере имеется богатый выбор одежды.

Первый удивился, ведь на нем было одно из самых дорогих его одеяний, и раньше оно не вызывало нареканий. Впрочем, спорить он не стал, вернулся в номер и открыл платяной шкаф. «Как же, богатый выбор», — с сарказмом проворчал про себя Бин Лашен.

На вешалках висели только черные смокинги да арабийские халаты черных и белых цветов. Первый остановил свой выбор на смокинге: по паспорту он являлся гражданином Северного Союза, а не Арабии. А также из чувства протеста.

— Так гораздо лучше, — заметил секретарь, осмотрев Первого и его охранника, также одетого в смокинг. — А теперь идемте веселиться.

...В огромном зале толпилось множество народу. Если бы не обилие арабийских халатов, то можно было бы предположить, что вы попали на типичную вечеринку северников, прожигающих свою жизнь в праздности, на праведно заработанные деньги.

— Идите, познакомьтесь с кем-нибудь, а я попробую найти имеема.

— Хорошо...

Первый вошел в зал. Люди, имеющие многомиллионные, да что там миллионные — миллиардные состояния, пили спиртное из высоких бокалов, о чем-то беседовали и весело шутили. Бин Лашен чувствовал, что привлекает к себе внимание.

— Вы, кажется, новенький?

Кто-то тронул Первого за руку, и он остановился. Перед ним стоял бочковатый человек в арабийском халате. Выпил он уже достаточно, а потому наряд сидел на нем нелепо.

— Новенький, — наконец сказал Первый.

— Позвольте узнать, чем вы владеете и занимаетесь?

— Я ничем не владею. Я Первый, представитель имеема на Чирмене. Веду священную освободительную войну против северников.

— Да-да, конечно, я слышал краем уха: а где это? Освободительных войн так много.

— Это там, где добывают синюю соль.

— О! Синяя соль — это да!..

«Мог бы хотя бы притвориться, что освободительная война интересует тебя больше минерала», — с легким раздражением подумал Первый.

Он сам был далек от идеализации своей деятельности, но такое неприкрытое пренебрежение его по-настоящему покорило.

— Я как раз занимаюсь переработкой этой соли.

— И, как видно, ваш бизнес процветает.

— Он процветал бы еще больше, если бы не приходилось отдавать пятьдесят процентов прибыли во все эти фонды освобождений...

— Но ведь война ведется за объединение всех правоверных детей Всевышнего, — вставил Бин Лашен, наблюдая за реакцией собеседника и остальных, кто стоял рядом.

— Да-да, конечно, вы правы... великое дело, и Всевышний требует денег от всех, у кого они есть...

— Вводишь наших гостей в смущение? — отведя в сторонку Первого, усмехнулся

секретарь.

— Боюсь, что такого понятия нет в их словаре. Впрочем, как и многих других.

— Это неважно, главное, что они спонсируют ваше великое дело.

— Вы хотели сказать мне что-то важное или просто поболтать пришли?

— Привыкли сразу брать быка за рога?

— В нашем деле без этого никак.

— Что ж, вы правы. Мне удалось уговорить имеема принять вас прямо сейчас, идемте, у него не так уж много времени.

Первый сразу включился в работу и на ходу еще раз обдумал предложение, которое изложит имеему. От первого плана: взорвать крейсер кораблями-брандерами — он окончательно отказался, решив продвигать в жизнь тот, что пришел ему в голову во время полета на шаттле к «Черной жемчужине».

Бин Лашен вошел в личные апартаменты имеема, пройдя сквозь бесчисленные посты охраны, проверивших его тысячей самых различных приборов. И только когда они все подтвердили его лояльность, тяжелые двери открылись, и он услышал:

— Давно не виделись, Первый.

За массивным столом сидел верховный имеем, или Палладии Батами. По залу с гостями, естественно, ходил его двойник. Сам Палладии если еще не был старцем, то подошел очень близко к тому, чтобы им стать. Седые волосы ниспадали на плечи.

Первый в силу национальных традиций использовал двойника чуть старше, чем он был на самом деле, из-за того что рядовые бойцы больше доверяли старшим, умудренным жизнью людям, чем близким себе по возрасту. В то время как Палладии предпочитал более молодую копию.

— Приветствую вас, мой господин.

— Садись. Как дела на фронтах?

— Без перемен. Но с вашей помощью я хочу изменить расстановку сил.

— Даже так? Интересно, как ты собираешься это сделать?

— Нашей главной целью является уничтожение добывающих предприятий северников. Что я и собираюсь сделать, причем одним ударом.

— А ты не преувеличиваешь свои силы? Это сколько же придется собрать боевых групп? Боюсь, что даже всего баччинского населения не хватит, даже если в нападениях будут участвовать женщины и дети. А если допустить участие наемников, то сколько миллиардов седалей потребуется для этого, не говоря уже о сохранении секретности?

— Простите меня, мой господин, но все гораздо проще.

— То есть?

— Я предлагаю захватить крейсер северников. Трех-четырёх залпов из его орудий будет достаточно, чтобы уничтожить добывающий завод. А снарядов на крейсере достаточно, чтобы стереть с лица планеты большую часть заводов. В итоге мы добьемся своей главной цели. Мы причиним северникам сильнейший экономический урон, от которого они не оправятся и вынуждены будут пустить на свою территорию вас как равноценных партнеров для совместной добычи синей соли, а мы получим свою столь долгожданную независимость.

— Очень гладко у тебя выходит. Надо послушать эксперта.

Имеем нажал невидимую кнопку, в стене открылась дверь и из нее вышел человек.

— Знакомьтесь, генерал Эргенн.

Бин Лашен судорожно сглотнул, надеясь, что его лицо осталось непроницаемым. Но генерал улыбнулся уголками губ, показывая, что заметил эмоциональное состояние Первого, хотя его самого не узнал.

Генерал Эргенн славился жестокостью к своим врагам, и многие тысячи воинов Всевышнего покинули бранный мир по его вине, причем многие сотни в жестоких мучениях. На его методы командование закрывало глаза, поскольку они были действенными. И сам Бин Лашен однажды чуть не попался в его руки, на заре своей карьеры. Но в один прекрасный

день генерала попросили уйти, причем использовав самый что ни на есть законный предлог — на пенсию.

— Северный Союз отказался от услуг своего лучшего специалиста и отправил его на пенсию по возрасту. Для меня же пенсионный возраст ничего не значит: главное, чтоб котелок варил. Итак, генерал, ты все слышал; что можешь на это сказать?

— Ваш молодой приспешник очень дерзок, но, вынужден признать, не без оснований. Поскольку раньше подобных прецедентов не было, то я считаю, что дело, которое он задумал, вполне осуществимо. Но только единожды, дальше инструкции перепишут...

— Хорошо. Я так понимаю, ты пришел за деньгами. Сколько ты хочешь списать со счетов?

— Пятьсот миллионов седалей, или четыреста миллионов реалов. Придется нанять хороших наемников, наши борцы для такого дела не годятся, хотя и они будут принимать участие. К тому же нам понадобятся малогабаритные корабли и специалисты по артиллерийской стрельбе.

Имеем обернулся на генерала-перебежчика, и тот легонько кивнул.

— Ты получишь нужную сумму.

Не говоря больше ни слова, Бин Лашен с полупоклоном покинул личные апартаменты имеема.

59

Миха с Медведем еще неделю провалялись в госпитале, ожидая из штаба резолюции на свои рапорты. Вскоре она пришла; их просили явиться на сборный пункт к определенному числу и часу. Что они и поспешили сделать. Получив все документы и выписавшись из госпиталя, они попутным транспортом вовремя добрались до этого самого пункта, откуда их всех отправили на большом транспортном вертолете в центр обучения или, как любили еще говорить: в центр повышения квалификации.

Центр находился тут же на Чирмене, в центре освоенных территорий, куда не могла забраться ни одна группа диверсантов. По дороге на базу вертолет пролетал над городом, построенным на средства, полученные от добычи уникальных ископаемых планеты. Свою лепту вносили рабочие, приезжавшие отдохнуть с городским комфортом после долгих трудовых будней, оставляя здесь значительные суммы. «Может быть, город является главной целью террористов?» — подумал Миха, вспомнив слова сержанта Борисова.

Двигатели вертолета зазвучали по-другому, резче, работая на снижение. База находилась на месте выработанной шахты.

— На выход, — прозвучало в динамиках, и из вертолета выдвинулся трап, по которому солдаты быстро сбежали на бетонную площадку.

Миха отметил, что нигде не видно привычных по первой учебке полос препятствий. Здесь были только административные и хозяйственные строения.

— Добро пожаловать в форт «Демпинг», я сержант-инструктор Одиссон, — поприветствовал солдат вояка, после того как вертолет, набрав обороты, улетел. — Среди вас есть рядовые, сержантский состав и даже офицеры, но мне на это наплевать. Для меня вы просто стая насильников, убийц, маньяков и прочего преступного элемента, от которого отказалось цивилизованное общество, давшее вам возможность искупить свою вину. И таких поганцев вас здесь целая рота, а я ваш командир на ближайшие три месяца со всеми правами и обязанностями.

«Пожалуй, про насильников и убийц он не врал, — подумал Миха, взглянув на своих соседей в строю. — Рожи у них действительно донельзя криминальные. Такие собственную мамашу вилоккой продырявят».

— Вы все добровольцы, а потому никто вас здесь держать не будет: не выдержите, возвратитесь в свою часть, без последствий. И еще, «берсерк» — это не тупоголовый солдат, которому лишь бы перерезать чью-то глотку и омыть руки в крови врага, это прежде всего

солдат, умеющий думать, — сказал сержант Одиссон и с последними словами остановился напротив Медведя, видимо, не оценив его мыслительные способности высоко. — Каждый из вас должен уметь думать или научиться думать. — При этих словах сержант вновь посмотрел на Медведя, отчего тот непроизвольно подобрался, словно готовясь к прыжку, но пересилил себя и встал согласно уставу. — Хорошо. Теперь бегом в казарму занимать койки, получать обмундирование, и марш на занятия, на все даю вам час двадцать минут. Вольно!

— Он хотел меня унижить, — обиженно проговорил Медведь.

— Нет, просто проверял твою реакцию, — ответил Миха. — Он же сказал «хорошо», когда ты успокоился и встал на место.

— Правда?

— Да, приятель.

— Но рожа у тебя действительно простоватая, — заметил какой-то солдат и представился: — Рядовой Кружкин.

— По тебе не скажешь, что маньяк, — сказал Миха, поздоровавшись и представившись.

— А я и не маньяк, просто соседа своего грохнул.

— Что так?

— К жене лип.

— История стара как мир, — глубокомысленно заметил Медведь.

— А что ж ты сюда пришел?

— При поступлении в отряд «берсерков» снимается еще два года наказания, итого служить мне остается всего полтора года.

— Вот это для нас уже новость, — признался Миха и, подсчитав свое время службы, тяжело вздохнул: все равно получалось довольно много.

В казарме все переоделись в серо-коричневые робы и отправились на занятия. Инструктор достал из-под стола массивный автомат и стал рассказывать о его ТТХ:

— Любимое оружие «берсерков», автомат «корсар». Модификация армейского автомата «корс», диверсантский вариант. Имеет электронную схему и специальный визир, установленный на шлеме, через него будете получать информацию о состоянии оружия. Расход и остаток боекомплекта, режимы стрельбы, через вот этот окуляр можете наблюдать за врагом, просто высунув автомат из укрытия, не высовывая башку. Система очень сложная, а потому следует заниматься ею каждый день, доводя свои действия до автоматизма. До безусловного рефлекса!

За теорией началась практика. Выдали облегченные бронежилеты, в которых им и предстояло бегать по горам за сепаратистами, а вот со шлемом вышла накладная — облегченных версий не было, и потому все по первости чувствовали себя головастиками.

Голова отказывалась работать, да и руки действовали несогласованно. Стоя спиной к стволу и прицелившись из автомата в медленно движущуюся сзади мишень, следовало удерживать на ней прицел, отображавшийся в визире шлема, служившего одновременно бронестеклом, глядя при этом прямо перед собой. Мишень двигалась влево, а руки уводили автомат в противоположную сторону. Потом хаотичный поиск цели, когда картинка перед глазами жутко прыгала, и ее удержание.

— Дайте мне гранатомет, и я порву мишень к чертовой матери! — не выдержал такой нагрузки Медведь.

— Трудно... — согласился Миха.

— Будет тебе гранатомет, — посулил инструктор. — Но прежде научись хотя бы владеть «корсаром», чтобы в нужный момент спасти свою задницу и задницы товарищей. Если не можешь — вали отсюда!

— Есть научиться владеть в совершенстве!

— Так-то лучше. Равняйся! В колонну по двое! Бегом в казарму на ужин!

Миха рано радовался — полоса препятствий здесь все же наличествовала. Ею являлась ближайшая гора. Здесь не было ничего искусственного, никаких стальных рамок или веревочных канатов, только естественное, настоящий бурелом и рытвины, на которых очень легко было вывихнуть ноги.

С другой стороны, понапрасну тоже не гоняли, и не требовали наматывать эти отупляющие круги на ровной площадке, отбивавшие силы самой монотонностью. Тут просто — преодолел трассу и все: как-никак, психологически гораздо легче. Хотя к концу трассы большинство новобранцев валились с ног. Но силы быстро восстанавливались, солдат пичкали витаминами, что было прописано в контракте.

— Ну что, дохлики, теперь все в десятый бокс.

— Ох, не люблю я этот бокс, — выдохнул Медведь. — Мне после него кошмары снятся.

— Аналогично, — подтвердил Миха.

Рота строем прошла в специальный ангар, поделенный на отдельные кабинки, напоминавшие кабинет стоматолога. Они были хорошо звукоизолированы, и все в них было предусмотрено так, чтобы ничто не мешало процессу.

Когда солдат привели сюда в первый раз, сержант, показывая на кресло, очень похожее на зубоврачебную кушетку, но обвешанное различными блоками и оснащенное шлемом, сказал:

— Это комплекс ускоренного обучения. Вы после усиленной тренировки, как сейчас, вводите в гипнотический транс, и начинается процесс обучения через вот этот симпатичный шлем. Компьютер работает с вашим подсознанием. Получается очень быстро и качественно. Сразу после сеанса проводятся практические занятия по закреплению.

— Господин сержант, разрешите вопрос?

— Разрешаю.

— А почему эту систему не используют в обычных войсках, если все так просто?

— А потому, боец, что нам не нужны сотни тысяч отморозков, которые вернутся после службы домой и начнут резать каждого, кто на них косо посмотрел. Вы, демобилизовавшись, будете каждый день отмечаться в полиции как потенциально опасные лица. Кроме того, существует побочный эффект, — продолжил сержант Одиссон. — Как известно, солдату после службы в действующих войсках снится война, но после хорошего курса лечения он приходит в норму, и воспоминания становятся не такими яркими. Здесь же будет все гораздо сложнее, война будет преследовать вас всегда, даже на войне. Маньяков можно не спрашивать, а вот что обычно снится тебе, солдат?

— Мне? — переспросил Миха.

— Тебе.

— Ну это, — стушевался Миха, — дом снится.

— Правильно, это отличает нормального человека от морального уродца. Так вот, после того как ты сядешь в это кресло, война будет сниться тебе всегда, сынок. Даже после курса реабилитации для ветеранов. Многие не выдерживают и возвращаются на войну либо спиваются и умирают под колесами грузовиков или бросаются с высотных зданий. Да мало ли как еще кончают с собой? В общем, не многие ведут нормальный образ жизни. Это касается всех. Потому сразу об этом предупреждаю, и если кто-то хочет отказаться, пусть делает это сейчас, потом будет поздно.

Строй не шелохнулся. Половину из них и так мучили кошмары, хотя было неизвестно, относятся ли они к ним как кошмарам или же как к захватывающему фильму, который показывают каждую ночь в различных вариациях. И который они пережили в реальности. Вторая половина не ушла: либо не поняв сказанного и подумав: «Уж со мной-то этого не случится, я же не слабак какой-нибудь»; либо не могла уйти из-за перспектив хоть на годок пораньше смыться из армии с чистой совестью и толстой пачкой денег в кармане.

Миха уже привычно лег в кресло и устроился поудобнее. Оператор надел шлем и засел

за свой пульт. Физическая усталость перешла в усталость эмоциональную, и Кемпл как-то разом провалился в сон. Были какие-то звуки и смутные видения. В глазах пульсировал свет, меняя цвета.

Вся процедура занимала два часа. В течение первого часа шло программирование, а в течение второго человек просто спал и видел во сне то, что в его подсознание пытались впихнуть.

Миха видел себя каким-то монстром, быстрым и кровожадным. Он тихо и быстро двигался по лесу, увидел свою добычу — людей. Группа, сидящая у костра и что-то весело обсуждающая.

Миха крался как кошка, ни одна веточка не хрустнула под ногами, ни один камешек не шелохнулся. Человек находился к нему спиной, вглядываясь в темноту через какой-то прибор.

Часовой так и не заметил его, хотя сидел в умело сооруженном секрете. Коготь-нож в его руке вошел под левую лопатку человека. Часового пронзила сильная судорога, но ни одного звука из горла так и не вылетело. Обмякшее тело еще падало в кусты, а Миха-зверь уже снимал крайнего в группе, вырывая у него глотку, и врывался в основную гущу людей. Тот был последним из пяти часовых.

Люди нелепо и заторможено махали руками, пытаясь дотянуться до оружия, которое лежало у них буквально под ногами, но все было тщетно. Миха убивал их одного за другим, вспарывая животы или вонзая коготь в глаз, доставая до мозга.

Все враги были повержены. Миха-зверь встал в центре побоища, протянул руки к луне, висевшей прямо над его головой, и гулко зарычал. Постепенно тело его трансформировалось обратно в человеческое, а рык переходил в крик.

От этого крика он и проснулся. Оператор привычно подошел к своему подопечному и снял шлем. К крикам он уже давно привык, хотя поначалу, когда перешел на эту работу, боялся, что вставший солдат убьет его, как врагов в своем безумном сне. К тому же прецеденты имелись.

— Все в порядке, солдат, вот вода.

— Спасибо, — поблагодарил Миха и одним махом осушил литровый стакан воды.

Кемпл на дрожащих ногах добрался до столовой, где подкрепился высококалорийной пищей. Здесь были почти все, но выглядели не лучше его самого. Чего нельзя было сказать о пяти маньяках. Они выглядели гораздо лучше и живо обсуждали между собой свои видения. Нормальные люди сейчас старались между собой не общаться. «Настоящие маньяки, — устало подумал Миха. — Такое впечатление, что им это даже нравится».

Только после таких снов Миха понял, о чем предупреждал их сержант-инструктор Одиссон. Хотя первые сны были вполне нормальными, там он был самим собой. Но чувства сожаления о своем поступке так и не возникло.

После еще одного часа отдыха начиналось практическое закрепление материала, которое называлось слишком обыденно для кошмара: «Снятие часового».

61

Обучение продолжалось, а значит, продолжались кошмары. Хуже всего было то, что они повторялись ночью. Люди в холодном поту, с криками вскакивали со своих коек, но остальные солдаты только лениво переворачивались на другой бок, мысленно благодаря вскочившего за секундную передышку от собственного кошмара. Хотя большинство даже не просыпалось от чужих криков, путая их с теми, что звучали в их мозгу, когда они или им отрывали головы.

— Че ты лыбишься, урод! — не выдержал Кружкин пристального взгляда одного из тех, что называли маньяками, и вскочил со своего места.

— Да так, — ответил один из них. — Ты так громко и часто кричал сегодня ночью. Вот мы и думаем, что тебе снилось. Не расскажешь?

- Да пошли вы.
- Тебя там что, за яйца хватало?!
- Ах ты, гад! — Кружкин бросился на своего обидчика со столовым ножом.
- Кружка, стой! — крикнул Миха, пытаясь остановить приятеля.

Но того ослепила злоба. К концу обучения все ходили на нервах, хотя это не сказывалось на полученных навыках. Завязалась короткая драка, и Кружкин был отброшен пятью приятелями.

С тяжелым вздохом встал Миха Кемпл, а за ним и Медведь. Нужно было спасти честь товарища и всей группы. Из-за своих столов поднялись еще пять человек.

Миха осмотрел свою компанию, что сложилась за время обучения, и вздохнул еще раз, но уже про себя. Поднявшиеся были из числа слабачков, но все имели свои сильные стороны; впрочем, в драке против этой пятерки помочь не могли.

Пятерка это тоже отлично понимала, восемь человек не представляли для них слишком большой проблемы.

— Радист, подрывник, снайпер, — стал перечислять своих противников один из маньяков по прозвищу Скелет. — Пулеметчик...

— Сапер, наводчик, гранатометчик, — подхватил эстафету Скелета Хирург. — И только один более-менее нормальный боец. Но и он, откровенно говоря, недотягивает до нашего уровня.

Пятерка засмеялась, отлично понимая, что им работы на две минуты.

— Может, дадим им ножи? — предложил Топор. — А то неловко как-то, право слово.

«Суки, — подумал Миха. — Но они правы, нам не устоять. В рукопашной они лучшие бойцы во всей роте».

За всей этой ситуацией со стороны наблюдал сержант Одиссон и начальник центра переподготовки полковник Брамвей. Изображение на мониторе было не очень хорошим, что объяснялось плохим расположением следящей камеры, но по-другому не получилось. Солдаты считали своим долгом и чуть ли не личным подвигом найти и уничтожить видеокамеру, и никакие наказания не могли их отвлечь от этого вредоносного занятия.

— Что думаешь, Кларк, как они поступят?

— Не знаю, сэр. Как группа они довольно сильны и дополняют друг друга, но в рукопашной довольно посредственны. Выделить можно троих: Ломонос, Кот и Чинк.

— А кто у них главный?

— Кот, пехотный ефрейтор. Правда, еще Ломонос, он был сержантом, но попал сюда уже разжалованным. Кот больше по разминированию спец, у него прямо-таки нюх на мины, — ответил сержант, глядя в экран. Там по-прежнему сохранялась неопределенная ситуация.

— Три против одного, что полезут в драку, — сказал полковник.

Сержант молча положил на стол один реал.

— Хитрец, — только и сказал Брамвей.

— Ладно, — услышался из динамиков голос Кота. — Нужно уметь проигрывать.

— Но, Кот...

— А ты что, Чинк, предлагаешь нам действительно за ножи взяться? Позору потом не оберешься. Это же прирожденные убийцы, каждый из них убил кучу людей, а здесь их инстинкты натаскали с помощью этого «зубного кресла», их даже кошмары по ночам не мучают. А если и мучают, то им даже приятно.

— Умное решение, — похвалил полковник.

— А им ничего и не остается, — сказал сержант. — Это действительно одни из лучших по тем выпускам, что я проводил.

— Даже так? — удивился полковник.

— Извини, Кот, ты прав, — сказал после долгой паузы Чинк.

— Засели?..

— Слушай, Скелет, не нарывайся. Мы свое от вас, конечно, получим, но и тебе по репе

настучим. Мало не покажется.

— Ладно-ладно, как говорится: проехали, приносим свои извинения.

Солдаты сели и продолжили свой обед как ни в чем не бывало.

— Держи, сержант, заработал, — сказал полковник, протягивая три реала.

— Спасибо, сэр. Господин полковник, как насчет разнарядок, пришли? А то до выпуска осталась всего неделя, а мне нужно составлять рекомендации.

— Совсем забыл, — сказал Брамвей и достал из папки распечатку.

— Спасибо, сэр.

Полковник не уходил, и сержант принялся изучать содержимое при нем. На все он потратил минут пять, после чего Брамвей спросил: — Ну что, разобрался? — Да, сэр, в большинстве случаев все предельно ясно и не составит особых хлопот.

— Колись. — Я уже сейчас знаю, кого в какую группу отправить, в большинстве случаев я лично знаком с их командирами. Но есть лишние, придется набрать новую группу из новичков.

— Пятерку будешь доукомплектовывать?

— Нет, сэр, слишком гремучая и неконтролируемая смесь получится. Их я разбросаю по группам.

— Тогда остается команда Кота. Не слабоваты? Он, конечно, умен, но, откровенно говоря, они не производят впечатления.

— Ничего, освоятся. Из них еще выйдет толк. Хотя если по-хорошему, то их нужно было бы комиссовать обратно в части, но такое уже давно не практикуется. К тому же недавно погибла одна из групп, нужно восполнять потери.

— Кстати, у нас нет лейтенанта для этой группы. Чужого со стороны в уже сформировавшейся группе они не примут, сразу видно: официально подчинятся, а доверять не будут. — Ничего страшного. Повысьте Кота до сержанта, а там поглядим, — предложил сержант Одиссон и, увидев недовольное лицо полковника, добавил: — Сержантские группы тоже есть, и работают не хуже, чем стандартные с лейтенантами и капитанами во главе. А у этого даже награда есть.

— Ну-ка. — Полковник взял в руки личное дело и раскрыл его на странице «Награды».

— Ха! За отлично проведенную переправу...

— Переверните листок, там написано, за что дана награда.

— Это уже серьезно. Ладно, уговорил. Готовь документы.

Полковник собрался уходить, когда весь экран заняла чья-то заинтересованная морда, и монитор погас, вызвав негодование сержанта.

— Вот скоты! Уже двадцатую камеру раскурочили!

62

Последние несколько дней до окончания обучения солдат к «стоматологу» не водили. Вместо этого с ними беседовали полковые психиатры.

— Что вы видите, милейший?

Миха Кемпл уставился на картинку в руках доктора, но, кроме черного симметричного пятна, ничего не увидел. Видя затруднение солдата, доктор настаивал:

— Ассоциации? Может, на что-то похоже?

— Пятно и пятно, — буднично сказал Миха. — Не лишнее симметрии. На задницу смахивает.

— Оч-чень хорошо, — сказал доктор и вытащил из стопки новую картинку. — А что вы видите здесь?

— То же самое — пятно. Может быть, на болото походит с Вимей, откуда я родом.

— Очень хорошо.

Такой допрос продолжался с полчаса, после чего доктор Миху отпустил. «Вот ведь докопался как, — нервно подумал Миха, выходя из кабинета психиатра. — Что вижу, что

вижу?! Кровь я там вижу! Море крови!»

В небе послышался гул легкого вертолета. Машина приземлилась, и из нее вышли два человека. Легкой, слегка крадущейся походкой они направились к административному корпусу, к полковнику Брамвею. Цель визита подобных людей была известна, улетали они, как правило, с пополнением.

— О, снова покупатели приехали, — догадался Медведь. — Ну что там?

— Да все, как обычно, — отмахнулся Миха. — Картинки под нос совал...

— Вот и мне тоже. Под конец я ему хотел в морду дать, но удержался.

— Молодца...

Миха слушал Медведя вполуха, его больше интересовали прибывшие «покупатели». Оба были командирами групп, но, подойдя поближе, Кемпл испытал легкое разочарование. Лейтенанта Джереми среди них не было. Почему-то он хотел попасть именно к нему.

База изрядно опустела. Половину людей уже разбросали по местам службы. За некоторыми, как, например, сейчас, прилетали командиры собственной персоной, но большинство отбывали по распределению сержанта Одиссона.

Еще через пару дней на базе осталось двадцать человек. Утром очередной вертолет забрал пятерых и, как только он улетел, из динамиков в казарме раздался голос сержанта Одиссона:

— Личному составу построиться на плацу.

— Ну вот и наш черед пришел, — заметил Медведь.

— Или взащей решили выгнать как не отвечающих требованиям высокого звания «берсерка», — предложил Миха.

— Типун тебе на язык!

— Молчу, молчу!

Оставшиеся пятнадцать человек построились в линейку. На плацу их уже ждали сержант-инструктор и полковник.

Миха не знал, что думать — если больше никого нет, то командира им не дали и, наверное, решили расформировать. Впрочем, все сомнения рассеял сержант Одиссон.

— Рядовой Кемпл, выйти из строя.

Миха отчеканил три шага и вытянулся в струнку.

— Поздравляю вас с внеочередным званием, сержант, — проговорил полковник и протянул документы.

— Спасибо, сэр!

— Это еще не все... — Брамвей пожевал губами, как бы сомневаясь, стоит ли говорить то, что он собирался сказать, но выбора не было, и он продолжил: — Принимай под свое командование группу. — Полковник показал на строй, оставшийся позади Кемпла.

Миха оторопело развернулся: на такое он, ясное дело, не рассчитывал.

— В двадцать один ноль-ноль за вами прибудет вертолет: сегодня же отправляетесь на задание, на внутренний кордон. Более полные инструкции вам выдадут перед отлетом. А теперь командуйте, сержант.

— Есть, сэр!

Миха повел теперь уже своих людей обратно в казарму. Следом за ними вошел сержант Одиссон.

— Поздравляю.

— Спасибо, сэр, — ответил на рукопожатие Миха.

— Для тебя я уже не сэр... Я чего пришел... твоей группе по штатному расписанию необходимы ефрейтор и капрал. Тебе нужно кого-то порекомендовать мне, а я через час сделаю все документы.

— Мне, порекомендовать?

— Тебе, тебе.

Кемпл оглянулся на своих людей.

— Тогда пускай Ломонос будет капралом, а Медведь — ефрейтором.

- Согласен. Можете пришивать новые лычки.
- Спасибо, сэр!
- Разрешите пойти за лычками к каптеру, сержант? — предложил Ломонос.
- Идите.

Заодно, кроме лычек и шевронов спецотряда «берсерк», они получили оружие, боеприпас и снаряжение. Все перепроверили и стали ждать вертолет.

63

Миха наблюдал за тем, как над площадкой, где его всего несколько часов назад произвели в сержанты, завис десантно-штурмовой вертолет. Турбины смолкли, и вертолет грузно опустился на бетон. Амортизаторы стоек смягчили удар, и показалось даже, что винтокрылая машина подскочила на месте.

Отделение Кемпла стояло полностью экипированное, со всеми необходимыми приборами и припасами в рюкзаках. Не говоря уже об оружии.

— Обож-жаю! — выкрикнул пилот, чуть не вывалившись из открывшейся кабины. — Это вы?

— Что мы? — не понял Кемпл.

— Вы грузитесь?

— Мы.

— Тогда залезайте, прокачу с ветерком! Не бойтесь, я не пьян.

— Вот псих, — чуть слышно сказал Медведь. — Уж лучше он был бы пьян. А то так нам совсем хана.

— Полностью с тобой согласен.

— Ну долго еще ждать? А то мне в бордель успеть надо. Сегодня работает малышка Ми.

— Ладно, ребята, по местам.

Солдаты трусцой направились к вертолету, чуть пригнувшись, инстинктивно оберегая голову. Лопасты вращались в холостом режиме, а двигателя при этом почти не было слышно.

— А ты чего не лезешь?

— Директивы жду.

— Знакомая ситуация, бюрократы, мать их...

— Да нет, просто ты раньше прилетел.

— Это уж как получилось, — развел руками пилот. — Кстати, вон они, ваши директивы, бегут.

От штаба к вертолету бежал сержант Одиссон с пакетом в руках.

— Чумной, ты чего так рано? — спросил сержант пилота.

— Сегодня малышка Ми работает.

— Понятно. — Казалось, сержант действительно знал, о чем идет речь. — Народу, наверное, будет немерено?..

— Ничего, я шестым записан.

— Неплохо. — Одиссон отвернулся от пилота и обратился к Кемплу: — Вот, Кот, твое задание и прочая сопутствующая информация. Откроешь по прибытии на место.

— Ясно.

— А это тебе координаты высадки. — Сержант протянул листок пилоту.

— Кларк, очумел?! Я же не успею! Туда лету часа два!

— А ты постарайся. Или другую сними.

— Мне не нужна другая...

— Чумной, а ты, случайно, не влюбился? — подозрительно спросил Одиссон и заулыбался.

— Сдурел! Хватит лясы точить, садись, солдат, танец будет не из медленных, — сказал пилот и стал разгонять винты.

Миха залез в объемное брюхо машины, но пилот жестом пригласил его на место второго пилота, по непонятным причинам отсутствующего. Кемпл принял предложение и, немного повозившись, забрался на сиденье и еще не успел пристегнуться, как машина оторвалась от земли.

Миха ударился головой о боковое стекло и длинно выматерился, поминая всех предков пилота, чему он был только рад.

— Весело, да?!

— Ты рули, рули...

— Нет проблем.

Пилот заложил крутой вираж, в салоне что-тобрякнуло, и послышался не менее витиеватый мат в адрес тех же предков пилота.

Вертолет набрал большую скорость и буквально стелился над лесом, огибая все неровности ландшафта. Впереди появились горы, и пилот повел машину прямо на них. Михаил стал чувствовать себя неуютно, когда прямо на него надвигалась скалистая стена, но машина резко ушла вверх, чуть не задев хребет скалы.

— Не лихачь, — попросил Михаил.

— Это еще что! — протянул пилот и мечтательно продолжил: — Вот если бы на «СД-7» полетать.

— А что там? — спросил Кемпл и тут же пожалел о своем вопросе.

— Мечта, а не машина! Реактивные турбины «Би Джей», складывающиеся лопасти наподобие крыльев, почти самолет!

Миха перестал обращать внимание на треп пилота, прислушавшись к своим ощущениям. На очередном вираже, когда вертолет буквально падал в пропасть и появилось чувство невесомости, захотелось сблевануть: обед просился наружу, но Михаил, сглотнув ком, мужественно подавил рвотный позыв.

— Может, посмотрим, что тебе там дали? — продолжая виртуозно управлять вертолетом, спросил пилот, повернувшись к Кемплу.

— Чего дали?

— Пакет.

— Это задание, и разглашать посторонним его я не собираюсь. И лучше смотри на дорогу, а то, не ровен час...

— Да это же обычная халтура. Внутренняя зона, погоняют вас по внутреннему периметру, чтоб обвыклись, и только-то.

— Тем более. Если все знаешь, зачем спрашиваешь?

— Да просто так...

Вертолет продолжил свой стремительный полет. Далеко в стороне показался город и исчез. Пилот слегка занервничал, частенько поглядывая на радар, и в два раза чаще от борта машины стали отлетать противоракетные шашки.

Но ничего не произошло. Вертолет вышел в заданный район и приземлился на небольшой полянке, почти на самой макушке горы.

— Ну вот и все, здесь моя работа заканчивается, уложились в час двадцать одну. Может, еще и успею. Желаю удачи... «берсерк».

— И тебе быстрее добраться обратно... Вертолет, не задерживаясь, взмыл в небо.

64

Высидившаяся группа построилась в походный порядок и, согласно инструкциям, шла от места высадки в течение двадцати минут.

— Ну все, хватит, — сказал Кемпл, когда солдаты вышли на более-менее ровную площадку.

— И то верно, а то бежим незнамо куда, — согласился Ломонос. — Кстати, что там за

задание нам дали?

— А вот сейчас и посмотрим.

Миха снял рюкзак и вытащил пакет с инструкциями.

— Так, что тут у нас? — пробормотал Миха, вытаскивая стопку карточек. — Так, это тебе, Чинк Ты у нас радист, а это твои коды и прочие позывные.

Затем Кемпл вытащил карту, а вместе с ней листок с инструкциями и принялся его читать.

— Ну что там, Кот?

— Патрулирование вот этого района. — Миха показал на карте, какого именно. — Над ним пролегает воздушная трасса. Сообщается, что в последнее время в районе отмечали следы деятельности бандформирований. Предполагается, что здесь скрываются боевики с зенитными комплексами, намеревающиеся затруднить перемещение авиатранспорта. Нам нужно обезвредить эту группу в кратчайшие сроки.

— Это все? — спросил Ломонос.

— Здесь еще говорится, что в этом же квадрате бродят еще две группы десантников с аналогичным заданием и для усложнения задачи мы должны их обнаружить, о чем доложить в штаб и ни в коем случае не быть обнаруженными ими, так как о нашем обнаружении они тоже доложат в свой штаб. Теперь все.

— Пилот был прав, это халтура, — лениво протянул Медведь.

— А ты откуда знаешь, что говорил пилот? — удивился Кемпл.

— Так в салоне наушники были, мы их надели, а он, видимо, забыл отключить внутреннюю связь.

— Понятно.

— Куда направимся? — оживленно поинтересовался Ломонос. — На запад или на восток? Там что-нибудь про это сказано?

— Нет.

Однако Кемпл решил еще раз перечитать инструкцию. Он успел просмотреть первый абзац, как бумага стала скукоживаться и чернеть. Миха инстинктивно бросил лист на землю. На земле процесс пошел еще быстрее, вскоре бумага превратилась в невесомый пепел, и легкое дуновение ветерка разбросало его.

— Вот так дела.

— Так куда пойдем?

— Раз по этому пункту четких инструкций не было, то пойдем на запад.

— А может, на восток? — вкрадчиво предложил Ломонос.

— А чем тебе не нравится запад?

— Да в принципе разницы нет, но я предлагаю восток.

— Ты чего-то темнишь, капрал! Саботаж решил устроить, подорвать доверие к командиру?

При последних словах Кемпла Медведь криво усмехнулся и, обращаясь к Ломоносу, пробасил:

— Не советую...

— Ничего я не темню, просто мне больше нравится идти навстречу солнцу.

Кемпл не понял в чем дело, но по лицам некоторых солдат понял, что тем тоже больше нравится восточный вариант. На бунт это действительно походило мало. Спрашивать их, почему, было бессмысленно, и он сказал:

— Ладно, хрен с тобой, идем на восток.

Первые дни отряд двигался катастрофически медленно, и Кемплу казалось, что их звук шагов слышен на многие километры вокруг. Хруст веток под ногами, несдержанный вскрик какого-нибудь бойца, подвернувшего ногу. Мат идущего позади, из-за того что по лицу ударила ветка, не придержанная впереди идущим. Все это демаскировало группу. «Стадо баранов, впервые попавших в лес», — зло подумал Миха Кемпл.

— Это тебе не курс по выживанию в километре от базы, — подтвердил мысли Кемпла

Медведь.

Впрочем, еще пара дней мучений, и группа научилась ходить гораздо тише. Для этого пришлось провести разъяснительную беседу и напомнить всем о том, как тихо они ходили на учениях. — Или сегодня же поворачиваем обратно и топаем на запад, — пригрозил Миха, и, как ни странно, это сработало. На следующий день отряд двигался в абсолютной тишине.

«Да что такого там, на востоке, чего нет на западе? — в который раз удивился про себя Кемпл. — Что они задумали, поганцы?»

65

Однажды вечером отряд поднялся на хребет очередной горы, и в долине стали видны огни довольно большого города. С этого места нужно было поворачивать обратно.

— Дошли, — сказал Ломонос.

— В смысле? — спросил Миха. До него стало медленно доходить.

— Понимаешь, сержант, по всем правилам у нас должен был быть отпуск...

— И ты хочешь сходить в самоволку? — скорее утвердительно сказал Кемпл. — В город?

— Можно и так сказать.

— Тебе в детстве случайно на голову кирпич не падал? А то, бывает, идешь по городу, никого не трогаешь, а тебе сверху бац!..

— Да ладно тебе, Кот, наше задание — самая настоящая халтура. Дали нам, чтобы лишь что-нибудь дать, и все.

— Даже если и так, это ничего не меняет. Представь себе, идут по городу пятнадцать человек «берсерков», коим вообще запрещено входить в город, в полном боевом снаряжении, и спрашивают у первого попавшегося прохожего: «Слышь, браток, где тут у вас самая большая расслабуха? У нас, видишь ли, отпуск». Спятил, что ли?!

— Снаряжение мы здесь оставим, — предложил Ломонос. — Замаскируем все, ни одна крыса не отыщет.

— А шевроны? Или ты их предлагаешь спороть? Да нас первый же попавшийся военный патруль загребет как крайне подозрительных личностей в военной форме и без знаков различий.

— С этим тоже нет проблем. Земену удалось раздобыть как раз пятнадцать шевронов пехотинцев, нашьем их поверх наших, и все шито-крыто.

— Ну ладно, — произнес Миха, почти сдавшись. — А как насчет денег? Или ты предпочитаешь отовариваться за «большое человеческое спасибо»? Ато знаешь, я как-то денжат не прихватил. Не подумал о том, что в лесу с белками придется за орешки расплачиваться.

— Это была самая сложная часть моего проекта, — признался Ломонос. — Но везде можно найти выход. Вот три пластиковые карточки, на каждой по двести пятьдесят реалов, по пятьдесят на, брата. Это примерно каждому по две не слишком дорогих шлюхи. Деньги отдадите потом, после выдачи зарплаты.

У солдат это вызвало бурю восторгов, и Кемпл вынужден был признать, что поход в город неизбежен. «Что ж, — решил Миха. — Сходим в город, повеселимся, но потом все будет по-моему».

— Ладно, но потом подобные штучки не пройдут.

— Лады, — согласился Ломонос, снимая с себя бронежилет. Его примеру последовали остальные.

Всю амуницию зарыли в землю и аккуратно замаскировали кусками дерна, так что, если не приглядываться специально, заметить было невозможно. Шевроны с белыми черепами «берсерков» прикрыли новыми пехотными, с собачьими головами. Из оружия решили ничего не брать, даже ножи.

Группа скрытно пробралась к городу, обойдя несколько блокпостов. Минные

заграждения теперь не представляли для них такой уж большой проблемы, тем более что минные сектора были не такими большими, как на базах, что объяснялось близостью гражданского населения и его «тупостью».

— Так, встречаемся здесь же, ровно через двадцать четыре часа, — сказал Кемпл, когда его отряд произвольно разбился на три мелкие группы. — В центральную часть города, от греха подальше, не суйтесь. А теперь пошли.

Ночная жизнь была для Михи Кемпла в новинку. У себя на Вимее он только работал, поздно вечером трясаясь от страха, возвращаясь домой, и ни о каких ночных развлечениях даже не помышлял. Так что он просто глазел по сторонам на яркие привлекающие рекламные вывески.

— Убогий городишко...

— Что поделать, провинция-с...

— Куда пойдем, командир? — неожиданно спросил Медведь.

Кемпл посмотрел на четверых своих солдат. Они знали, куда им идти, но требовалось соблудности субординацию. Миха не стал их разочаровывать и задерживать. Хотя сам не испытывал особого желания тащиться в бордель, но все же сказал:

— По бабам, конечно.

— Вот это правильно, — сказал пулеметчик по кличке Бур.

— В какой пойдем?

— Их тут всего два. «Белая роза» и «Красная роза», нам в «Белую».

— Почему?

— Потому что «Красная» для офицеров, ну и дороже соответственно.

— Идем.

Бур уверенно повел группу по переулкам, и у Михи сложилось стойкое впечатление, что Бур здесь уже был, и не раз. Однажды им встретился патруль, но проехал мимо, косо посмотрев на солдат и не став придирааться.

«Белая роза» располагалась в центре улицы, и вокруг здания толпилось множество солдат, но преимущественно пехотинцев и десантников. «Ох, не нравится мне это», — подумал Кемпл.

— Интересно, а для гражданского населения бордели есть? — вдруг поинтересовался Кемпл.

— Конечно, — ответил всезнайка Бур. — «Черная роза» называется.

— Почему «Черная»?

— Потому что для шахтеров.

— Понятно.

Солдаты вошли в здание и, не спрашивая разрешения, стали разбирать свободных от работы девиц, сидевших на высоких стульях перед барной стойкой.

— Командир?

— Что? А, сейчас.

Делать было нечего, и Миха, выбрав проститутку поприглядательней, подошел к бармену расплатиться. Только Миха вытащил карточку, как увидел недовольное лицо бармена.

— Лучше бы наличкой.

— Оно и понятно, но налички нет.

— Да вы что сегодня, сговорились все?

— Ты это о чем?

— До вас приходили такие же две шустрые группы и расплатились карточкой.

Солдаты поняливо заулыбались. Все его «берсерки» были здесь.

— Ну так будешь принимать или нам бесплатно повеселиться?

— Буду, — буркнул бармен и вытащил считывающее устройство.

— Так-то лучше.

Кемпл рассчитался, а когда оглянулся, то его солдат как ветром сдуло.

— Ну пошли, что ли, как там тебя?..

Когда через положенный час Миха освоботился, его солдаты сидели за стойкой с новыми подругами, поджидая своего командира.

— Кот, ну ты чего как неживой? Утомился, что ли?!

— Да нет.

Лицо бармена-сутенера выглядело крайне недовольным, и он со стуком поставил счетчик. «Значит, наши уже отоварились по полной», — догадался Миха. И валяющаяся на полу карточка была этому подтверждением.

— У вас на карточке ноль, — предупредил бармен.

— Ну и ладно.

Все повторилось по новой. На этот раз Миха действительно устал и, выходя из коридора с маленькими комнатками в общий зал, не сразу заметил своего старого знакомого. А вот у того с памятью было лучше.

66

Десантник пер через весь зал, расталкивая народ с явным намерением расквитаться с обидчиком. Кемпл понял, почему этот идиот был столь решителен: на погоне у него красовались две полоски. «Значит, стал капралом и решил проучить несчастного ефрейтора», — догадался Миха.

Десантник приблизился и остановился, словно наткнувшись на невидимую стену: перед ним, вместо ефрейтора, стоял сержант. Решимости у парня явно поубавилось, но недостаточно, к сожалению. К тому, же к своему приятелю спешила знакомая парочка подхалимов, и требовалось играть взятую на себя роль крутого парня.

— Давай не будем, а? — начал миролюбиво Миха Кемпл. — Мне прошлого мордобоя хватило.

Видя, что капрала его речь не тронула, Миха добавил:

— Зачем портить людям маленький праздник? Оглянись вокруг, видишь, десантников поменьше будет, чем пехоты.

— А кто тебе сказал, что мы испортим им праздник? Может, они даже рады будут?

— Ну не знаю, — с сомнением пожал плечами Миха. — Это ж насколько надо любить драку, чтобы отказаться от женщин?

— Ладно, с-сержант, — с презрением произнес десантник, поворачиваясь. — На этот раз ты легко отделался.

«Знал бы ты, как тебе повезло, что не сцепился с нами», — с усмешкой подумал Миха, когда тройка удалилась с многозначительным видом.

Глазами Миха отыскал всех своих людей, они оккупировали дальний уголок со столиком и пили пиво. Миха подошел к ним и спросил:

— А пиво на что приобрели?

Вместо ответа Мокрый — солдат, севший за воровство с непредумышленным убийством, достал кредитную карточку и тут же ее убрал.

— Стибрил?

— Угу...

— Ну что мне с вами делать, а?

— Выпить пива, — предложил Ломонос и громко крикнул: — Бармен, еще одно пиво!

Принесли пиво, и Миха сел за стол. Не успел он опустошить бокал и наполовину, как Ломонос спросил:

— Кот, ты, случайно, ни у кого девочку из-под носа не уводил?

— Вроде бы нет, а что?

— Да тут один к нам прет как ледокол, а за ним целый взвод таких же придурков.

Кемпл повернулся и тут же, без всяких разговоров и предупреждений, получил сильный удар в лицо, от которого рухнул на стол, смахнув рукой все бокалы с пивом, а затем

упал вместе со столом. Перед этим Кемпл успел заметить искаженное злобой лицо знакомого десантника. Видимо, он не удержался, и злоба, точившая его изнутри многие месяцы, как назойливый червяк яблоко, нашла выход.

— Мы пехотинцы, — только и успел предупредить Миха своих солдат за секунду перед свалкой.

В сторону полетели стулья и близстоящие столы, и началась заварушка между псевдопехотинцами и десантниками.

— Остановитесь! Остановитесь! — истошно кричал бармен, но его никто не слушал.

Драка разрасталась, как снежный ком, в нее втягивались все новые люди, у которых уже давно чесались кулаки, но не представлялось повода. И вскоре дрались между собой солдаты, что всего минуту назад мирно разговаривали друг с другом, угощая новых знакомых дешевым пивом и сигаретами.

— Вот черт! — выкрикнул десантник, нечаянно сорвав с Михино плеча фальшивый шеврон и обнаружив «белый череп».

Кемпл одним ударом нокаутировал десантника и, прикрывая плечо, крикнул:

— Уходим!

«Берсерки» перестали бить вполсилы, и каждый новый удар надолго выводил десантников из строя. Те валились как подкошенные, а Кемпл тем временем со своей группой продвигался к выходу.

Послышался вой полицейских сирен, и в здание ворвались патрульные из военной полиции. Вломившись, они без разбору начали дубасить всех своими дубинками.

Миха ударил замахнувшегося на него дубинкой полицейского, и тот отлетел в сторону. Поверженного полицейского оттащили в сторону его товарищи, и тот стал что-то бормотать в наплечную рацию. Кемплу удалось прочитать по губам только одно слово: «Берсерки», но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что они раскрыты.

— Валим отсюда!

Группа Кемпла прорвалась сквозь кордон из полицейских. Патрульные снаружи еще не понимали, в чем дело, и потому не достали оружие. Что дало возможность пробраться сквозь заграждение беспрепятственно, отшвырнув в сторону парочку полицейских.

Отделение Кемпла рассредоточилось, растворяясь в ночной мгле по одному, по два человека. За некоторыми увязалась погоня. Такой же хвост обнаружил Миха.

— Может, морду им набьем в ближайшей подворотне? — на бегу предложил Медведь.

— Нет, просто отрываться будем. А то обозлим их до предела, а город они лучше нашего знают.

— Это не проблема.

— Не проблема, — согласился Миха. — Но остается надежда, что этот случай не дойдет до нашего командования и не будет расследования. Кто, как и почему пошел в город без разрешения.

— Это вряд ли.

— Тоже верно...

Кемпл, посчитав, что они убежали от преследователей достаточно далеко, вломился в неожиданно открывшуюся дверь, толкнув обратно выходившего из подъезда жильца.

— Не ори, — зажав рот затрепыхавшемуся мужичку, посоветовал Миха. — Не грабители.

Вскоре снаружи послышался топот гнавшихся за ними полицейских. Потом стих.

— Оторвались, — сказал Медведь. — А теперь что?

— Ничего. Посидим здесь.

— В подъезде?

— Действительно, сутки в подъезде — это не дело. Мужик, ты здесь живешь?

— Д-да...

— Ты не против, если мы у тебя денек посидим?

— Н-нет...

— Вот и ладошки. Веди.

Мужик, поддерживаемый Медведем, довел их до своей двери и дрожащей рукой пытался открыть электронный замок, но карточка-ключ никак не хотела попадать в разъем нужной плоскостью, и замок противно пиликал, мигая красной лампочкой.

67

Открылась соседняя дверь и оттуда выглянула холеная морда упитанного бачченца.

— Вахид, ты же знаешь, что религия запрещает пить, а ты опять наб...

Сосед замолчал, только сейчас заметив двух незнакомых людей, поддерживающих этого самого Вахида.

Не долго думая, Медведь дал в лицо соседу кулаком, другой рукой рванув дверь на себя.

— Придется пересидеть здесь.

— Пошли. Раз тут день открытых дверей. Кемпл затащил в квартиру Вахида и вошел сам.

Медведь закрыл дверь.

— Я всего лишь мелкий торговец, — запричитал очнувшийся сосед Вахида. — У меня ничего нет!..

— Заткнись! — рявкнул Миха. — Думаешь, военная разведка сидит и ничего не делает? Ты ошибаешься, нам все известно о твоих делишках, колись давай!

Кемпл нес всякую околесицу про разведку, понимая, что все эти арабийцы и сочувствующие им бачченцы так или иначе связаны друг с другом если не напрямую, то косвенно точно. И, ткнув пальцем в небо, с очень большой вероятностью можно попасть в цель.

— Ну что ты делал в пятницу вечером на улице Тамерлана?! Отвечать, тварь!

— Это какая-то ошибка! Я мелкий торговец, что мне делать у Тамерлана?!

— Кто такой Тамерлан?

— Ювелир.

— Ваш резидент? Глава вашей ячейки? — продолжал дожимать Кемпл.

— Какой резидент?! — не выдержал пленник. — Какая ячейка? Что вообще происходит?!

— Это вообще дом семьдесят два, квартира двадцать девять? — включив дурочку, спросил Кемпл.

— Нет-нет! Это квартира двадцать шесть.

— Оп, кажется, ошибочка вышла. И вы, стало быть, не Мандрид Махинецкий?

— Нет, я Джакоб Биджинт.

— Что ж, приносим свои извинения, Джакоб Биджинт, номером ошиблись. Знаете, темно на площадках, вот и спутали.

— А теперь вы уйдете?

— Увы, нам придется задержаться у вас еще на день.

— Но вы же сами сказали, что ошиблись.

— Я знаю, что я сказал, а теперь говорю, что мы останемся настолько, насколько нам понадобится. Предстоит повторная операция, мне нужно составить доклад, отправить его, получить ответ и ждать прибытия второй группы. Вас оставить нельзя до завершения акции. Вы и ваш сосед — свидетели и можете предупредить преступника вольно или невольно. Вам все ясно?

— Да, конечно.

Миха встал и подошел к Медведю, стоявшему все это время с грозным и многозначительным видом.

— Присмотри за ними, а я пока на кухню схожу. После такой беготни жрать охота, сил нет. Потом поменяемся.

После столь позднего ужина Кемпл сделал звонок в никуда и принялся отдыхать. Пленники сидели напротив, и Миха отслеживал каждое их движение. Под утро Вахид более-менее успокоился, видя, что резать их никто не собирается, а вот Джакоб, наоборот, становился все раздражительнее и начал обильно потеть. Впрочем, как только он заметил на себе испытующий взгляд, сразу успокоился.

— Ждешь кого? — спросил Кемпл, наблюдая за реакцией Джакоба.

— Нет, с чего вы взяли? — чуть поспешней, чем обычно, ответил Биджинт.

— Да так просто...

Утром Медведь от нечего делать начал обшаривать квартиру, и глаза у Джакоба забегали еще быстрее.

— Ты смотри-ка. — Медведь вынул пистолет и, немного порывшись в вещах, достал глушитель к нему.

— Это уже интересно. Ладно, пистолет, но глушитель...

— Это не мое.

— Ага, приятель попросил подержать, — ухмыльнулся Миха.

Раздался звонок в дверь, Джакоб отпрыгнул в сторону, но не успел дотянуться до тайника. Медведь оказался быстрее и перехватил Биджинта. Но этот толстый человек оказался не так-то прост, и Медведь с наглым хрипом отлетел в сторону. Кемпл еле успел отклониться от летящего предмета, и тот со стальным звоном ударился о стену, специфически завибрировав.

Кемпл кувыркнулся по полу и оказался рядом с Джакобом, ударил его по коленной чашечке и повалил на землю.

— Куда же мы все-таки попали? — вслух спросил себя Миха.

Ответ искать было некогда, и он пошел открывать дверь. Вся эта свалка заняла не больше пяти секунд. Кемпл рывком распахнул дверь и одним движением схватил посыльного, втолкнул в квартиру и только потом вырубил. Обыскав «гостя», Миха нашел дискету.

— Что здесь? — спросил Кемпл Джакоба.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ладно придуривайтесь. Не хочешь говорить, не надо. Одно не пойму: если у тебя была такая важная миссия, зачем ты открыл дверь? Молчишь, наверное, для поддержания образа простого человечка. Разумно.

Во время разговора Миха вставил дискету в терминал.

— Код нужен. Но ты ведь его не скажешь. По глазам вижу, что нет: будешь держаться до последнего. И нервного жалкого человечка ты тоже играл, я даже купился.

— Вы не из разведки.

— Нет, и я думаю, ты понял это с самого начала, но это ничего не меняет. Мы легко можем отдать тебя туда. Что на дискете?

— Вы даже не представляете, во что ввязались. Предлагаю вам просто встать и уйти. А что на дискете, я и сам не знаю.

— Вот и узнаем вместе. Код?

— Уходите.

— Ты знаешь, кто мы?

— Скорее всего, «берсерки».

— Молодец. А значит, должен знать, что просто так мы не уйдем. Времени у нас полно, и кое-кто хочет с тобой покончить. А допрашивать неразговорчивых нас учили, и смею надеяться, что мы хорошо выучили данные нам уроки.

Медведь навис над связанным пленником, тяжело дыша.

— Ну так что, будем говорить или?.. Ладно, начинай.

Медведь сходил на кухню и принес оттуда столовые приборы вместе с различными банками, как жестяными, так и стеклянными.

— Начнем с физического воздействия средней тяжести, — протянул Медведь. — А то

что-то говорит мне, что слабые воздействия ты выдержишь. Итак, ножи под ногти как тебе?

Пленник ничего не ответил, и Медведь принялся за работу. Вскоре из-под каждого ногтя торчал нож, а Биджинт только морщился.

— Интересно...

— Может, установка какая-то стоит, — предположил Миха.

— Все может быть. О! Сейчас мы это проверим.

Медведь нашел платок и завязал пленнику глаза. Только после этого Кемпл вспомнил, что при мозговых блокировках нужно завязать глаза пленному, чтобы он не мог видеть, что с ним готовятся делать, и мозг не успел подготовиться. Разумеется, не следовало говорить, что будет происходить, и вообще необходимо перекрыть все каналы доступа информации. Хотя сразу предупредили, что срабатывает это не всегда, но если сработало, то, значит, применили самую простую форму блокировки.

Медведь взял вилку и с размаху засадил ее в грудь Биджинта, раздался крик, блокировка была снята. Потом еще несколько ударов в руку и ногу, и с каждым разом крики звучали тише, блокировка снова начинала действовать. Тогда Медведь провернул несколько ножей под ногтями, и снова раздались жуткие крики.

— Код?

— Пошли вы...

Так продолжалось довольно долго, и Медведь успел использовать все имеющиеся у него средства вплоть до жестяных банок, из которых он вырезал орудия пыток.

— Я скажу! — не выдержал очередной пытки Джакоб. — Я скажу...

— Так-то лучше, — произнес Миха, введя пароль в терминал.

От пыток его самого чуть не стошнило. Миха был благодарен Медведю, что тот не попросил его ассистировать в этом деле. Джакоб больше походил на кусок мяса, попавший в газонокосилку.

— Что это? — спросил Миха, сняв с Джакоба повязку и показав на ряд цифр, горящих на экране терминала.

— Код.

— Для чего?

— Не знаю.

— Что ты должен был с этим делать? Говори, или мы продолжим наше маленькое веселье.

— Передать другому человеку.

— Сам код или дискету?

— Код.

— Когда он придет?

— Не знаю. Может, завтра, а может, через неделю.

— Верю. Но сам понимаешь...

Миха взял найденный пистолет и навинтил на ствол маленький глушитель. Раздались тихие хлопки, и Биджинт, дернувшись несколько раз, обмяк. То же самое Кемпл сделал с оставшимся свидетелем.

— И что теперь? — спросил Медведь, вытирая кровь с рук, как заправский инквизитор.

— Пойдем отсюда, — ответил Миха, на всякий случай забирая дискету с собой.

68

На место встречи Миха с Медведем прибыли одними из первых, застав там треть своей группы. Последними пришли Ломонос с Мокрым.

— Что так долго?

— Прятались.

— По твоей довольной роже видно, что прятался ты не в канаве.

— Обижаешь, командир. К индивидуалкам ходили.

— А деньги?.. Ах да — Мокрый, — догадался Миха и подозрительно спросил: — Никто никого не убил, часом?

— Да вроде нет, — ответил за всех Ломонос, оглянувшись на солдат.

— Тогда идем.

Группа прежним путем возвращалась в лес. Вперед послали разведчика, и тот вернулся с не слишком хорошими новостями.

— Кто-то копается в нашей амуниции.

— Кто именно, бородачи или наши?

— Наши, десантники, мать их...

— Куда ни плюнь... Ладно, пойдем познакомимся, но скрытно и без жертв.

Отряд добрался до места, где оставили свою амуницию перед походом в город и где сейчас орудовал аналогичный десантный отряд. Бронежилеты, оружие и все прочее было разбросано по поляне, некоторые солдаты уже занимались мелким мародерством, а кое-кто, уже взяв себе все, что было можно, с интересом осматривал тяжелые автоматы «корсар», картинно целясь в никуда.

Десантников было пятнадцать человек, что упрощало ситуацию, и Кемпл, скупыми жестами определив каждому цель, так же жестом скомандовал: «Вперед».

«Даже часовых не поставили, придурки», — успел подумать Кемпл.

«Берсерки» выскочили из своих укрытий и стремительно преодолели отделявшие их от десантников десятки метров. Драки не получилось, и всего через пару секунд после столкновения десантники лежали лицом в землю, не успев даже вытащить ножи, кто-то без сознания.

— Ох, как же ты мне надоел, — устало протянул Миха, перевернув одного из десантной группы на спину. — Где бы мы ни встретились — мордобой.

— На этот раз били только вы, — ответил десантник и, протянув руку, представился: — Браун Хичкок. Мы даже моргнуть не успели.

— Миха Кемпл. Сами виноваты, дозорных ставить нужно.

— Это не ко мне.

— Понятно. Где твой командир?

— Вон под тем бугаем. Он на нем сидит.

— Ясно. Медведь, поставь жертву на ноги.

— Хорошо, Кот.

— Мать вашу, всех под трибунал отдам!

— Не ори, лейтенант... Дюше, — прочитал нагрудную планку Кемпл. — Сержант Кемпл, отряд «Берсерк». В следующий раз дозорных ставь.

— В следующий раз так и сделаю, — пообещал Дюше и как-то сразу обмяк: слава о «берсерках» ходила недобрая даже среди военных. — Что делать будешь, ведь не убьешь же?

— А ведь мог бы, и никто бы не узнал, все свалили бы на бородачей. Ты уже доложил о находке? Только не ври, сказал же, не убью.

— Не успел. Но сам понимаешь, обязан это сделать. Или у тебя есть что мне предложить?..

— Шустрый какой! Но ты прав, есть.

— И что же?

— Если мы найдем группу бородачей первыми, мы отдаем их вам и забываем о существовании друг друга.

— А если нет?

— Если нет, то нет, и мы ищем другой способ расчета.

— Идет.

Кемпл вернулся к капралу, помог ему подняться и приказал развязать десантников.

— Значит, ты теперь «берсерк».

— Ну да.

— А тогда в орбитальном баре?
— Нет, тогда был простым пехотинцем, — сказал Миха и, вспомнив о шевроне, сорвал его с руки. — И он был настоящим.
— Подсудное дело... — из-за спины сказал лейтенант Дюше.
— Мы договорились или как?
— Конечно, договорились.
— Тогда пусть твой радист передаст свои позывные моему, и расходимся.
— Само собой, разумеется.
Солдаты еще долго собирали свои вещи, дав пару тумачков мародерам.
— Никто не найдет, никто не найдет, — иногда ворчал Миха, передразнивая Ломоноса.
— Теперь сам ни хрена найти не могу.

69

Отряд двигался по лесу уже неделю, и за это время вражеская группа совершила три попытки поразить летающие машины, но пока безуспешно.

Кемпл собрал военный совет.

— Так мы месяц бродить будем и ничего не найдем, — сказал Миха, вытаскивая свою карту.

— И что ты предлагаешь? — спросил Ломонос.

— Предлагаю обозначить наиболее возможные точки атаки и ждать там. Я который день башку ломаю, где может находиться лагерь бородачей! Вот карта, давайте обозначим самые вероятные огневые позиции, где бы мы сами устроили засаду, будь мы на их месте.

— Ну с макушек гор точно бить не будут, — сказал Ломонос. — Слишком легко засечь.

— Из глубоких ущелий атака также маловероятна, — сказал Медведь. — Слишком большое подлетное время, и если пилот не дурак, успеет уклониться и подорвать ракету.

— Правильно, — согласился Миха. — Остаются центральные части склонов. Ломонос, какой ты, сбил бы вертолет: тот, что летит из города, или, наоборот, в город?

— Наверное, тот, что из города, хотя кто поймет этих бешеных собак?..

— Я тоже думаю, что будут сбивать тот, что идет из города: значит, оставляем в покое западные склоны и сосредотачиваем все внимание на восточных. — Почему? — спросил Медведь. — Потому что прямо в лоб стрелять невыгодно, как и с макушек гор. У вертолета больше шансов засечь и раздолбать весь склон, откуда пустили ракеты. А вот залепить ракету в хвост куда безопаснее.

— Понятно.

— Склонов у нас на маршруте... та-ак... двадцать четыре.

— Одуреть. Даже если по одному человеку поставить, людей не хватит.

— Ну почему же, — не согласился с Медведем Ломонос. — Отбрасываем все уже засвеченные бородачами позиции. Я думаю, дважды с одного места они стрелять не будут... хотя кто их знает? Плюс отбрасываем округлые, этакое пологие горы. Остается двенадцать хребтов.

— Все равно многовато будет.

— Есть еще один способ сократить число позиций.

— Какой, Кот? — удивился Медведь.

— Десантники.

— Привлечь их в команду?

— Можно, конечно, и так сделать, но, боюсь, они не согласятся, да и командование, особенно наше, будет не в восторге.

— Тогда что?

— Использовать их пассивно.

— Это как? — теперь удивился уже Ломонос.

— Мы примерно знаем, где находится группа лейтенанта Дюше. Вот здесь, — ткнул

пальцем в карту Миха Кемпл.

— Точно, где-то здесь...

— Два дня назад мы видели следы десантников, второй группы. За это время они дошли примерно досюда. Боевики не будут стрелять с этих склонов, да и с ближайших тоже. Если предположить, что и наше местоположение им тоже известно, то исключаем вот эти два склона. В итоге остаются вот эти три дальних склона.

— Ну...

— Все сходится: два предыдущих выстрела производились отсюда и вот отсюда, когда ни одной из наших групп поблизости не наблюдалось. Они где-то там, — убежденно сказал Миха. — И наверняка готовятся к очередному делу.

— Слишком далеко.

— Придется прибегнуть к твоему методу, Ломонос.

— Это к какому же?

— Все лишнее оставляем здесь. Делимся на три группы и за три дня... стоп. Чинк!

— Что, сэр?

— Слушаешь?

— А что мне остается, слушаю, но не вас.

— Это правильно. Что-нибудь интересное слушал. У меня возник вопрос. Может быть, шишка из штаба приехала или что-то в этом роде?

— Вчера ревизионная комиссия прибыла, полетят в восточный округ.

— Когда?

— Да бог их знает. Но думаю, дня через три, не раньше. Сначала к девкам наведаются...

— С чего ты взял? — удивился Миха такой осведомленности радиста.

— Так они только от своих жен оторвались. Кто-то, наоборот, пить будет, если агрегаты не работают. Скорее через четыре дня ждать их следует. Но это если прибыла типичная ревизионная комиссия, а не новички-карьеристы.

— Спасибо, Чинк. Ну вот, у нас три дня. За это время мы должны добраться до намеченных мест и закрепиться на склонах, устроив засады.

Сказано — сделано. Лишнюю амуницию снова зарыли, с учетом прежних ошибок. Солдаты оставили себе только стрелковое оружие, несколько гранат да по паре сухих пайков. Но и этот груз весил килограмм десять, что в марш-броске по горам немало.

70

Миха Кемпл со своими четырьмя бойцами после марш-броска отлеживался в засаде на самой дальней горе. Медведь занял ближнюю, вооружившись любимым «граником», а Ломонос среднюю.

Отлежавшись, Миха отправил Кружкина поставить сенсоры, а еще одного солдата, Баден-Бадена, на вершину горы, наблюдать за поведением птиц, не слишком доверяя технике и надеясь на природную «сигнализацию». Радиста Миха взял с собой, и тот вслушивался в эфир, но пока ничего интересного не происходило.

Шли часы, и Миха начал сомневаться, будут ли боевики пытаться сбить вертолет комиссии, ведь от нее не зависят даже планы военных действий. «Должны, — подумал Кемпл. — Любой убитый офицер, тем более штабной, стоит дорого».

День сменился ночью, а тот соответственно новым днем, холодным и сырым.

— Сэр, кажется, взлетели, — оторвавшись от своих наушников, доложил Чинк.

— Кажется или точно?

— Один «хамелеон» под прикрытием «шмеля» и «беркута» взял курс на восток.

— Они.

Миха вызвал Ломоноса с Медведем и передал им эту информацию. Потом переключился на более близкую связь.

— Баден-Баден, что у тебя?

— Все чисто, командир, ни одной стайки за последний час.

— Кружка, как у тебя?

— Чисто, сенсоры ничего не показывают.

— Может, они вообще не работают?

— Да нет, два часа назад зафиксировали объект массой до пятидесяти килограммов. Животное какое-то, скорее всего, хищник.

— Ладно, смотрите дальше.

Тишина вокруг начинала действовать на нервы, но с помощью пары дыхательных упражнений Миха заставил себя успокоиться. Прошел еще час, скоро должны были показаться вертолеты.

— Стая птиц, — доложил Баден-Баден, и Миха встрепнулся. — Взлетела на западном склоне.

— Это не по нашу душу, — разочарованно ответил Кемпл.

— Просто стая очень большая, прям как... не знаю что.

«Может, они решили ударить с западного склона, вопреки всему, — подумал Миха. — Чушь, раньше стреляли с восточных, и на этот раз так же будет. Тем более «беркут» на пару со «шмелем» там все перепашет в секунду. Видели, знаем».

— Продолжай наблюдение.

— Есть, сэр.

— Вертолеты уже близко, вот-вот покажутся, — вслушиваясь в эфир, доложил Чинк.

Миха взглянул на Кружкина, но тот отрицательно покачал головой.

— Вижу три вертолета, проходят над Ломоносом, — снова доложил Баден-Баден. — Пуск ракет! Четыре штуки, пять, шесть. Шесть ракет.

— Все на западный склон! — выкрикнул Миха. А Баден-Баден продолжал комментировать ситуацию:

— «Шмель» горит... «беркут» делает разворот, «хамелеон» завис... придурки. Чесать отсюда надо. Пуск с нашего склона! Пять ракет, восемь... Вертолеты делают противоракетный маневр. Одна ракета зацепила «хамелеон», но он еще держится в воздухе. «Беркут» делает залп, но неточный.

Пока Баден-Баден говорил, солдаты выбрались на перевал и последующие события могли наблюдать воочию.

«Шмель» упал в джунгли, а летчики наконец-то приняли правильное решение и стали уходить из зоны обстрела. Но тут произвели сдвоенный залп с обоих склонов, и к летающим мишеням понеслись сразу двенадцать посланцев.

Представительский «хамелеон» резко ушел вверх, отстреливая противоракетные шашки и отводя ракеты невидимыми лучами, но основная масса ракет устремилась к «беркуту». Повторилась ситуация, знакомая Кемплу по засаде в ущелье, и вертолет, напигованный поражающими элементами, начал гореть и падать вниз.

— Вперед! — приказал Миха и первым побежал вниз.

Между тем залп повторился, но слабее: стартовало всего пять ракет, и «хамелеон» легко ушел от атаки.

Последние пуски ракет скорректировали движение группы Кемпла, и солдаты, взяв поправку, побежали еще быстрее. За полкилометра до предполагаемого местонахождения диверсантов Кемпл остановил стремительно несущуюся группу и приказал двигаться медленнее и без шума.

Миха направился вперед, а остальные стали расходиться во фронт, держась в прямой видимости друг друга.

Кемпл крался по лесу Оптика автомата в инфракрасном режиме показала неясное движение впереди, и вскоре он сам заметил дозорного. Тот сидел за деревом, вглядываясь в даль. Когда дозорный поворачивался в его сторону, Миха замирал, сливаясь в своем маскхалате с окружающим миром.

Когда до дозорного осталось не так много, Миха взял ветку потолще и швырнул ее далеко в сторону. Дозорный повернулся на шум падения, это и стало его роковой ошибкой: Миха подскочил к часовому и вонзил нож в горло боевику.

Слева раздалась автоматная очередь: кто-то обнаружил группу, и Миха, уже не скрываясь, скомандовал: «Вперед» — и побежал по склону вниз, в атаку.

Вскоре треск автоматов со стороны боевиков был заглушён более солидным звуком «корсара», и уже вся группа окружала боевиков. Бородачи при первых звуках боя заняли круговую оборону и отстреливались, не жалея патронов и гранат.

Боевики быстро определили, кто перед ними, и сопротивлялись еще более ожесточенно, понимая, что пощады им не будет и деваться им некуда.

— Сдавайтесь, — предложил Миха после получасового боя. — Вам все равно не уйти.

— Лучше смерть, чем попасть в руки северников!

Такое развитие событий Кемплу не понравилось, ему нужны были живые. Определив, где находится крикнувший эту фразу, и рассудив, что это главарь банды, Миха подстрелил его. Потом раздалось несколько взрывов: это солдаты бросили последние гранаты. После чего Кемпл повторил свой ультиматум еще раз в надежде, что оставшиеся боевики будут более благоразумны, и добавил:

— Сдавшиеся останутся в живых.

— Мы выходим.

В сторону полетело оружие, и из укрытия вышли три человека. Еще один лежал, тяжело раненный. Пятеро отправились к праотцам.

— Мудрое решение, — похвалил Миха и стал вызывать Ломоноса. — Второй, второй...

— Слушаю тебя, Кот.

— Ну ты как там?

— Да в принципе уже все кончено, сейчас одного беглеца поймаем, и все дела.

— Хорошо, как поймаешь, встречаемся в условленном месте.

Через два часа группы Ломоноса и Кемпла встретились. Живые боевики несли на своих плечах мертвых или тяжело раненных. Хотя большая часть подобного груза была доставлена уцелевшими загиатами.

— Ломонос, ты чего там, мух ловил, что ли? Почему не засек их?

— Сложный ландшафт, много глубоких оврагов, по которым они свободно прошли; на каждую рытвину людей не напасешься. Слушай, может, не будем отдавать их десанникам, особенно после такого шума? Да и долго им идти, трупы прокиснут.

— Помолчал бы уж. По твоей вине вляпались, а договор нужно выполнять.

— Но они же все равно не успеют, а вертолеты с командами дознания вот-вот придут.

— Тут ты прав, а потому поступим немного иначе, чем договаривались. Чинк, вызывай лейтенанта Дюше.

— Есть, сэр. — Чинк перевел рацию в активный режим и стал вызывать десантников. — Говорите, командир, лейтенант на связи.

— Дюше? Тащи свою задницу сюда: координаты, где будут диверсанты, получишь чуть позже. Поторопись.

Кемпл оборвал связь.

— Что ты задумал, Кот?

— Все очень просто. Все трупы забираем с собой плюс пару-тройку живых, это одиннадцать человек. Оставшихся шестерых оставляем лейтенанту, прячем их. Он их находит через пять-шесть дней, к этому времени смертельно раненные умрут, и он объявит их своими законно пойманными диверсантами. Договор выполнен.

— Здорово придумано. Живых он сумеет обработать так, чтобы на допросе они показали, что их поймал он и никто иной. А они вторая группа.

— Вот именно. Ладно, вертолеты уже близко, надо поторапливаться.

— Пойду прятать. Я, когда шел, хороший овраг приметил, как раз подойдет.

71

— Значит, вы утверждаете, что не были в городе?

— Да сколько можно повторять?! Не были мы, не были, — по слогам повторил Миха.

Многочасовой допрос сильно утомил Кемпла, а он даже не знал, как звали того чекиста, что его допрашивал. «А он, собственно, и не представился, — вспомнил Миха, — с чего я должен его помнить?»

— Тогда вы не оставляете мне выбора...

С этими словами разведчик поставил на стол свой ноутбук, раскрыл его и нажал на кнопку. На экране поочередно стали появляться лица солдат из группы Кемпла. Последним высветилось его лицо.

— Вы до того обнаглели, что даже забыли про систему видео наблюдения.

— Никто бы ничего не узнал, если бы не драка, — покаянно сказал Кемпл: отпираться было бессмысленно. — Все эта десантура, считающая себя суперменами, чтоб их...

— Теперь вы пойдете под трибунал.

Второй раз садиться на скамью подсудимых Кемпл не собирался и потому предложил:

— Может, разойдемся миром? Я оказываю услугу вам, а вы нас отпускаете.

Лицо чекиста разгладилось. По всей видимости, именно этого он и добивался с самого начала: чтобы жертва сама предложила этот вариант.

— Что же вы можете мне предложить?

— Мы, когда убегали, вломились в какую-то квартиру. Там жил какой-то подозрительный человек.

— Так это вы его так уделали?

— Мы... У этого человечка мы забрали интересную дискетку с непонятными кодами. Может быть, ключ от банковского сейфа или еще что-то, я не специалист. Вот ее я и предлагаю вам отдать.

— Где эта дискета? — Черты лица чекиста мгновенно изменились, стали тонкими и злыми. Это для него была настоящая работа. — Говори, иначе ты вообще отсюда не выйдешь.

Кемплу стало не по себе, таких слов на ветер не бросали, но отступить тоже было нельзя.

— Как насчет договора?

— Хорошо. Вас сегодня же забросят во внешний пояс как стопроцентную рабочую группу с реальным заданием, на замену отработавшей группы. Но прежде ты напишешь подробный отчет.

Делать было нечего, и Кемпл достал из кармана ту самую дискету. У чекиста от удивления слегка округлились глаза.

— Она все время была с тобой?

— Ну да. Халтурят ваши ребята при проведении обыска. При желании я бы даже нож смог бы пронести и порезать тебя в лапшу. Знаете, есть такой пластиковый, для...

...С тех неприятных часов прошло много времени. Чекист не обманул, и отряд действительно забросили во внешний пояс почти к самой границе арабского анклава: искать Первого.

— Ты нашел его двойника, вот и ищи дальше, но уже оригинал, — сказал, прощаясь, чекист. — До свидания.

— Уж лучше бы «прощай»...

— И все же до свидания.

Сейчас Миха с усмешкой вспоминал тот момент, когда лицо чекиста потемнело при его словах про нож и лапшу. Но от приятных воспоминаний его отвлек следопыт Нюхач.

— Сэр, я нашел следы.

— Где?

— В двухстах метрах, прямо по курсу.

— Нюхач, я понимаю, что ты не из разговорчивых, но можно поподробнее?

— Простите, сэр. Следы не боевого отряда, для этого их слишком много и они неаккуратные. Следы выючных животных, много женских, есть детские. Я думаю, всего около полусотни человек.

— Нелегальные колонисты?

— Скорее всего.

— Как давно они прошли?

— Дня два, может, поменьше...

— Нужно их догнать и при необходимости досмотреть, а дальше по инструкции...

Двигаемся параллельно: на тропе могут оставаться мины-ловушки. Вперед.

Марш-бросок продолжался ровно сутки. За это время отряд достиг бредущих по ложине колонистов и немного обогнал их. Солдаты залегли у кромки оврага и стали ждать.

— Что скажешь, Ломонос? — спросил Миха, разглядывая в бинокль появившихся из-за пригорка людей.

— Колонисты, спору нет. Но вот некоторые человечки в толпе мне определенно не нравятся.

— Я тоже их заметил. Наемники наемниками, вижу даже лица северников, уж они-то никак не могут быть баччинцами.

— Наводим на них десантников?

— Слишком долго, успеют уйти. Придется проверять самим.

— Но у нас другие задачи. Мы только зря раскроемся.

— Там наемники.

— Да какая разница, десятком больше, десятком меньше?

— Так-то оно так, но я впервые замечаю в одном караване так много иностранцев, притом не арабцев. Тех здесь и без того полно. Вон, там даже пара восточников есть, тем более, они заметили нас, там тоже не лохи идут...

— Кто? — удивился Ломонос.

— Вон тот, сгорбившийся, как-то странно посмотрел в нашу сторону... Так, мы выходим, всем смотреть в оба.

— Ну, пошли.

Миха с Ломоносом вышли из засады, и толпа колонистов сразу же остановилась, затихли все разговоры, было слышно только сопение перегруженных поклажей загиатов.

— Куда путь держим? — спросил Кемпл. Вперед выехал старик.

— Сынок, пусти нас, мы бедные колонисты...

— Однако ж деньги, для того чтобы сюда добраться, у вас нашлись. Документы!

— Все понял, — сказал старик, по-своему истолковав слова Кемпла, и предложил: — Нас предупреждали... вот, возьмите.

Старик протянул сверток. Кемпл заметил, как напряглись псевдоколонисты в центре толпы.

— Разверни, — потребовал Миха, став до предела подозрительным.

Старик подчинился и развернул.

— Это все, что есть.

— Деньги. А говорили, что бедные. — Видя, что больше ничего не происходит, Миха повторил: — Ваши документы, всех.

Такая неуступчивость солдат всколыхнула толпу, и более двадцати человек кинулись в разные стороны. Кто-то открыл стрельбу, но пули прошли мимо. Миха с Ломоносом упали, чтобы не получить очередь. Толпа загудела, мешая открыть ответный огонь.

— Бур, держи толпу. Остальным взять беглецов! — приказал Кемпл.

Застучал пулемет, цепочка земляных фонтанчиков взметнулась рядом с людьми, и

толпа отхлынула от двух солдат.

В лесу слышалась перестрелка и разрывы ручных гранат. Потом в ответ на длинную очередь часто захлопали разрывы ручного гранатомета, и сразу затем установилась тишина. «Медведь в своем амплуа», — улыбнувшись, подумал Миха.

— Что дальше, командир? — спросил на открытой для всех солдат волне Медведь.

— Тащите их сюда.

Через десять минут беглецов привели обратно. Более половины были убиты, остальные ранены. Кроме того, пострадали два бойца Кемпла, но бронежилеты выдержали, солдаты отделались сквозным ранением конечностей, а одного контузило взрывом гранаты.

— Это все?

— Да, все те, кто побежал.

— Что будем делать, старче? — спросил Кемпл, осмотрев убитых.

— Мы не виноваты, нам навязали их, мы подневольные люди...

— Возможно, ты прав, старик.

— Мы никому ни о чем не расскажем! Клянусь! Все в этом поклянутся!

— А вот теперь ты врешь.

Миха Кемпл взял из рук одного из убитых боевиков автомат, осмотрел магазин и заменил его на новый, из разгрузочного жилета.

— Ты веришь в рай, старик?

— Пощадите хотя бы женщин и детей! Миха полуобернулся, и остальные солдаты после секундного колебания взяли трофейное оружие.

— Ну так как насчет рая?

— Верю!

— Так зачем ты молишь оставить женщин и детей здесь, когда в раю им будет гораздо лучше? Или я что-то путаю?

Старик ничего не ответил, женщины, упав на колени, запричитали: видимо, в рай они не слишком торопились. Кемпл поднял автомат и прицелился в людей, его жест повторили остальные.

Кто-то не выдержал и побежал, дав тем самым своеобразную отмашку, и стрельба пятнадцати стволов заглушила все крики.

— Дерьмо, — сказал Ломонос, глядя в небо.

— Да уж... — произнес Кемпл, не в силах оторвать взгляда от горы трупов. — Семьдесят пять человек, это тебе не хухры-мухры...

— Да я не об этом: кстати, пригодится, — подбирая оброненную увесистую пачку денег, сказал Ломонос.

— Тогда о чем?

— Сезон дождей приближается...

72

Ломонос оказался прав.

День ото дня небо становилось все ниже, а тучи все чернее. Для просушки после изнурительных марш-бросков сейчас требовалось гораздо больше времени, влажность увеличивалась с каждым днем.

И вскоре ударил сильный ливень, будто в облаках одним махом открыли все краны. Через сутки он сменился легким дождичком, но, вопреки ожиданиям, легче не стало.

Дождик время от времени прекращался, но потом начинался снова. И продолжалось такое безобразие два месяца, и за все это время солнце не появлялось из-за облаков.

— Командир, мы уже две недели по горам таскаемся, — издалека начал Ломонос.

— И что?

— Может, в город сходим, тут неподалеку. Он, конечно, не такой большой, но бабы и там есть. Обсохнем заодно нормально. К тому же у нас деньжата имеются.

— Ты все сказал?

— Ну...

— Заткнись! — моментально взвился Миха Кемпл. Плохая погода плохо на него действовала, и он еле сдержался, чтобы не врезать Ломоносу. — Прошлого раза мало было?! Нас чуть под трибунал не отдали. Это по десять лет сверху, каждому. У кого есть желание схватить еще десяток годочков на свою задницу, поднимите руки, и тогда мы пойдем в город.

По понятным причинам желающих не нашлось.

— То-то же. Привал.

Повторять не пришлось, солдаты сразу повалились на землю, там, где посуше, хотя сухость эта была, мягко говоря, относительной. Дождик перестал, но просушка все равно занимала много времени. Благо имелся второй комплект нижнего белья, который сушился в специальных пакетах, но и он после суточного дежурства был сыроватым.

В результате на теле людей начали появляться язвы, которые лечил как мог их док — бывший студент, не успевший закончить медицинский колледж.

— Док, ты не мог сначала закончить колледж, а уже потом заняться производством наркотиков? — спросил солдат, когда лекарь подошел к нему, чтобы проверить раны двухнедельной давности.

— А что?

— Да вдруг ампулы перепутаешь и вместо обезболивающего яд вколешь...

— Нет, не мог. За обучение платить нужно было, а в производстве наркоты я видел единственный источник заработка. Но не боись, ампулы я не перепутаю. Хотя... ты случайно не помнишь, что я тебе сейчас вколол?

Солдаты легонько улыгнулись, но этого хватило, чтобы разрядить обстановку.

— Шутки у тебя, Док...

Впрочем, претензии солдата были необоснованными. Бывшего студента в учебке «берсерков» натащали, так что он мог бы проводить хирургические операции в полевых условиях.

— Такого после службы любой военный госпиталь или даже гражданская клиника с руками оторвет, — сказал Медведь.

— Все может быть... другое дело, захочет ли он?

Миха доедал свой обед, когда подошел радист Чинк.

— Что у тебя?

— Вызов. Будете принимать?

— Кто на связи?

Вопрос был не праздным. Иногда боевики засекали группу по передатчикам и начинали широкомасштабную облаву. Потому отвечать всем без разбору было небезопасно.

— Стоит кодировка военной разведки.

— М-да... делать нечего, принимай.

Чинк нажал на нужную клавишу дешифратора и принял связь, передав переговорное устройство Кемплу.

— Ваш позывной? — требовательно прозвучал микрофон, настроенный на прием.

— Обойдешься. Ты вызвал, ты и давай свой позывной.

— «Ястреб один, ноль, один».

— Чекисты хреновы... — проворчал Миха, вспомнив, какой они позывной дали ему. — Ястребы, мать их... Говорит «Пиявка два-ноль-три».

— Здорово, «Пиявка», помнишь меня?

— Помню, господин подполковник.

— А подарок, что ты мне сделал, помнишь?

— Как не помнить, помню. И лапшу помню.

— Кх-м... Хорош лясы точить. Я не зря о подарке вспомнил.

— Удалось что-то выяснить? — с нескрываемой заинтересованностью спросил Кемпл.

— Задействовав определенные каналы, удалось. Бородачи отзывают всех инструкторов-наемников и хороших боевиков, и собирают их где-то в одном месте. Есть две точки сбора. Одна находится в твоём районе, где именно — неизвестно. Все это неспроста. Готовится что-то серьёзное, но что именно, нам опять же неизвестно. Убив того связного, ты нарушил их ячейку, и мы не можем найти концы, чтобы узнать больше.

— Что нам делать?

— Найти их, естественно.

— А потом?

— Ликвидировать, но при этом взять пару пленных, поговорить мне с ними нужно, это приказ. Чем быстрее ты их найдёшь, тем лучше. Такое чувство, что песок почти вышел...

— Какой песок? — не понял Миха.

— Часы такие песочные есть, переворачиваешь их... впрочем, это не важно. Выполняй задание.

— Есть, сэр.

— Что за дела, Кот? — спросил Ломонос, когда связь оборвалась. — Что ещё за подарки?

— Помолчал бы уж, Лом. Если бы не твоё дурное предложение про город, ничего бы этого не было. Ни подарков, ни пиявок.

Кемпл достал карту.

— Лучше подумай и скажи мне, умник, где может собраться до полусотни человек?

— А чего тут думать? Там, где посуше, естественно. Вот здесь и здесь. Хорошие скальные навесы, а здесь даже, по-моему, небольшая пещера есть.

— Так, здесь мы были неделю назад, значит, идем сюда. Поднимаю людей.

— Дай хоть доесть нормально. С пищеварением шутить нельзя.

Кемпл посмотрел на солдат. Те доедали разогретые консервы или пойманную добычу, чтобы зря не тратить сухпай. Да и при умелом приготовлении зажаренные на углях зверьки были вкуснее концентратов.

— Пускай доедают.

73

Двухдневный переход был завершён. Позади осталось множество перевалов и форсированных речек с речушками: некоторые преодолевали вброд, а некоторые — по навесным канатам.

Но, главное, боевики были на месте, интуиция не подвела. Лагерь боевиков находился почти на самой границе с арабской территорией. Бородачи жались к скалам в надежде укрыться от надоедливого морозящего дождя, пробиравшего до мозга костей.

— Сколько насчитал? — тихо спросил Кемпл своего напарника по разведывательной вылазке.

Кемпл с Баден-Баденом, пробравшись мимо постов охраны и систем автоматического слежения, лежали всего в какой-то сотне метров от боевиков, наблюдая за их действиями.

— Шестнадцать человек.

— И я семнадцать насчитал.

— Ещё в пещере.

— Будем считать, что там человек пять, их и нужно будет взять живыми. Поползли назад.

Разведчики вернулись в своё расположение в километре от стоянки боевиков.

— Ломонос, что у тебя? — спросил Кемпл и расстелил карту, чтобы сразу ставить необходимые пометки.

— Вот здесь у них две наблюдательных точки, по два человека. Здесь, — Ломонос провел веточкой по карте, — сигнализация. Вот и все.

— Хорошо. Нюхач?

— Э-э... Три поста, также по два человека. На базе насчитали восемнадцать человек. Да, еще сигнализация вот здесь.

— Итого мы имеем охранную сигнализацию по всему периметру. — Кемпл ставил свои данные на карту. — Семь постов по два человека. На базе, будем считать, восемнадцать человек. Итого тридцать два человека, плюс добавим трех: не будем забывать про пещеру. Против нас тридцать пять штыков, но на нашей стороне внезапность. Ее-то и нужно будет использовать с максимальной отдачей. Минных полей нет, значит, ждут кого-то или просто не поставили.

— Будем атаковать?

— А что нам остается.

— Эх, «беркута» бы сюда.

— Не помешал бы, — согласился Миха. — Но его нет, а потому придется обходиться своими силами. Пойдем с трех направлений. Через тридцать минут после начала операции все посты должны быть ликвидированы, чтобы на тридцать первой минуте уже начать основной штурм. Его начало я скорректирую по радио. Все должно пройти как по нотам. Там сидят не олухи, а инструкторы, это что-то да значит. Глаз, ты уже подыскал себе место?

— Да, но место не очень хорошее, видно только две трети территории, но лучше точки здесь просто нет, — ответил снайпер.

— Ладно, времени на раскачку нет. Сейчас обговорим все детали и сразу же выступаем.

Распределение ролей не заняло много времени. После определения целей солдаты выдвинулись на позиции, и, как только цифры на часах командиров показали заданное время, солдаты пошли вперед.

Кемпл немного опередил своего напарника, сейчас в нем оживал Миха-зверь из ночных кошмаров с той лишь разницей, что он при этом не превращался в монстра.

Кемпл зашел с тыла. Двигаться приходилось очень медленно, по метру в минуту: везде вокруг поста стояли датчики движения. Таким образом, Миха преодолел десять метров попластунски.

Боевики о чем-то перешептывались, Миха их понимал, но с большим трудом. В секрете сидели двое, как и было определено разведкой. Один из них был из местных, другой — арабский наемник.

— Зачем нас всех собрали? — спросил бородач своего соседа-арабийца.

— Какая тебе разница? Надо будет, расскажут.

— Вам действительно без разницы, главное, чтоб деньги платили.

— Тут ты прав.

По тону арабийца Кемпл понял, что разговор этот начался не сейчас и тот начинал от него уставать. «Наверное, он уже несколько раз вот так заканчивался и начинался снова», — подумал Миха, медленно скользя по стволу дерева вверх.

— Тогда почему мы тут уже неделю сидим, а не идем на дело?

— Наверное, еще не все, в сборе. Тихо... Кемпл застыл на месте в неудобной позе, и очень скоро ноги стали наливаться свинцом.

Боевик еще с полминуты прислушивался к лесу и вроде как успокоился, но вот его товарищ не находил себе места, чем еще больше раздражал арабийца.

— Да успокойся ты.

Кемпл решил больше не ждать и в две секунды преодолел расстояние до часовых. Нож вошел в солнечное сплетение бородача, и тут же «берсерк» сделал выпад в сторону арабийца, но тот успел отскочить и вытащить свой тяжелый мачете, не слишком традиционное оружие для арабских наемников.

Арабиец взмахнул несколько раз мачете, и Миха почувствовал, как из-под плечевой накладки потекла струйка крови. Боевик попытался дотянуться до какой-то коробочки рядом, но Кемпл оказался быстрее и отфутболил ее ногой в кусты. Заодно откинул в сторону валявшийся автомат, зацепив его за ремешок.

— Ты умрешь, неверный.

— Все мы умрем. Ничто не вечно, все рвется, все ломается...

Кемпл перешел в атаку, и тут включилась заложенная в него программа. Противник вдруг стал двигаться медленнее, будто в замедленном воспроизведении, что дало возможность Михе предугадывать дальнейшие действия боевика. Наконец арабиец допустил ошибку, слишком далеко отставив руку при отражении удара: всего на несколько сантиметров дальше, чем было нужно, но этого хватило, чтобы Кемпл изменил траекторию движения руки и нож вошел в подмышку. Боевик нелепо согнулся, и следующий удар пришелся ему в горло.

Миха быстро вытер нож о куртку убитого и посмотрел на часы. Времени заниматься своей раной не оставалось, он лишь определил, что она не слишком глубокая, основная сила удара пришлась на броневую накладку, и мачете просто скользнул по живой плоти. Кемпл подsunул под накладку побольше материи, чтобы прекратить кровопотерю, и подал сигнал Баден-Бадену. С начала операции уже прошло двадцать девять минут.

Вдвоем они добрались до сборной точки, где их ждали три солдата, свой пост они тоже ликвидировали. Уже впятером добрались до места, откуда должна была начаться атака. Боевики, судя по их поведению, все еще не догадывались, что их посты ликвидированы.

— «Первый» на месте, — тихо прошептал Миха и стал ждать ответа в наушнике.

— «Второй» на месте, — ответил Ломонос.

— «Третий» на месте, — отчитался Медведь.

— Глаз?

— Пардон, я на месте, — ответил снайпер. Умный компьютер выделил все видимые цели, присвоив каждой порядковый номер. Расстояние между солдатами было небольшим, и блок синхронизации, находящийся у радиста, каждому солдату определил цель, окрасив ее в желтый цвет, дабы не случилось такого, чтобы несколько солдат целились в одного боевика.

— Огонь.

Раздались очереди, и пятнадцать бандитов упали мертвыми, но оставшиеся в живых действовали слаженно. Они залегли между камнями и открыли ответный огонь. Из пещеры забил спаренный крупнокалиберный пулемет.

Солдаты спрятались за деревья, и Кемплу даже показалось, что в лесу стало значительно светлее. Пулемет буквально выкашивал целые просеки, срезая мелкие деревца и ветки. Впрочем, через минуту бил только пулемет, автоматные очереди заглохли. Об этом позаботился Глаз, сняв двух стрелков, и Медведь, накрыв позицию третьего из гранатомета.

— Вперед, — скомандовал Кемпл, когда пулеметчик отвлекся на соседнюю группу.

Пробежали они не больше десятка метров, когда им снова пришлось упасть на землю. Но теперь уже рванули в атаку другие группы, и пулеметчику пришлось отвлекаться на них. Так отделение продвигалась к пулеметной позиции. Время от времени пулемет заставлял умолкать Медведь, забрасывая одну гранату за другой в пещеру.

— Черт, — выругался Кемпл, когда отделение добралось до скальной стены, а пулемет смолк, поскольку стрелок не видел целей. — Живыми нам так никого не взять.

— Земен, Мокрый, посмотрите, может, раненые есть из тех, кого мы настреляли?

Солдаты разбежались в разные стороны, но вскоре вернулись, и по их лицам было понятно, что живых нет, все стреляли наверняка.

— Не догадались как-то, — пробубнил Медведь.

— Да я тоже хорош... придется брать этих.

— Да как же их взять-то?

— Эй, в пещере! Сдавайтесь! Я гарантирую вам жизнь! — выкрикнул наудачу Миха.

— Смерть неверным собакам! — прозвучало в ответ.

— Идейные попались, это плохо.

Миха попытался заглянуть в пещеру, но тут же отпрянул назад, и вовремя: застучал пулемет, чуть не прострелив ему голову.

— Ну ты дурак, автомат же есть!

Миха всунул автомат в пещеру, но с тем же результатом.
— Медведь, давай вали их.
— А как же языки?
— Да пошли они. Чекистам надо, вот пускай сами и штурмуют.
— Как знаешь, — пожал плечами Медведь и подошел к входу в пещеру со своим неразлучным гранатометом наперевес. — Наше дело маленькое...
Медведь начал стрелять с краю, переводя огонь в глубь пещеры.

74

Гранатомет замолчал, и Медведь отошел в сторону, чтобы перезарядить его. Его место занял Миха Кемпл; на этот раз, приняв во внимание прошлые ошибки, он осмотрел пещеру через автоматный прицел, дававший картинку на бронестекло шлема.

В воздухе пещеры еще клубилась пыль, поднятая взрывами. Она понемногу оседала, и вскоре Миха смог различить стрелка, лежавшего возле своего пулемета... он был мертв. Кемпл осторожно пошел вперед, готовый в любую секунду расстрелять всякого, кто появится перед ним, но делать этого не пришлось. За небольшим выступом лежал еще один боевик, и Миха испытал облегчение: он был жив, но очень плох. Осколки гранат зацепили его, и теперь он, постанывая, едва шевелился.

Вытащив его наружу, Миха понял, что тот находится в еще более плачевном состоянии, чем он думал.

— Док, окажи ему помощь.
— Он не жилец, но попробую сделать все, что смогу.
— Постарайся, чтобы он хотя бы пять часов протянул.
— Вы ничего от меня не узнаете, — прохрипел пленный.
— Постараюсь, но сделать это будет довольно сложно.
— Нам его лишь бы чекистам сбавить, а там они пусть сами разбираются... Чинк, вызывай вертолет военной разведки.
— Это три часа лету, с ближайшей базы будет всего полчаса.
— Они настаивали...
— Понял.

Прошло два с половиной часа, и, пока ждали вертолет, солдаты перетаскали трупы ко входу в пещеру, даже те, что были в лесу. Чинк разбирался с трофейным оборудованием.

— О, смотри-ка, работает! — удивился Чинк.
— Что это?
— Пульт системы сигнализации, установленной по периметру.
— Это что за точка вспыхнула?
— Кто-то прошел мимо датчика. Тут на арабском, но вот эта цифра, если предполагать, что существует аналогия с нашими, наверное, указывает вес объекта; значит, прошел объект массой до девяносто килограмм.

— Человек?
— Все может быть.
— Нюхач! Посмотри, кто там.
— Есть.
Солдат убежал, бесшумно скрывшись в лесу, и вскоре доложил по радио:
— Сэр, это бородач идет к вам. Взять его?
— Э-э... нет, следи за ним. Внимание! Все трупы занести в пещеру, быстро!
— Кот, с чего такой переполох?
— К нам кто-то идет... Черт, Чинк! Отзывай вертолет, слышишь, или, на худой конец пусть где-нибудь зависнет до дальнейших указаний... наплети им что-нибудь.
— Понял.

Трупы занесли в пещеру так, чтобы их не было видно снаружи. Туда же занесли

раненого и все найденное оборудование.

Док закончил перевязку Кемпла.

— Сорвите шевроны! И знаки различия тоже! — приказал Кемпл, вспомнив о форме, и стал ожесточенно сдирать «белый череп». — Маскировочные сетки спрячьте; в общем, вы должны стать похожими на боевиков.

— Зачем?

— Еще не знаю, просто сделайте то, что я говорю. Солдаты успели сделать все так, как просил их командир, до того как в лагерь боевиков вошел ведомый Нюхачом человек.

— Э-э... — замычал бородач, увидев перед собой солдат.

— Привет, что мычишь?

— Э-э...

— Давай сюда то, что ты должен был нам принести. Ты же что-то должен был принести, ведь так?

— Вообще-то отвести...

— Ну да... так в чем проблема, парень?

— Это... вас не слишком мало? Я думал, вас раза в два больше будет.

— Мал да удал, слышал такую поговорку? Так вот, это про нас. Мы стоим целой роты, ты даже не представляешь, скольких северников мы отправили на тот свет.

Казалось, проводник немного расслабился и даже чуток повеселел.

— Значит, вы и есть те самые наемники?

— Ну да, — ответил Миха, плохо представляя, о каких наемниках идет речь. — Лучше скажи, куда нам идти.

— О, это большая честь для меня, встретиться с «Белыми олеандрами». Я вас отведу, тут недалеко, двадцать километров.

— Всего-то, — буркнул Ломонос, проходя мимо.

— Тогда пошли, а то мы уже целую неделю здесь сидим. Ноги уже затекли.

— Конечно, если вы готовы, то можно отправиться в путь прямо сейчас.

— Сейчас кое-что заберу. — Миха дал знак всем собираться. Сам сбегал в пещеру, написал коротенькую записку чекистам, где изложил все происшедшие события, и вышел обратно. — Теперь веди.

Проводник вел их по едва заметной тропе, к чему-то прислушиваясь. «Вертолеты, — подумал Миха, различив едва слышимый гул. — Не утерпели, сволочи, раньше прилетели. Лишь бы нас искать не начали».

Ломонос с Медведем незаметно для проводника, но с решительным видом, оттеснили Кемпла в хвост колонны.

— Кот, что вообще происходит? — спросил Ломонос. — Что за дела?

— А я и сам не знаю, — дурашливо признался Миха. Но его приятелям было не до шуток. — Ну не знаю я. Просто интуиция подсказала, что нужно притвориться боевиками. Вот я и импровизирую.

— Как бы нас твоя импровизация в могилу не загнала.

— Все может быть. Кстати, кто-нибудь знает, кто такие «белые олеандры»?

— Наемники из северников, принявшие их веру, — ответил Медведь. — И воюющие за бородачей по идейным соображениям, ну и за деньги, естественно.

— Нужно будет иметь в виду.

Миха подошел к проводнику и спросил:

— Слушай, малый, ты случайно не знаешь, что за переполох? А то нас чуть ли не с другого конца планеты отозвали. Мы там целый месяц готовили северникам хорошую свинью, а тут отзыв. Обидно.

— Нет, мне не сказали. Я всего лишь проводник.

— Понятно. Куда идем?

— Вас ждет транспорт, больше я ничего не знаю.

— Вот и нам ничего не сказали.

Уже под ночь, когда стало совсем темно, проводник привел их к транспорту. Вертолет стоял на ровной площадке, едва не касаясь винтами ближайших деревьев. Пилот вылез из кабины. На лице его застыло то же подозрение, что вначале у проводника; видимо, слишком сильно разнилось описание тех, о ком ему говорили, и тех, что он видел своими глазами. Пилот не стал задавать никаких вопросов, а, просто показав на вертолет, сказал:

— Взлетаем, времени осталось очень мало.

— Хорошо.

Отделение забралось в брюхо вертолета. Миха Кемпл, к неудовольствию пилота, сел на пустующее место второго пилота, чтобы иметь возможность наблюдать за действиями летчика.

Винты разогнались, и вертолет медленно поднялся в воздух. Высоко он подниматься не стал, взяв нужный курс, и полетел, почти касаясь деревьев. Что было не слишком приятно даже днем, в ясную погоду, и уж тем более ночью, как сейчас, когда к тому же шел дождь.

— Мы не слишком низко летим? — поинтересовался Кемпл, когда по брюху в десятый раз шаркнула макушка высокого дерева и вертолет слегка качнуло. — Так ведь и разбиться, недолго.

— Низко, но иначе нельзя. Северники могут засечь, поднимись мы выше еще метров на десять. Но вы можете не беспокоиться я пилот экстра-класса. — И не без гордости добавил: — Равных мне найдется не много.

— А так они нас не засекут? По-моему, им без разницы...

— Нет. В сезон дождей их радары дают существенную погрешность из-за повышения электромагнитного уровня, и мы, соблюдая некоторые меры предосторожности, можем летать на их территорию незамеченными.

— Приятно слышать...

Вертолет, миновав очередной горный хребет, поднялся выше и увеличил скорость.

— Что ты делаешь? Сам же сказал, что нас могут засечь, если подняться выше.

— Теперь это уже неважно. Мы на территории Арабии.

Далеко впереди в небо медленно уходила яркая точка. Через десять минут стала подниматься вторая, но уже гораздо ближе. Вертолет подлетал к космодрому. Пилот о чем-то переговаривался с наземными службами, но слишком быстро, и Миха почти ничего не понял.

— Ну вот, едва успели, — сказал пилот, приземляясь на территории космодрома возле орбитального челнока.

К вертолету уже спешили несколько человек. Солдаты в пассажирском отсеке подобрались, приготовив оружие.

— Давайте, давайте быстрее! — кричал один из подбежавших людей, махая руками.

Кемпл подозрительно оглядел залитую светом бетонную площадку. На первый взгляд, опасности не было. Человек продолжал что-то кричать, указывая на челнок. Миха обернулся к своим людям, думая о том, правильно ли поступает. Но глухие шлемы скрывали их эмоции, если они вообще были.

— Пошли, — сказал Миха и направился к челноку.

75

Челнок, при взлете поминутно проваливавшийся в воздушные ямы, все же вышел на орбиту Чирмена, но заставил сильно понервничать солдат. В корпус что-то ударилось, и у людей заложило уши, но потом засвистел сжатый воздух, выравнивая давление, и все пришло в норму.

— Прошу вас, — сказал матрос, открыв переходный люк. — Вам туда.

— Туда так туда...

Кемпл перешел на другое, более габаритное судно. Люк позади закрылся, челнок отстыковался, отрезая пути к отступлению.

— Вот нам и пипец, — сказал Ломонос.
— Прорвемся, — не слишком уверенно возразил Миха Кемпл своему капралу.
— Вы наверняка уже знаете свою задачу? — скорее утвердительно сказал один из встречающих.

— Ну... в общих чертах.
— Хорошо. Вот схема крейсера, район стыковки и направление вашего движения.
— Отлично.
— Ну где они?! — раздался чей-то радостный голос, и в люке показалась чья-то задница, обтянутая штанами с большой заплаткой.

— Кто это? — спросил Кемпл.
— Наш капитан.
Капитан спрыгнул с последних ступенек и развернулся. Радость на его лице сменилась удивлением, а потом хмурым выражением.

— Это не группа Волосатого Ахмеда, — наконец сказал капитан.
Это были его последние слова. Кемпл быстро поднял автомат и выстрелил навскидку. Тело капитана отбросило в сторону. В следующий миг встречающий их арабиец получил сильнейший удар по голове от Медведя.

— Ну и что стоим? — спросил Миха. — Без особой нужды никого не убивать.
Солдаты стали разбегаться по судну и вскоре посыпались доклады, из которых выходило, что экипаж состоит из семи человек и все они взяты в плен. А грузовой отсек забит взрывчаткой.

Док привел в чувство оглушенного Медведем арабийца.
— Кто ты?
— Помощник капитана, Симиид Беш.
— Ваша задача?
— Состыковаться с крейсером «Барракуда».
— Наша задача? А точнее тех, кто должен был прибыть вместо нас?
— Захватить крейсер.
— Зачем?
— Не знаю. Наверное, чтобы взорвать его.
— Слишком сложно. Сколько групп?
— Вместе с нами — три.
— Молодец. Вставай, теперь ты капитан. Пленник встал и пошел в пилотскую кабину.
— Что мне делать?
— То, что должен был делать, но без фокусов.
— Переключка, — заговорило радио. Новоиспеченный капитан повернулся к Кемплу.
— Без фокусов, — одними губами прошептал Миха и положил автомат на колени.
— «Красный» готов, «зеленый» готов...
— «Черный» готов, — проговорил Симиид.
— Да поможет нам Всевышний, вперед.

Судно завибрировало от работы двигателей и двинулось вперед. Вскоре включилось радио, и чей-то голос несколько раз потребовал:

— Три судна типа ПУ-980, назовите себя.
— Может, свяжемся с ними? — предложил Медведь.
— Нет, они могут не поверить. К тому же, выйдя на связь с ними, мы выдадим себя; и кто знает, что произойдет? Может, у них тут система самоликвидации есть, как раз для подобных случаев. Тот, кто задумал эту операцию, поймет, что один корабль не с ними, и нажмет на нужную кнопку...

Так долго не происходило ничего интересного, что дежурный оператор радара не сразу заметил на экране приближающиеся к кораблю три неопознанные метки. Электроника описала их и вывела параметры на отдельный монитор.

— Морган, у нас гости, НЛО.
— Да иди ты... лучше проспись, Влад.
— Это не шутка. Три неопознанных судна движутся к нам.
— Ну-ка... — Морган подошел к пульту и стал вызывать суда: — Три судна типа ПУ-980, назовите себя.

Морган продолжал вызывать суда на открытой волне, но никто не отвечал.

— Влад, продолжай их вызывать, а я начальству доложу.

Морган докладывал своему начальнику. Не поверив или решив убедиться сам, на пост явился командир оперативного участка и, оценив ситуацию, стал докладывать уже своему начальству. А в это время неизвестные суда с неизвестными намерениями продолжали приближаться.

— Входите, — разрешил адмирал Гордон. Он стоял возле большого зеркала у себя в каюте и красовался в новой парадной форме, которую купил взамен безнадежно испорченной. Скоро он выходил на пенсию, и все должно было быть безупречно. — А, это ты, Юсеф, как у нас дела?

— Сэр, к крейсеру приближаются три неизвестных судна.

— Что им нужно?

— Они не отвечают. Идут с явным намерением швартовки.

— Значит, не камикадзе. Те сразу бы в борт со всей дури... Покажите их.

Майор Юсеф подошел к терминалу и нажал нужные кнопки. На экране появились те самые суда: тридцать метров в длину, двухпалубные грузовики.

— Точно не камикадзе, наши, внутрисистемные, иначе бы взяли что-нибудь подешевле и побыстрее. И в то же время на позывные не отвечают, — раздумывал вслух адмирал. — Без маршевых двигателей дальнего перехода. Странно все это, не могли же их здесь забыть...

— Какие будут приказания?

— Хм-м... Пусть их сопровождают истребители, чтоб сразу, чуть что не так... Ну и вооружите швартовые команды, досмотрите суда, допросите экипаж. Пожалуй, все.

— Есть, сэр.

76

Три судна продолжали движение. А Кемпл устроил маленький военный совет, пытаясь разобраться с полученными схемами крейсера.

— Ну куда пойдут остальные две абордажные группы? — спросил Миха.

— А черт их знает, — выдохнул Ломонос. — Сюда бы «Омегу», они бы быстро всех построили.

— Да уж, но «Омеги» нет, их вообще нет в этой Солнечной системе, но есть мы.

— Может, он прав, — кивнул Медведь на Симииду. — И они просто хотят рвануть корабль. Взрывчатки ведь немерено.

— Все может быть, но тогда они поступили бы проще. Взяли бы десять маленьких, скоростных и маневренных катеров, забитых взрывчаткой по самое не могу, и пошли бы на таран.»

— Ладно, времени гадать уже нет, — сказал Ломонос, показывая в лобовой панорамный иллюминатор. — У нас почетный конвой.

Вокруг трех судов кружили истребители «рам-парт», и Миха усмехнулся, вспомнив одно из своих видений в тот злосчастный день, когда все началось. Пилоты самолетов пытались выйти на связь, но им, понятное дело, никто не отвечал.

Прошло не так много времени, и суда стали пристраиваться к борту крейсера для швартовки.

Когда суда приблизились достаточно близко, у всех присутствующих в горле ком встал: каждый подумал, что на «Барракуде» могут перестраховаться, и их сейчас встретят

очередями автоматов. На крейсере открылись створы, и из специальных ячеек выглянули пушки, роторы которых быстро закрутились, но ничего так и не произошло.

— Кстати, что делать нам, когда пришвартуемся? — неожиданно спросил Медведь. — Нас же будут встречать и, ясное дело, не с цветами.

— Наша основная задача ликвидировать те две группы «красных» и «зеленых». Со встречающими как быть, даже не знаю...

— Придумал! — воскликнул Ломонос и куда-то убежал. Минут через пять он вернулся, вывалив на стол несколько гранат с уже снятой оболочкой.

— Рехнулся?!

— Они шумовые, — пояснил Ломонос — Наш Пироман снял с них поражающую оболочку вместе с частью взрывчатки, и теперь они не страшнее надутых бумажных пакетов, по которым со всей дури лупят, когда хотят кого-то напугать.

— Хорошо, бросаем гранаты и даем каждому по башке, чтобы повалялись с часик в мире грез. Делимся на три группы, каждая берет себе по палубе, и ищем бородачей. А теперь пошли.

Снова заложило уши, и после выравнивания давления люк пошел в сторону. Не успел он открыться, как оттуда послышалось:

— Предупреждаю, мы вооружены, не чудите и приготовьтесь к досмотру!

— Бросаем! — приказал Миха и первым бросил свою шумовую гранату.

За первой полетели еще четыре, и через пару секунд началась настоящая канонада.

— Вперед.

«Берсерки» бросились на крейсер через переходный люк, раскидывая деморализованных матросов. Отделение поделилось на три группы, которые стали занимать заранее распределенные палубы.

Противным голосом зазвучала сирена общей тревоги, и вскоре из громкоговорителя донеслось:

— Это не учебная тревога. На корабль совершено нападение. Места проникновения: отсеки три, шесть и девять. При обнаружении посторонних стрелять на поражение. Повторяю...

— Разойдитесь, разойдитесь! — кричал Миха, когда появлялись группы вооруженных матросов, и для убедительности стрелял вверх, надеясь, что потолок достаточно прочный и пули не пробьют его насквозь. — Мы свои, подразделение «Берсерк».

Матросы вряд ли верили словам Кемпла, но пропускали вместе с его небольшим отрядом. Что было понятно: учения учениями, но расставаться с жизнью никто не хотел. Да и не были они готовы к контрабордажным действиям, на что и делали ставку нападавшие.

«Красная» группа состояла из бородачей-баченцев. Их главной задачей являлось сеять на корабле панику, что они и делали. Боевики как тараканы разбегались по крейсеру, паля из автоматов во все, что движется. С ними в первую очередь и сталкивались солдаты; в коридорах завязалась перестрелка.

— Вот суки, что делают, а! — негодовал Баден-Баден, ведя стрельбу из-за угла коридора по засевшим боевикам.

Из каюты выскочил перепуганный матрос. Его подсечкой сбил Кемпл.

— Как зовут?

— М-марк...

— Ты знаешь, как зайти им в тыл?

Матрос хоть и был перепуган, но сообразил, что вряд ли две союзные группы стали бы штурмовать корабль, лишь бы повоевать друг с другом.

— Д-да... — наконец ответил матрос.

— Тогда веди. Баден, отвлекай их внимание.

— Есть.

Матрос вел их по переходам, показывая, куда нужно идти, а первым шел Кемпл, и не зря. На каком-то повороте им встретились два бородача, весело расстреливающих каюту

через стену; видимо, там кто-то был. Боевики заметили их, но слишком поздно, «корсар» отстучал короткую очередь, и боевики рухнули замертво.

По звукам боя Кемпл без подсказки матроса догадался, где засели боевики.

— Нюхач, Рыжий, прикрывайте. Кружка, идешь со мной.

Солдаты пошли вперед, и за очередным поворотом нашли тех, кого искали. Позади послышались звуки перестрелки, это вели бой Нюхач с Рыжим, на них напала группа боевиков. Но это не помешало Кемплу начать свою маленькую войну.

Миха выглянул из-за укрытия и снова чуть не лишился головы. От стены отлетели куски пластика, и теперь стреляли только в людей Михи.

— Баден, отвлеки их, — попросил Кемпл по радио.

— Нет проблем.

Скоро с удвоенной силой забил автомат Баден-Бадена, и боевикам пришлось укрыться, чем и воспользовались Михи с Кружкой. Они побежали вперед прямо на боевиков, ведя непрерывный огонь. Бородачи поняли, в чем дело, и попытались скрыться, разбежавшись в стороны, но не успели, пули «корсаров» достали их возле поворотов.

77

У группы «зеленых» были совсем другие задачи, которые радикально отличались от «красных». Это были настоящие наемники, их было немного, зато они являлись первоклассными специалистами, а потому стоили довольно дорого.

«Зеленые» не создавали панику, они целенаправленно двигались к артиллерийским постам. Они вели туда до полусотни артиллеристов, нанятых в Арабии, вышедших на пенсию со своих крейсеров и остро нуждавшихся в деньгах.

«Зеленым» удалось захватить несколько арт-постов без какой бы то ни было борьбы, просто войдя в пустые помещения. Но этого им показалось недостаточно, и остальные они просто взрывали, обкладывая бронированную дверь газовой взрывчаткой. Ее подрывали, и неподдающаяся дверь просто падала внутрь. Дальше боевики врываются в помещение, подавляя всякий намек на сопротивление шквальным огнем.

Пришлые артиллерийские команды занимали посты сбежавших либо убитых членов экипажа и включали оборудование. Поскольку координатная сетка все время менялась, артиллеристы наводили орудия по маячкам, заранее установленным вблизи или прямо внутри производственных корпусов и шахт.

Миха Кемпл почувствовал легкое дрожание пола под ногами. Он обернулся на своих солдат, но те тоже были в недоумении.

— Что происходит? — спросил Михи.

— Дык это... орудия разворачиваются, — запинаясь, ответил матрос Марк.

— Так вот они что задумали, сволочи, быстро туда! Веди нас, Марк.

Но не успели они сделать и пары шагов, как чуть не упали: грянул залп.

Солдаты бежали через все судно к артиллерийским постам, еще плохо представляя, что именно будут делать. Впрочем, их бег остановил выкрик:

— Стоять!

— Черт... — ругнулся Михи. Так глупо попасть в засаду на перекрестке, да еще к своим. Вооруженных матросов с горящими ненавистью глазами становилось все больше. Кемпл приподнял руки и сказал: — Мы свои, отряд «Берсерк»...

— Тогда что вы тут делаете?

— Долго объяснять! Вы что, не слышали, что был залп? Их нужно остановить! Может, они города с землей сейчас ровняют.

— Ничего, мои ребята позаботятся об этом. Они уже делают все для...

— Ваших ребят перешелкают, как в тире, еще на подходе. Это же профессионалы...

Кемплу показалось, что его слова стали доходить до майора. Он уже по-другому смотрел на защитную амуницию солдат и на то, что среди них находится один из его

матросов, на пленного никак не походившего. Но тут как снег на голову свалился адмирал в парадной форме.

— А это еще что за белая ворона?

— Чего ты ждешь, Юсеф, убить их!

— Но, господин адмирал...

— Огонь! — не своим голосом заорал адмирал Гордон. — Я приказываю!

Но тут снова грянул залп корабельных орудий, матросы качнулись, чем воспользовались солдаты, бросившиеся в единственный оставшийся свободным проход, перед этим Кемпл успел бросить неактивированную гранату. Сзади чуть запоздало зазвучал треск автоматических винтовок. Кто-то упал, потом послышалось падение еще одного, более тяжелого тела, но остальные успели завернуть за поворот.

— Суки, Рыжего убили! — выкрикнул Баден-Баден и, передернув затвор, полез назад с явным намерением отомстить за смерть товарища.

— Не сейчас, — остановил солдата Кемпл. — Сначала дело. Проводник нужен, Марка тоже искромсали. Уходим, — приказал Кемпл, услышав приближающийся топот ног. — А то моей гранатой нас же еще и подорвут.

— Да я их!..

— Я сказал, не сейчас!

— Есть, сэр.

Четыре солдата спустились на нижнюю палубу, где должен был орудовать Медведь.

— Медведь, — повал Кемпл по радио. — Ты где?

— Э-э... понятия не имею... Вот матрос подсказывает, в районе пятой переборки. Тридцать седьмой отсек.

— М-да, хотел бы я знать, где это. Короче, так, Медведь, двигайтесь к арт-постам, мы сейчас там будем, только проводника найдем.

— Понял.

В одном из проходов слышались звуки боя и разрыв ручной гранаты.

— Нам туда, — указал Кемпл.

Спорить никто не стал. Миха осторожно высунул автомат. Картинка на бронестекле показывала, что матросы отчаянно отстреливаются, оттаскивая двух то ли раненых, то ли убитых. Дав знак остальным оставаться на месте, Кемпл пошел вперед. Матросы из-за треска своих винтовок ничего не слышали и испуганно отскочили, когда у них над головами начал стрелять Миха, заглушив все остальные звуки. Боевики с громкими воплями и проклятиями отступили.

Кемпл осмотрел матросов, один из них ему показался знакомым.

— Джо? — спросил Миха. — Джо Малкович?

— Он самый, а?..

— Пойдешь со мной. Знакомиться заново некогда.

— Ладно.

— Показывай дорогу к арт-постам.

— В этом нет смысла.

— Почему?

— Там мы им не сможем помешать. Они наверняка забаррикадировались и их хорошо охраняют.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Сразу двигаться к складу боеприпасов и заблокировать подачу снарядов.

— Показывай.

Солдаты спустились еще на один уровень.

— Вот за этой дверью начинаются склады, — показал Джо. — Там этих снарядов до черта и больше.

— Постой, — остановил лейтенанта Кемпл. Тот собирался открыть люк. — Медведь, ты где?

— Около арт-постов. Тут матросы штурмуют отсек, мы им помогаем.

— Оставь там кого-нибудь и спускайся, будем брать склад.

— Хорошо.

Через несколько минут Медведь прибыл на место.

— Я там Земена оставил.

— Нормально. Давай, Джо, открывай. Лейтенант Малкович навалился на колесо, и то нехотя поддалось.

В дежурном освещении показалась впечатляющая картина. Большие и длинные стеллажи со снарядами уходили далеко в глубь крейсера. Манипуляторы хватали снаряд и по потолочным рельсам подвозили к проему в полу, куда этот снаряд и опускался. И работали эти манипуляторы, не переставая.

— И чего тут заклинивать надо? — поинтересовался Миха Кемпл.

— Вот эти манипуляторы. Проще всего прекратить поступление управляющих сигналов.

— И как это сделать?

— Вот там под потолком, туда еще лестница ведет, есть красный ящик, это блок управления. Тут их пятьдесят штук.

— Ясно. Ну что, ребята, начинаем. — Когда солдаты стали расходиться, Миха вызвал на связь своего капрала: — Ломонос, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Бросай все дела и попробуй захватить суда «красных» и «зеленых». А то там наверняка еще полно взрывчатки.

— Понял.

Один солдат полез по лестнице и тут же спрыгнул оттуда за секунду до того, как она вся покрылась искрами от ударов пуль.

— Они здесь!

— Я это уже понял. Расстреливайте ящики из автоматов, раз их просто отключить не дают.

Солдаты стали расстреливать красные ящики. Из издырявленных корпусов вылетали целые снопы искр от перебитой проводки, и манипуляторы отключались один за другим.

Поняв, что задумал противник, боевики постарались этому помешать, но плотный ответный огонь заставил их отступить. Но и они не пропускали солдат дальше, чтобы те не уничтожили остальные блоки.

— Нет, Медведь!

Но было поздно, гранатомет покинула первая серия зарядов. Все непроизвольно застыли на своих местах, в самых нелепых позах и зажмурившись. Раздались стальные удары, а потом взрывы гранат. Все оттаяли, с трудом веря в то, что еще живы, и поспешили захватить новые рубежи; начались короткие перестрелки, раздавалась отчаянная ругань, и снова выстрелы, но теперь уже по блокам. И новая партия манипуляторов замерла.

Понимая, что по-другому выкурить боевиков не удастся, Миха, скрепив сердце, сказал:

— Давай, Медведь, но как можно осторожнее. Хотя... как тут осторожнее?..

— Нет проблем.

И снова гранатомет покинули гранаты, но уже более экономно. Снова взрывы и продвижение вперед.

Хотя ящики уничтожили еще не все, работа манипуляторов прекратилась, и вскоре этому нашлось объяснение.

— Командир, они уходят, — сквозь громкий треск автоматов и винтовок доложил по радио Земен. — Они пользуются спасательными капсулами крейсера, а не идут к своим судам.

— Ясно. Ломонос, как у тебя?

— «Красный» обезврежен; собственно, тут, кроме десятка обкуранных бородачей, и не было никого. Сейчас возьмемся за «зеленого».

- Ловушка...
- Чего?
- Уходи оттуда! Перебирайся на другой борт, быстро!
- Понял.

Казалось, прошла целая вечность, и Миха стал думать, что у него просто паранойя. Но вот крейсер сотряс сильнейший удар. Мигнул и погас свет, после чего включилось аварийное освещение.

— Раз живы, значит, все закончилось хорошо, — сказал Медведь. — По крайней мере, я так думаю.

Из-за объявленного режима радиомолчания, Первый слишком поздно узнал о том, что одна из его абордажных групп уже вовсе не его, а непонятно чья. Как такое вообще могло случиться, он не понимал, но было уже поздно что-либо отменять, и операцию продолжили, понадеявшись, что остальные две смогут довести дело до конца.

Орудийные залпы были подтверждением, что операция идет успешно. Бин Лашен смотрел на монитор своего ноутбука: информация поступала прямо с орбиты.

Залп следовал за залпом, но вот часть орудий замолчала, потом еще одна батарея, а вскоре от крейсера стали отделяться спасательные капсулы. Операция была провалена, и Первый нажал на кнопку ликвидации в пульте, но вместо синхронного взрыва трех судов раздался только один.

Крейсер исчез во вспышке взрыва. Когда огонь погас, то стало видно, что крейсер получил жестокие повреждения. Целые отсеки и сектора отсутствовали, а сам корабль медленно уходил с орбиты, падая на планету.

Первый надеялся, что раз не удалось осуществить план максимум, то сработает план минимум: корабль если и не взорвется, то хотя бы упадет на планету. Но этого не случилось, маневровые двигатели, те, что еще работали, сначала хаотично, а потом более согласованно удерживали «Барракуду» от падения. Потом включились маршевые двигатели, выдернувшие корабль из цепких лап планетной гравитации, и стало понятно, что крейсер уцелел.

— Значит, не судьба, — с тяжким вздохом сказал Бин Лашен и тяжело откинулся на спинку кресла.

78

Неделю шло разбирательство по поводу случившегося. Допросы и лечение ран. У самого Кемпла была прострелена рука, что он с удивлением обнаружил уже на Чирмене; на ранение указал санитар.

Кроме Рыжего, отряд потерял Мокрого, его, раненого, в проходе между стеллажами со снарядами прирезал наемник бородачей. Зато группа Ломоноса оказалась цела, они успели убраться из отсека до того, как произошел взрыв и пораженную часть корабля перекрыли автоматические переборки.

— Ну что? — хмуро спросил Миха Кемпл у вошедшего полковника военной разведки, лицо которого не выражало никаких эмоций.

— Что именно?

— Что будет с нами?

— Да ничего не будет. — Полковник позволил себе легкую улыбку. — Хотя вас сначала хотели расстрелять, потом наградить, в итоге решили просто отпустить. Служи дальше, сержант.

— И на том спасибо.

— Да пожалуйста. Лучше скажи мне, это вы пристрелили адмирала Гордона?

— Я бы с радостью грохнул эту свинью, но, увы, это не наша работа.

— Да собственно, его вообще не нашли.

— Как так?

— Там много кого не нашли... наверное, в космос выбросило взрывом.

— Что ж, на могилку тратиться не надо... Вы ведь не для того сюда пришли, чтобы поговорить об адмирале, и даже не для того, чтобы сообщить мне относительно приятную новость, о том, что мы свободны; не ваш стиль, так что? Какое у меня следующее задание?

— Да все то же. Поимка Первого. Ты с самого начала буквально идешь по его следу, подбираясь все ближе и ближе. Случайность, конечно, но эта случайность перерастает в закономерность, а мы привыкли пускать в работу все, даже случайности. Вы уже выздоровели, примешь пополнение, и через пару дней забросим тебя в район, где, как мы полагаем, окопался наш Первый.

— Прекрасно. А с чего вы, собственно, взяли, что он на нашей территории, а не, скажем, у арабейцев? Там ему и теплей, и безопасней будет.

— Потому что разведка и там работает. А еще Первому нужно общаться со своими боевиками, радиопереговоры мы можем перехватить, а значит, информация передается лично. Если бы он был у арабейцев, то переходы курьеров через границу оказались бы слишком частыми и мы бы заметили.

Через два дня вертолет забрал «берсерков» прямо с госпитальной прогулочной площадки и унес в уже ставшие привычными джунгли, столь же привычно поливаемые дождиком. И вот они снова шли по следу.

— В госпитале было лучше, — сказал Ломонос. — Сухо, как в...

— Если опять скажешь хоть одно слово про город и баб, я тебя лично пристрелю, — оборвал фразу Миха Кемпл.

— О бабах теперь можно только мечтать, — грустно ответил Ломонос.

— Почему?

— Чекисты сволочи, деньги забрали.

— Дерьмо, а я совсем про них забыл, — сказал Медведь. — То-то я не мог никак понять, что это они меня целый день дрючат про какие-то взятки, я только через час вспомнил про них.

— Рассказал?

— А что мне оставалось?

Миха смотрел на Нюхача: последние несколько дней он как будто был сам не свой, часто оборачивался, застывал и к чему-то напряженно прислушивался. Одним словом, был на взводе.

Кемпл сам во время этого разговора почувствовал неприятное ощущение, как в детстве, когда в темноте казалось, будто за ним кто-то наблюдает или, еще хуже — подкрадывается. Но тогда он просто убежал, чего сейчас себе позволить не мог.

— Нюхач, — позвал Миха солдата.

— Что, сэр?

— Это я должен спросить тебя, в чем дело?

— Странно как-то...

— Что именно?

— Будто не мы охотимся, а на нас. Будто идут по нашему следу. А иногда наблюдают в прямой видимости.

— Чушь, — присоединился к разговору Ломонос. — Если бы мы были у них в прямой видимости, то они бы нас уже расстреливали со всех сторон и резали головы.

— Не факт.

— Почему?

— Ты забыл, на кого мы охотимся?

— Тем более бы грохнули.

— Тем самым они выдали бы себя и сюда бросили бы сотню поисковых групп. А так они следят за нами в надежде, что мы уйдем. Но как только мы окажемся слишком близко, тогда они на нас вынуждены будут напасть.

— Мы что, будем использовать их как ориентир?

— А почему бы и нет? Хотя... — Миха Кемпл на ходу достал карту. — Очень интересно.

— Что?

— Если предположить, что след, по которому мы идем, — подстава, то получается, что они уведут куда-то в сторону. Смотрите сами, если усреднить наш маршрут, убрав все зигзаги, то получается, что мы медленно, но верно забираем влево. Такое впечатление, что они не хотят пускать нас в этот район.

— Но по данным разведки там ничего нет.

— Ломонос, с каких пор ты стал доверять разведке? Мухоморов наелся?

— Ну и что ты предлагаешь?

— Плюнуть на этот след и повернуть направо.

— Прямо им в лапы.

— А мы и так у них в руках, просто обострим ситуацию.

На следующий день, после сильного дождя, который сыграл им на руку, солдаты, для порядка потоптавшись на месте, будто потеряв след, свернули направо. И уже во второй половине дня стал докладывать Чинк:

— Фиксирую переговоры, довольно оживленные. Два или даже три источника.

— Может, статические помехи? — высказал предположение Медведь.

— Я что, по-твоему, не могу отличить статику от радиопереговоров?

— Нюхач, — позвал Миха солдата и, когда тот подошел, спросил: — Бородачи видят нас?

— Наверняка сказать не могу, но вроде бы нет.

— Хорошо, возьми двух человек и «вилкой» проверь фланги и фронт. Доложить лично.

А мы устроим привал.

— Есть, сэр.

Нюхач ушел вперед, а двое выбранных им солдат-новичков в масках разошлись в стороны от основной группы, растворившись в лесу. Назад Миха отправлять никого не стал, поскольку был уверен, что по их следу и так идут.

Солдаты вернулись почти одновременно, словно сговорившись.

— Сэр, они зажимают нас со всех сторон, — доложил Нюхач. — В двух боковых группах по двадцать человек. Самая крупная — головная, там около тридцати пяти, и это при том, что мы не знаем, сколько идет по нашему следу. Короче, нам никак не пройти мимо них.

— У меня есть две новости, — во всеуслышание объявил Кемпл. — Хорошая и плохая.

— Давай с хорошей, — попросил Пироман.

— Мы идем в верном направлении.

— А плохая?

— Сейчас нас будут убивать... Но сидеть сложа руки мы не будем и нападём первыми. Как сказал кто-то из великих: лучшее средство защиты — это нападение. Бросьте все лишнее, мы выдвигаемся.

На военном совете Кемпл принял решение напасть на правую группу бородачей. Солдаты, бросив на стоянке всю ненужную поклажу, бесшумно передвигались по лесу. Но и боевики не дремали, надеясь поймать престижную добычу, зная, как она опасна. Потому бесшумно удалось снять только троих часовых, четвертый хоть и был убит, но успел поднять тревогу. И тут же лесную тишину разорвали автоматные очереди.

— Медведь, береги снаряды...

— Понял.

Было такое впечатление, что огонь вели отовсюду. Солдаты рассредоточились на местности, пытаясь обойти противника с фланга, и сделать это нужно было как можно быстрее. Все понимали, что к боевикам идет мощное подкрепление, знали это и сами боевики, оказывавшие солдатам упорное сопротивление.

— Баден-Баден, Бур, Пироман, за мной, — подозвал Миха ближайших солдат.

Группа обходила боевиков с левого фланга, хотя делать это было крайне сложно:

бородачи не сидели на месте и также передвигались.

— Обходите их, я прикрою...

Кемпл остался на месте, вычисляя боевиков. Аппаратура точно фиксировала огневые точки, но помочь это сейчас не могло, приходилось действовать по старинке.

Боевик отвлекся на бегущих солдат, выпустив в них очередь, из-за чего слегка высунулся из-за укрытия, за что тут же поплатился. Кемпл нажал на курок, и боевика отбросило за дерево. Миха знал, что попал.

— Что ж, поработаем и дальше на живца... только теперь им буду я.

— Понял тебя, Кот.

Кемпл поднялся во весь рост и побежал вперед. Кто-то высунулся, чтобы подстрелить его, но Миха успел спрятаться за дерево, и в следующую секунду заработал пулемет Бура. Боевика продырявило насквозь, не помогло даже то, что тот спрятался за небольшим земляным валом, спасшим бы его в другое время. Пули проходили через сырую землю, как нож сквозь масло.

Солдаты обошли боевиков и стали рушить их систему обороны, сгоняя с огневых точек, заставляя перебираться на другое место, где их настигали пули теперь уже всех солдат. Боевики разбежались, потеряв половину своих товарищей.

— Уходим, уходим, — подгонял всех Кемпл. — Сейчас остальные примчатся.

— Кружка с Земеном ранены.

— Док, потом займешься их ранами.

Но Док все же успел поставить «пробки», наспех перебинтовав пластыри, которые при соприкосновении с кровью намертво прилипали к телу, останавливая кровотечение. Солдаты, подхватив раненых, обратились в банальное бегство.

Боевики настигли их, и даже более того — обогнали, взяв в плотное кольцо окружения. Солдаты отчаянно отстреливались, делая смелые вылазки, но это мало помогало, боевики усиливали натиск.

— Чинк, Чинк!

— Да, сэр.

— Вызывай координаторов.

— Есть, сэр.

— Кружка!

— Что, Кот?

— Иди сюда! — сквозь треск автомата позвал Кемпл наводчика. — Какие наши координаты? Мой ОМП разбит.

— Связь установлена...

— Вот. — Кружкин протянул карточку с написанными на ней координатами.

— Хорошо. База, база... говорит подразделение «берсерк», позывной «Пиявка два-ноль-три». Прошу огневой поддержки... Ракеты? Нет, слишком мощные, высылайте авиационное крыло, оно более мобильно, а мне нужна ювелирная работа. Пишите координаты: квадрат 912 — Альфа 128,98 — Бета 23,45. Обстрелять вокруг точки 1,0,0,1. Как поняли?

79

Координатор Зиг Нюмберг не любил работать в это время года, когда сезон дождей подходил к концу. Связь зачастую была отвратительной из-за бушующих электромагнитных бурь, многократно усиливающих во время дождя. Кроме того, он уже полгода не был дома, и появились серьезные семейные проблемы.

— У нас вызов с планеты.

— А там есть дождь?

— Куда ж без него.

— Черт...

Зиг надел наушники и тяжело вздохнул: к статическим разрядам и шуршанию в эфире еще добавился треск автоматных очередей и чьи-то крики.

— Говорит база... — меланхолично начал Зиг Нюмберг. Ко всем этим крикам он уже давно привык. — Слушаю вас, «Пиявка два-ноль-три»... Могу предложить точечный ракетный обстрел с ближайшего к вам ракетного поста. Не надо, так не надо, мое дело предложить... Ваш заказ принят, вызываю вам на помощь авиационное крыло майора Раковского, будут через тринадцать минут. Ваши координаты... — Зиг стал морщиться от усиленного треска в наушниках. — Вас понял.

Нюмберг в нарушение инструкций отключил связь, не продублировав координаты обратно, и стал набирать номер авианосца, пришедшего на замену подбитого бородачами крейсера, ушедшего на долговременный капитальный ремонт.

— Ну что там? — спросил Зига его напарник.

— Да все как обычно, — лениво отозвался Нюмберг. Его мысли опять ушли куда-то далеко, и он представил, как вернется домой, а произойдет это обязательно в тот момент, когда его бывшая возлюбленная будет находиться в постели с другим, и он задушит эту стерву, бросившую его. Зиг представил ее выпученные глаза и посиневший язык... но сначала нужно будет пристрелить своего друга детства, к которому она ушла. Зиг встряхнул головой, отгоняя наваждение. — Да все как обычно, «берсерки» куда-то вляпались, а теперь их задницы надо вытаскивать.

— Во, у меня тоже вчера подобный случай произошел, десантники нарвались на...

— Заткнись, Кико... — оборвал треп товарища Зиг: на связь вышел авианосец. — Требуется авиационное крыло майора Раковского; кажется, он на очереди...

— Увы, майор серьезно заболел, его заменяет капитан Цейтон.

— Да мне плевать, кто там кого заменяет, пишите координаты.

— Давайте.

— Квадрат 912 — Альфа 128,98 — Бета 23,45. Обстрел вокруг точки 1,0,1,0. Как поняли?

— Вас понял. Авиационное звено уже в пути.

— Хорошо, отбой.

«Я убью эту стерву, вот возьму отпуск и убью, но сначала затрахую до полусмерти, а потом убью, — мечтательно думал Зиг. Потом его мысли неожиданно сменили русло. — 1,0,1,0 или же 1,0,0,1? Да какая, к чертям, разница?! Главное, что я убью ее. Убью!»

Кико наблюдал за своим напарником, за тем, как сжимаются и разжимаются ладони Зига.

Как на его лице блуждает полусумасшедшая улыбка, которую резко сменяют судороги лицевых мышц.

— Зиг, с тобой все в порядке? Может, тебе стоит сходить отдохнуть?..

— Я и тебя убью... — повернувшись к напарнику, с расстановкой произнес Нюмберг и стал медленно вставать. Глаза его были безумны.

— А-а-а! Помогите!!!

80

— Сука... трубку бросил, — зло произнес Кемпл. — Так, камрады, до подхода помощи нам нужно продержаться еще тринадцать, пятнадцать минут!

— Продержимся...

Боевики намертво сжали кольцо окружения, и солдатам оставалось надеяться только на внешнюю помощь, несмотря на то что боевикам не удавалось подобраться ближе. Скупые, но точные очереди выбивали бородачей одного за другим.

— Медведь, приготовься. Как только начнется обстрел, кладешь мины вон там. Будем уходить.

— Понял.

Бой продолжался, и Кемпл, как и все прочие солдаты, отстреливался от назойливых бородачей. Не давая тем высунуть носа из-за ствола.

Приближающихся самолетов, спустившихся прямо с орбиты, было не слышно. Обстрел начался внезапно. Тяжелые разрывы ракет валили деревья, разбивая их в щепу, но, несмотря на это, огонь боевиков не ослабевал. Самолеты пронесли над местом боя и стали заходить на второй круг.

— Не нравится мне это, — произнес Баден-Баден, всматриваясь в небо. — Прямо на нас летят.

— Это так кажется...

Начался пушечный обстрел, и стало понятно, что Баден-Бадену не казалось. Снаряды легли прямо по краю позиций «берсерков», разметав часть боевиков. Самолеты, встав на крыло, пошли на очередной заход.

Предчувствуя неладное, Чинк, предусмотрительно запомнив бортовые номера самолетов и выяснив по специальной программе их позывные, стал вызывать их пилотов:

— Борт А-212-1 «Морион», ответьте... Самолеты пошли в очередную атаку, и всем пришлось искать укрытие, в том числе и радисту. Хотя какое в лесу могло быть укрытие от авиационной пушки?

— Борт А-212-1 «Морион», прекратите... — снова вызвал по радиации Чинк командира авиационного крыла, когда самолеты прошли по лесу всепокрушающим пушечным огнем и пошли на очередной разворот. — Прекратите, прекратите, вы стреляете по своим! Прекратите...

Но пилоты самолетов не слышали или не хотели слышать, ведь у них был четкий приказ, а вызвать их могли не только свои, но и чужие. Такое уже случалось.

Миха Кемпл наблюдал затем, как Чинк кричит в радиацию и за тем, как самолеты делают горку перед очередным налетом.

— Стреляй, Медведь! А то через пару-тройку заходов от нас ничего не останется.

— Есть.

Медведь выбрал цель там, где прошелся огнем самолет. Хлопки вышедших из ствола гранат накрыли заданный квадрат.

— Отступаем!

— Прекратите, прекратите, вы стреляете по своим, — продолжал бубнить радист.

— Чинк, чтоб тебя, уходим!

Солдаты бежали прочь, уходя из зоны поражения, когда начался новый обстрел, попрытались и боевики, чтобы не досталось им.

— Прекратите, прек...

— Черт, — выругался Миха.

Плотная очередь хлестнула по лесу, и один из снарядов оборвал Чинка на полуслове, проделав огромную дыру в его груди, пройдя сквозь ствол, как оказалось, гнилого изнутри дерева.

Солдаты, поддерживая раненых, бежали по лесу, а самолеты все продолжали утюжить территорию, казалось, еще с большим ожесточением.

Пять самолетов обстреливали вокруг точки 1,0, 1,0. Корпус машин дрожал от изрыгаемого четырьмя пушками огня, когда тысячи снарядов уносились к земле, вызывая страшные разрушения. А по радиации все звучал этот голос:

— Прекратите, прекратите...

— Слушай, Руди, может, это действительно наши?

— Не знаю, что и думать, Дерк, может, и наши, — ответил капитан Цейтон.

— Скорее всего: этот радист сам на нас вышел, хотя нас с самого начала должен был соединить координатор, для корректировки нашего огня.

— Чего ты от меня хочешь, лейтенант?

— Не знаю, может, прекратим огонь? Как бы своих не перебили.

— Прек...

— Упс, кажется, мы его грохнули... — сдавленно, из-за перегрузок, сказал Дерк, отстрелявшись и выводя машину из пике.

— Та-ак, — растягивая слова, произнес капитан, явно приняв какое-то решение. — Гасим здесь всех.

— Но...

— Я сказал, всех!

— Есть, сэр.

Теперь самолеты шли сплошным фронтом, не выбирая участки для обстрела. С направляющих сошли последние ракеты, а пушки перемалывали все то, что уцелело от прошлых заходов.

81

Солдаты бежали долго, несколько часов, с короткими передышками, передавая раненых друг другу. Самолеты перепаживали местность еще минут пять и не улетели, пока не израсходовали весь боезапас.

— Там, наверное, даже жучков-древоточцев не осталось, — сказал Медведь.

— Но лучше бы, чтобы там остались бородачи с дырами в башках, — ответил Ломонос.

Кемпл еще раз пересчитал своих бойцов, но цифры остались неизменными: четыре человека убито и трое с осколочными ранениями в конечности от разрывов пушечных снарядов, им Док оказывал первую медицинскую помощь. Погибли двое новичков и радист, и еще один солдат по кличке Мятый, Миха его плохо знал.

На помощь позвать было нечем. Индивидуальные средства связи работали в радиусе семи километров, но на такой дистанции сейчас никого не было, Кемпл это только что проверил. Правда, еще оставались индивидуальные маячки, которые при определенной комбинации цифр могли работать в двух режимах: вызова огня на себя и вызова эвакуации.

Сам отряд засел на одном из холмов, чтобы за ночь отдышаться и наметить план будущих действий. Солдаты, как положено, занимали огневые точки на случай атаки неприятеля.

— Кот, Земен совсем плох, — произнес Док.

— Что так?

— Сильная кровопотеря плюс внутреннее кровотечение, я их как мог остановил, но два осколка в животе...

— Как они там оказались?

— Через бок, между стыками бронежилета прошли. Без госпиталя он долго не протянет.

— Сколько?

— Сутки, максимум полтора.

— Понятно... Сам понимаешь, рации нет, а если включить маячок, то с вероятностью девяносто процентов через час здесь будут бородачи, и только еще через два часа прилетит вертолет. Расход боеприпаса семьдесят процентов. Как думаешь, мы продержимся еще два часа, даже при поддержке с воздуха, особенно если она будет такой же, как сегодня?

— Нет.

— То-то и оно.

— Но что тогда?

— Пусть солдаты сделают носилки. Завтра днем мы постараемся уйти подальше и тогда вызовем эвакуатор.

— Хорошо.

Половина ночи прошла спокойно, солдаты отдохнули и ждали рассвета, чтобы под покровом тумана уйти как можно дальше. Кемпл делал обход лагеря и произвольно остановился возле раненых.

— Звезды... — чуть слышно прошептал Земен. — Я ведь в детстве мечтал стать космопроходчиком, открывать новые планеты, новые миры...

Миха сначала подумал, что боец бредит от ран, но потом ощутил, что дождь давно прекратился, и поднял голову к небу. Тучи местами разошлись и в разрывах виднелись необычно крупные точки звезд: так было всегда, когда их долго не видишь. Взглянув на них, Миха тоже вспомнил свои несбывшиеся мечты.

— Тут я тебя очень хорошо понимаю... Но какие наши годы, может, еще станем?

Сразу с нескольких сторон в небо, роняя снопы искр, взлетели осветительные ракеты.

— Черт, как же они нас нашли?..

— К бою! — выкрикнул Миха, надевая шлем.

И тут же со всех сторон послышались автоматные очереди, и где-то совсем близко разорвались гранаты.

— Они нас окружили!

Бой разгорелся с новой силой, солдаты отстреливались скупыми очередями, задействовав электронику на все сто процентов, работая в режиме ночного видения.

Мерно щелкал снайпер, засев между камнями, отстреливая самых опасных противников.

Боевики, потеряв убитыми несколько человек, поняли, что разделаться с противником наскоком не получилось, и отступили. Такой сложной системы, как «корсар», у них не было, а целиться через обычный прибор ночного видения из автомата не так-то просто, тем более попасть.

— Медведь, сколько у тебя гранат? — спросил Миха через полчаса, когда уверился, что боевики отступили.

— Четырнадцать штук.

— Сейчас пойдем в контратаку. Раздели снаряды на три серии.

— Хорошо.

— Ломонос.

— Что?

— Приготовь людей, и по моей команде будете уходить. Вот сюда. — Кемпл показал пальцем на небольшую впадину в полукилометре от холма. — Видишь овраг? Вот там нас подстрахуете, если что пойдет не так.

— Ты чего задумал?

— Скоро узнаешь. Пошли, Медведь, вспомним наш экзамен в пехотной учебке.

— Что ж, я не против.

— Не подстрели нас на обратном пути, Бур. Война все спишет, но мне будет неприятно в аду. Там жарко, а я не люблю сильную жару.

— Не бойсь, — ухмыльнувшись, бросил пулеметчик. Он должен был прикрыть их отход, отвлекши боевиков на какое-то время, и потом отступать следом.

Два солдата бесшумно крались по лесу. Инфракрасный датчик сначала робко, а потом все отчетливее показывал, где находится наибольший источник тепла. Подкравшись поближе, Миха насчитал тринадцать чего-то ждущих боевиков, залегших за деревьями.

«Сами виноваты, — подумал Кемпл. — Тринадцать — несчастливое число».

Знаками объяснив диспозицию Медведю, Миха пополз дальше; он заходил во фланг, спускаясь ниже по склону. Боевики собрались в небольшие группки и о чем-то тихо перешептывались. Часовых не было: видимо, посчитав, что загнали неверных в угол и те просто не решатся что-либо предпринять, баченцы расслабились.

Миха встал во весь рост; кто-то его заметил и испуганно вскрикнул:

— Шайтан!

Это стало его последним словом: Миха нажал на курок и принялся стрелять по лежавшим на земле боевикам. Они пытались увернуться от пуль, но половине этого сделать так и не удалось. Рожок опустел, и Кемпл со всех ног бросился обратно, до того как по нему догадались открыть ответную стрельбу.

Пули вились вокруг, и одна даже попала в голову, сильно ударив по шлему, так что Миха споткнулся и упал, вызвав ликующие возгласы. Боевиков становилось все больше, и тут заухал гранатомет Медведя. Сухие звуки разрывов вызвали несколько воплей и сдавленных стонов.

Бородачи залегли, что дало возможность Кемплу сделать еще один бросок и добраться до следующей огневой позиции.

— Кот, ты как? — озабоченно спросил Медведь по радио.

— Нормально. Ты почему так долго?

— Ждал, пока скучкуются.

— Ладно, отходи.

Миха поменял рожок и, одновременно смещаясь в сторону, начал стрелять по высунувшимся было боевикам, жаждавшим подстрелить уходящего гранатометчика. Теперь уже шла настоящая перестрелка.

Переключив во время короткой передышки ночник на инфракрасный режим, Миха понял, что они добились своей главной цели и им удалось оттянуть на себя значительные силы противника.

82

Отстреливаясь, Миха Кемпл поднимался все выше. Обозленные боевики старались его обойти, но нарвались на Медведя, который разогнал их второй серией из гранатомета, добавив из автомата. Решив, что они оттянули на себя достаточно большие силы, Кемпл приказал:

— Ломонос, пошел.

— Уже уходим.

Миха с Медведем, прикрывая друг друга короткими очередями, поднимались по холму все выше и выше. Гранаты уже давно закончились, и ненужный гранатомет был выброшен. Боевики укрылись, подумав, что это какая-то мина, дав тем самым беглецам пару лишних секунд.

Заработал пулемет.

— Вовремя, Бур. Дай еще пару очередей, и пошли догонять остальных.

— Очередей будет сколько угодно, но что до последнего, уж не взыщи.

— Земен? — удивился Миха. Только теперь он увидел, что пулеметчик более щупл, чем Бур. — Ты почему здесь? Где Бур?

— Да ладно тебе, не маленький уже, — ответил Земен, дав длинную очередь по лесу. — Не дотяну я, видишь, кровью уже плююсь. Недолго осталось, а ты лучше иди, командир, времени совсем мало.

С этими словами Земен вытащил индивидуальный маячок, на нем горела красная лампочка.

Кемпл и сам хотел оставить такой маячок, но, как видно, Земен его опередил. И как бы это жестоко ни звучало, все складывалось к лучшему, ведь боевики не сунутся за ними, пока будет работать пулемет.

— Уходим, Кот, — произнес Медведь. — Сейчас ракетчики здесь все с землей смешают.

— Спасибо тебе, Земен.

— Да не за что.

Раненый солдат начал поливать все свинцовым дождем, и Михе с Медведем не осталось ничего другого, как уносить ноги.

— Уходим, уходим, — выкрикнул Миха двум вышедшим навстречу солдатам. — Сейчас здесь такое начнется...

— Уже началось, — ответил один из них, кивнув в сторону горы.

С ночного неба быстро неслись яркие точки, их было не так уж много, но и не мало.

Ракеты летели очень кучно и вскоре со страшным грохотом упали. Мощные взрывы сотрясли округу, а в небо после ослепляющей вспышки взлетали тучи земли.

— Уходим.

Солдаты шли в утреннем тумане, и его густая кисея скрывала все, что находилось дальше вытянутой руки. В этом плотном мареве от всей хитроумной аппаратуры не было никакого толка; единственное, что не давало сбиться с пути, так это обыкновенный компас.

— В таком тумане они нас точно потеряют.

— Найдут, если ты и дальше будешь трепаться, — ответил Ломоносу Кемпл.

— Куда мы хоть идем-то?

— К скалистым горам, там легче спрятаться. Но пока добрались до гор, пришлось обойти два земляных холма, очень похожих на тот, где лег Земен, и каждую минуту солдаты ожидали, что их раскроют, тем более что туман почти рассеялся. Но этого не случилось. Отряд шел по горной речке, надеясь хотя бы так замести следы: ведь неизвестно, как на них вышли прошлый раз, и в итоге Кемпл решил, что без собак тогда не обошлось.

— Долго еще так идти? А то я пальцев уже не чувствую!

— Сейчас будем подниматься.

— Отлично.

Подъем дался трудно, особенно с ранеными: те хоть и передвигались самостоятельно, накачанные препаратами из аптечки Дока, но все равно приходилось подстраховывать. Очень не хватало альпинистских принадлежностей, брошенных с прочим имуществом на тропе. Но как бы там ни было, Нюхач вернулся с хорошей новостью: он обнаружил небольшую пещеру, подходящую для дневного укрытия.

— Жрать хочу — сил нет, а то на этих «таблетках бодрости» далеко не уйдешь.

— Вот и займись. Нюхач, сходи с ним. Вдвоем они вернулись, неся в руках освежаванные тушки животных. Внутри пещеры оказалось довольно много сухого хвороста, то ли нанесенного сюда бурями, то ли притащенного зверьем, так что получился хороший костерок, на котором и зажарили добычу.

— Край непуганой дичи, голыми руками брать можно.

Ракетный обстрел оказался для Шамиля Баджиева полной неожиданностью, чем и объяснялись тяжелые потери его отряда, достигавшие сорока процентов, и это не считая потерь от вылазок «берсерков». В итоге его отряд оказался ополовиненным. Как бы там ни было, Шамиль продолжал преследование, хотя их должны были сменить две свежие группы. Но подчиниться приказу он не мог, поскольку нужно было реабилитироваться, ведь под его командованием оставалось еще сорок боеспособных человек.

— Хамзай, что с собаками?

Отчетливые следы исчезли на каменистой почве в начале ущелья. Очевидно было, что северники решили спрятаться там, но в какую сторону они пошли? Идея с собаками принадлежала ему, и арабийцы любезно предоставили пару списанных по старости поисковых псов, раньше работавших в полицейской охране на космодроме. Одну из них, правда, вместе с кинологом разнесло в клочья прямым попаданием ракеты при последнем обстреле.

Потерь могло быть гораздо больше, если бы кто-то не заметил в небе яркие точки и не предупредил остальных.

— Ничего, как в стену уперлись.

— Ладно, делимся на два отряда.

Шамиль со своим взводом направился вправо.

— Самуил, у тебя глаз поострее будет, так что поднимись на вершину и осмотри все. Обо всех подозрительных вещах докладывай немедленно.

— Слушаюсь.

Самуил еще с двумя боевиками довольно быстро взобрался на гору. Вторым отряд

действовал по тому же сценарию, только наверх полез гранатометчик.

— Командир, вы просили докладывать обо всем подозрительном...

— Что там, Самуил?

— Такое впечатление, что над землей поднимается горячий воздух. Знаете, такая игра с преломлением света...

— Где это?

— Примерно в полукилометре от меня и в семистах метрах от вас.

Шамиль отключил связь и передал полученную информацию второй группе, закончив разговор словами:

— Окружаем их.

83

— Отдохнули, поели, поспали, пора и честь знать, — сказал Ломонос, сменив лежачее положение на вертикальное.

Все, что было поймано, было съедено, а на углях дожаривалась змея, приползшая на запах крови.

— Пусть стемнеет, — возразил Кемпл.

— Я, конечно, все понимаю, но это даже не пещера, а просто нора какая-то. Ни укрыться нормально, ничего толком...

— Хорошо, ты остаешься за главного. Нюхач, Баден-Баден, идем на разведку. Остальным приготовиться. Если все будет нормально, то вызываем эвакуаторы.

Но нормальной разведки не получилось: через час все вернулись обратно. Выслушав доклады, Миха подытожил:

— Мы снова в окружении, бородачи озлоблены и просто так нас не выпустят.

— Это ежу было понятно с самого начала.

— Я там пещерку приметил, — сказал Нюхач. — Обследовать ее подробно времени не было, но она гораздо глубже, чем эта.

— А почему раньше не сказал?

— Не знаю, из головы вылетело...

— Ладно, идем в ту пещерку.

— Оп-ля... — протянул Ломонос. — Они уже в прямой видимости.

— Тем более нужно уходить. Веди, Нюхач. Солдаты, прижимаясь к скалам, стали уходить, но их все равно заметили и открыли автоматный огонь. Глаз остановился.

— Что с тобой?

— Все в полном порядке. Идите, я вас догоню.

— Хорошо...

Снайпер выбрал себе точку и стал стрелять по стремительно приближающимся боевикам. Потеряв нескольких человек, боевики залегли, не в силах из простого стрелкового оружия достать снайпера.

Группа уходила все дальше, ведомая Нюхачом. Вдруг сзади раздался грохот сильного взрыва и вслед за ним звук камнепада. Все мысленно простились со снайпером, но спустя минуту снова раздались сухие щелчки «корвета». Потом снова пауза: видимо, Глаз менял позицию — и снова стрельба.

— Где эта чертова пещера?

— Еще метров сто...

Эти самые сто метров «берсерки» преодолевали уже под шквальным огнем бородачей: спасло только то, что стреляли бачченцы слишком с большого расстояния. Но все равно половина солдат получила сильные ушибы от ударов пуль по бронежилетам, хотя обошлось без ранений.

— Это хорошо, что у них снайпера не было.

— Почему?

— Потому что мы были бы уже трупами.
— Кстати, что с нашим Глазом?
— Сейчас узнаем, — сказал Миха и стал вызывать снайпера, но ответа не было. — Не отвечает.

— Нюхач, а ты не мог бы случайно другую пещеру найти? — поинтересовался Ломонос, вернувшись после обследования пещеры.

— Что там? — спросил Кемпл.

— Да это форменная ловушка.

— Помолчи, Лом, и без тебя тошно. Он с самого начала сказал, что она до конца не обследована. Но это все же лучше, чем наше прежнее убежище, где все просматривалось как на ладони.

— Мне вот интересно, что они предпримут? — спросил Медведь, ни к кому не обращаясь.

— Сдавайтесь, неверные! И мы гарантируем вам жизнь! — прокричал боевик совсем рядом.

— Ага, триста пятому отряду они тоже гарантировали жизнь, — прокомментировал предложение боевиков Бур.

— И что?

— Ничего, их головы прислали командованию в посылке.

— Такой вариант нам не подходит.

— А если мы не согласимся, то что?

— Мы вас убьем.

— Хотелось бы знать как?

— Вот сейчас и узнаете.

— Ну-ну...

Через пару минут явственно почувствовался запах дыма, который становился все сильнее.

— Решили нас выкурить.

— Придурки. Видимо, они никогда не имели дело с «берсерками» или имели очень давно. Иначе бы знали, что у нас есть фильтры, — сказал Медведь.

— Может, они знают и решили просидеть здесь до самого утра: ведь дополнительных фильтров у нас нет, а тех, что на нас, хватит на четыре часа.

Дым заполнил всю пещеру; повторное, более тщательное ее изучение ничего не дало, пещера оказалась закрытой. К исходу третьего часа возникли проблемы с дыханием.

— Ломонос, Медведь, за мной...

— Ты чего задумал?

— Там уже стемнело, наведем немного шороху.

— Понял.

Три солдата подошли к выходу, рядом с которым горел хороший костер. Бородачи подбрасывали сырые ветки, чему-то смеясь, предвкушая легкую добычу и иногда постреливая внутрь, для острстки или же для собственного спокойствия. А еще три боевика самозабвенно махали огромными ветками, словно опахалами, чтобы весь дым уходил не в небо, а шел в пещеру.

Им-то и достались первые пули. Один раненый боевик упал в огонь и стал там жутко дергаться, дико крича, раскидав костер в стороны.

Солдаты еще немного постреляли и поспешили скрыться. И надо сказать, сделали это вовремя. Потому как на то место, где они стояли, обрушился настоящий шквальный огонь и даже пару выстрелов из гранатомета.

— Хорошо получилось.

— Да, только теперь они нас точно в живых не оставят.

— Ну и пошли они...

Дым потихоньку выветрился, но бородачи больше не стали разводить огонь, и солдаты

смогли дышать без фильтров. Впрочем, «берсерки» понимали, что это ненадолго, так сказать: жизнь взаимы.

Перед расцветом, когда у всех без исключения слипались глаза, вдруг послышался сдавленный хрип, а потом дикий крик падающего в пропасть бородача, оборвавшийся с глухим ударом. И вслед за этим кто-то залез в пещеру.

Снова начался обстрел, который, впрочем, скоро закончился.

— Глаз? — удивился Миха.

— Я...

Снайпер был не в лучшем состоянии. Всегда идеально выглядевший солдат сейчас был в рваном тряпье и кровоподтеках, без оружия и брони, в одном маскхалате, тоже рваном.

— А мы уж думали, что тебя того...

— Я и сам так думал, но как говорится: я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

— Молодец.

— У меня плохие новости...

— Что ж, нам не привыкать, — ухмыльнулся Ломонос. — Говори, чего там.

— Кажется, они тащат сюда «РД-600». Конечно, я смотрел издали, но очень похоже.

— Хреново. Ракетная установка, ракета из которой может летать в пещерах по проходам, огибая все повороты. Объемный взрыв в замкнутом пространстве.

— Да, от такой не укрыться.

— Ну почему же, — возразил Пироман — любитель взрывчатки и огня. Севший за то, что спалил целый квартал пригорода.

— Что ты имеешь в виду?

— Скорость ракеты относительно небольшая, просто в момент взрыва нужно выйти из пещеры.

— Ну ты сказал! — хохотнул Ломонос. — Под пули бородачам, что ли?!

— Другого пути нет.

— Ладно, пойдемте поближе к выходу, — сказал Миха Кемпл. — У нас действительно нет другого пути, кроме того, что предложил Пироман.

84

Приготовления шли полным ходом. «Берсерки» были очень упрямы и дважды за ночь делали вылазки. Один раз уничтожив всех костровых, а второй раз — двух часовых, которые сидели там специально: следить, чтобы из пещеры никто не вышел, но и их скинули в пропасть. Как такое могло случиться, оставалось непонятным.

«Ничего, — мстительно думал Шамиль Баджиев. — Сейчас вас поджарят до золотистой корочки, причем вашим же оружием!»

Новейший комплекс устанавливали напротив входа в пещеру, на противоположном склоне ущелья. Поступила информация, что северники специально придумали установку для выкуривания боевиков, но часть партии через продажных военных попала к ним.

Комплекс выглядел слегка неуклюже и стоял на треноге. Первый стрелок зарядил его ракетой и повернулся к своему командиру, тот кивнул. Второй стрелок, что прицеливался, нажал на кнопку пуска.

Ракета с шипением покинула трубу и, как в замедленной съемке, полетела к пещере. Влетела внутрь... и тут произошло неожиданное: северники выбежали наружу и прижались спинами к скале по обе стороны входа.

Шамиль хотел крикнуть — «стреляйте», но язык не повиновался, настолько все неожиданно произошло. Наконец зазвучали первые очереди, но тут грянул взрыв, и столб огня длиною в десятки метров вырвался из пещеры, вышвыривая, как ядра, огромные камни. Потом обратная тяга всосала воздух обратно в пещеру: это было хорошо видно по движению пыли. Под ее завесой солдаты вбежали в пещеру.

— Заряжайте, заряжайте по новой! — кричал командир на своих подчиненных. — Всем

внимание! Если выбегут еще раз, стреляйте!

Шамиль ждал, прицелившись из автомата. Ракетчики со всей осторожностью зарядили новую ракету. Произвели выстрел, но на этот раз наружу никто не выскочил. Снова выметнуло столб огня.

— Проверьте!

Шамиль одним из первых вошел в пещеру и всю ее осмотрел, но ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего трупы, так и не нашел.

— Куда же они делись? — удивлялся один из боевиков. — Не могло же их сжечь так, что даже следа не осталось?!

— Назад, назад! — кричал Миха Кемпл, когда огромный столб огня растворился в воздухе.

Все ринулись обратно, инстинктивно убегая в самый конец пещеры, опасаясь, что сейчас ударят парой десятков обычных гранатометных снарядов. Во многих местах пещера обрушилась, но это не сильно затрудняло движение. «А зачем мы, собственно, туда бежим?» — спросил себя Миха. Но ответа так и не нашел, от этого вопроса его отвлек возглас Дока:

— Смотрите!

В том месте, где еще недавно стояла стена, зияла довольно большая дыра.

— Сюда и врезался снаряд...

— Все туда, — приказал Кемпл и одним из первых шагнул внутрь.

Инфравизорный прибор, встроенный в шлем, позволял разглядеть своды новой пещеры как днем, и отряд быстро убегал, понимая, что сейчас жажнут по новой. Единственно, что приходилось, это поддерживать снайпера, который после потери шлема был слеп как крот.

Раздался взрыв, и пламя смерчем догнало отряд, ударив слабой, но горячей волной. Послышался звук падающих камней, после чего установилась абсолютная тишина, стал слышен даже звук дыхания.

Кемпл с Нюхачом вернулись обратно, но обвал засыпал все в районе взрыва, надежно запечатав вход.

— Хорошую ты пещеру нашел, Нюхач...

— Спасибо, сэр.

— Ну что там? — спросил Ломонос, когда разведчики вернулись обратно.

— Глухо. Все запечатано намертво.

— Это хорошо. Что будем делать? Ждать, пока они уйдут, и откапываться или же примемся бродить по пещерам?

— Я предлагаю последнее.

— Тогда пошли.

Солдаты бродили по длинным коридорам с многочисленными развилками. Время ощущалось здесь по-иному, и они давно потеряли бы ему счет, если бы не хронометры, которые делили пройденную вечность на минуты и часы.

Часы же складывались в дни, и все это время работал самописец, который записывал путь, пройденный солдатами, в блок памяти, составляя карту на случай столкновения и необходимости организованно отступить, спрятаться и самим напасть из засады. Все это скрупулезно записывалось еще и для того, чтобы не плутать по пещерам.

— Привал, — сказал Миха Кемпл.

— Ну наконец-то, а то топаем уже пятый час, — сказал Ломонос, слепо опускаясь на землю. Сейчас был его черед идти слепым. Его шлем надел Глаз, поскольку идти, ничего не видя, несколько дней подряд было слишком утомительно.

— Ты забыл сказать о третьем дне.

— И это тоже...

Кемпл был уже и сам не рад, что выбрал подземелье, но другого пути, кроме как идти дальше, не оставалось.

В переходе солдаты питались сырой рыбой, пойманной в подземных озерах, и другой

живностью вроде змей, полностью слепой. Что было неутешительно, поскольку означало, что нигде поблизости нет источника света, а значит, выхода на поверхность. Зажарить же добычу было не на чем, поскольку ничего, похожего на топливо, в пещере не имелось.

— Заплутали мы, а от этой сырой жратвы меня уже тошнит. Нет даже никакого намека на выход.

Кемпл и сам подавлял в себе рвотные позывы, но тем не менее ел. На уроках выживания «берсерков» им приходилось и не такую гадость есть.

— Ничего, рано или поздно мы выберемся, — сказал Миха, с остервенением пережевывая сочащееся кровью мясо.

— Хорошо бы, чтобы это «рано или поздно» закончилось через пять дней, — сказал Ломонос, надевая переданный Глазом шлем, и добавил: — Максимум, а то есть нехорошая вероятность остаться здесь насовсем.

Миха посмотрел на датчик разрядки батарей и согласился с выводами своего капрала. Ночники работали чуть ли не круглосуточно, и батареи разрядились на тридцать процентов.

— Значит, через пять дней будем снаружи. Солдаты еще два дня блуждали по пещерам, пока Нюхач, шедший впереди, не застыл и, подняв руку, сжатую в кулак, не скомандовал:

— Стой...

Все сразу же присели и стали напряженно вслушиваться. Кемпл увеличил громкость в слуховом аппарате, который остался при нем, хотя слух его после драки пришел в норму. Поначалу Миха слышал только сипение солдат и шуршание камней под ногами. Потом он услышал, как где-то капает вода, и только сквозь эти, казавшиеся громовыми, звуки расслышал слабые голоса, многократно отраженные от стен, а потому невозможно было понять, о чем идет речь. К тому же говорили на бачченском. Впереди находились бородачи, и Миха в который раз подивился чутью Нюхача, подумав: «Не зря ему дали такую кличку, ох, не зря...»

— Вперед, — сказал, Кемпл.

Боеприпасы давно поделили поровну, а потому все были готовы к подобной ситуации, и солдаты осторожно двинулись вперед, стараясь не выдать себя ни единым шорохом.

Вскоре за очередным поворотом показался слабый свет, мельтешение теней, и самое неприятное или, наоборот, приятное: все почувствовали скручивающий кишки в голодном спазме запах разогретой еды. Кемпл всерьез опасался, что у него сейчас очень громко заурчит живот и тем самым выдаст их местонахождение, а потому он недолго думая приказал:

— В атаку!

Озлобленные солдаты двигались стремительно. Прозвучали первые очереди, блеснула вышедшая из ножен сталь, и вскоре все боевики, решившие пообедать, были убиты.

— Черт!

— Что такое, Кот?

— Да языка забыли взять.

— Ничего, дальше уже сами разберемся, где тут выход, где тут вход.

— Вы только посмотрите, что здесь, — сказал Медведь, шире открывая бронированную дверь.

Кемпл заглянул и чуть не ахнул. В довольно большой комнате, оказавшейся хранилищем, на стеллажах аккуратно лежало оружие и боеприпасы к самым разным системам в таком количестве, что можно было бы вооружить батальон.

— А вот это нашим «корсарам» подойдет, — сказал Кемпл, поддев ногой ящик с патронами.

— А вот это то, что нужно мне... — в тон ответил Медведь, вытащив из одного из ящиков револьверный гранатомет.

— Эй, ну вы чего там?! — недовольно выкрикнул Ломонос. — Обед готов, садитесь жрать, пожалуйста!

Первый никак не мог забыть свой последний разговор с имеемом. Имеем был очень раздражен. И это понятно, ведь четыреста миллионов реалов просто вылетели в трубу, и хотя деньги эти для Аладдина Батами были пустячными, безнаказанным это остаться не могло, и Бин Лашен гадал, что с ним сделают. С одной стороны, он был достаточно важной фигурой, для того чтобы его можно было банально убрать, но чем черт не шутит, ведь есть еще Второй и Третий, которые мечтают стать Первыми.

— Разрешите?

— Входите, — разрешил Первый.

В кабинет вошли трое. Три командира боевых групп, упустившие отряд «берсерков». И хотя визитеров обыскали и осмотрели в рентгеновских лучах, личный охранник все равно напрягся. «Только лишь ему я могу довериться, — чуть ли не растроганно подумал Бин Лашен про Асымбая. — Больше никому верить нельзя, все могут быть врагами, подосланными, чтобы убить меня».

— Ну? Что случилось такого, что вы пришли втроем?

— Господин, — сказал Шамиль Баджиев. — Уничтожен один из постов отдаленного оружейного склада. Мы считаем, что это те самые «берсерки».

— Подлые собаки! — выкрикнул Первый, вложив в возглас все переживания. — Вы считаете!.. Почему я узнаю об этом последним?!

— Пост не отвечал, мало ли что могло случиться... Его проверили, и как только об этом стало известно, мы пришли к вам.

— Втроем? Для количества, надо полагать?! Чтобы я постеснялся грохнуть одного из вас на глазах у других?

Первый так же внезапно замолчал, как и начал кричать, понимая, что криком делу не поможешь, да и бесполезен он. К тому же он сам был уверен, что северники не могли выжить после взрыва, но на всякий случай в тот район послали поисковиков. Трудность заключалась в другом: тот комплекс пещер был плохо изучен, и там, естественно, никого не нашли. В конце концов, чтобы проверить каждую пещеру, просто не хватало людей, их не так-то много: для обеспечения секретности. «Нужно уходить, — подумал Бин Лашен. — От этих «берсерков» можно ожидать чего угодно».

— Сколько людей у вас в наличии?

— Около двухсот пятидесяти, — ответил Гечи Медин, один из его старейших людей.

— Слишком много. Каждый отберет десяток своих лучших людей, мы уходим.

— Мой господин, не безопаснее ли будет вам остаться на месте?

«Так было бы безопаснее, если бы мне угрожали только внешние враги, — подумал Первый. — А ведь есть еще внутренние, всех их не просчитаешь». Но вслух сказал:

— Выполняйте. — Когда командиры ушли, Бин Лашен добавил: — Асымбай, проследи за всем.

— Да, мой господин.

...Караван, шедший по пещере, растянулся цепочкой на сотню метров и насчитывал чуть более сорока человек. Бин Лашен, как всегда, ехал на своем загиате в центре процессии. К десятку личных охранников, с которыми Первый передвигался в прежние времена, добавились тридцать человек новичков, в том числе и рекомендованный погибшим двойником Первого Шамиль Баджиев.

Новички время от времени уходили парами вперед на разведку, исследуя каждое ответвление. Иногда развилок встречалось так много, что при Первом оставался только его личный отряд, с тремя загиатами, груженными оружием. Все остальные осматривали развилки на полкилометра вперед и возвращались обратно.

«Он меня уберет, — подумал Первый о возможных действиях имеема. — По крайней мере, так поступил бы я. Так, собственно, какого черта я буду дожидаться своей гибели?

Денег достаточно, плюс ко всему можно разом снять большую сумму, с которой мне не составит труда затеряться где угодно. А чтобы меня не нашли — сделать генетическую коррекцию и пластику, куда ж без нее».

Принятое решение о побеге согрело Бин Лашена и улучшило его настроение, которое, впрочем, тут же оказалось безнадежно испорченным: неподалеку раздалась стрельба, и пришлось что есть сил уносить ноги.

Шамиль Баджиев был оскорблен тем, что ему приходилось вести разведку, как какому-нибудь рядовому бойцу, но обиду пришлось проглотить: в конце концов, наказание было заслуженным, ведь он потерял много людей.

Пещера была вполне обыкновенной, и никаких следов диверсантов там не обнаружилось. Шамиль повернул обратно. Он только вышел в основной туннель и стал догонять караван, как в соседнем проходе послышался сдавленный хрип и звук осыпавшихся камней.

Баджиев помнил, что в тот проход отправилась двойка из его отряда, а потому он их позвал:

— Бек, Алан, отзовитесь! Но никто не отвечал.

— Что случилось, командир?

— Еще не знаю, Захи, пойдем посмотрим.

Два боевика осторожно зашли в одну из боковых пещер, откуда раздавались подозрительные звуки. В приборе ночного видения плохо различались следы, и Шамиль его снял, приказав Захи смотреть в оба.

Шамиль зажег зажигалку и тут же заметил слишком большое количество мокрых, перевернутых камней. Нагнувшись, чтобы рассмотреть их повнимательнее, вляпался рукой во что-то густое. «Кровь», — сразу же определил Шамиль. И в ту же секунду начал стрелять Захи.

— Что такое?!

— Диверсанты!

— Отходим!

Шамиль с напарником почти нагнали караван, когда их остановил один из людей Первого.

— Твой отряд остается для прикрытия, — сказал Гечи Медин. — Первый надеется, что ты оправдаешь оказанное тебе доверие.

— Оправдаю, — сквозь зубы с сарказмом ответил Шамиль. — С восьмью-то человеками...

— Это неважно, у тебя целый арсенал боеприпасов, на загиате. Не пропусти их...

Ответить Шамиль не успел: Гечи испарился, оставив Шамиля с его людьми наедине с диверсантами.

— Занять позиции, — приказал Шамиль.

Боевики рассредоточились по пещере. Шамиль подальше бросил осветительную шашку и сразу же увидел дрогнувшую тень северника, потом раздалась короткая очередь, разбившая палочку шашки на мелкие крошки, и началась канонада.

Шамиль залег за камень, не в силах даже высунуть голову, а рядом с ним медленно сползали по стене на каменистый пол пещеры двое из его людей. «Теперь нас семеро», — как-то отстраненно отметил Шамиль.

— Отходим!

В «берсерков» полетели гранаты, устроившие приличный обвал, дав время людям Шамиля отойти и спрятаться.

метался по панораме, не в силах найти цель.

— Никого.

Этот скоротечный бой был вынужденным и неожиданным, толком не продуманным. Отряд шел по пещере вслепую — карт, как ни искали, не нашли, — когда, выйдя через узкую расщелину, наткнулись на двух бородачей. Делать было нечего, и их тихо уничтожили, чтобы те не подняли шум. Но шума избежать не удалось, осталось слишком много следов, так случается всегда, когда действуешь наспех.

Теперь эта глупая перестрелка. «Совсем не думаем, что делаем, — с какой-то горечью подумал Миха. — А все нервы...»

Миха перелез через завал и стал осторожно двигаться вперед. И с удовлетворением осознал, увидев двух убитых боевиков, что стрельба была не такой уж и бесполезной. Осталось неясным, сколько уцелело.

Кемпл посторонился, пропустив вперед следопыта. Нюхач долго ползал по камням на коленях, что-то рассматривая, а когда встал, авторитетно заявил:

— Их еще семеро. Следов очень много, но они старые.

— То есть ты хочешь сказать, что заградительный отряд состоит из семи человек и еще неизвестное количество прошло тут раньше?

— Именно так.

— Ладно.

Солдаты продолжили движение вперед. Их задачи поменялись. Вместо прежнего желания — выбраться наверх — появилось противоположное: остаться, чтобы поймать убежавшего от них человека. Тем более что боеприпасов было достаточно, как и сухпаев, которыми они разжились на захваченном складе.

На пути попадались растяжки и мины, которые установили отступавшие боевики. Не наступали на ловушки только благодаря звериному чутью да миниатюрному миноискателю, прихваченному Глазом, и им теперь пользовались все по очереди.

Прибор пискнул, и Миха присел на колено, чтобы обезвредить гранату. Деактивируя ее, он, словно жалуясь, сказал:

— Совсем никакой выдумки: то растяжка, пусть даже с сюрпризом, то просто под ноги кладут.

— Торопятся, потому и времени им на всякие извращения не хватает, — заметил Док.

— Тоже верно. Держи, Док, поработай сапером.

Доктор взял миноискатель и двинулся вперед, водя невидимым лучом перед собой. Его на всякий случай подстраховывал Пироман.

Обезвреживать мины приходилось на тот случай, если самим придется отступать, ведь неизвестно, какими силами им противостояли боевики, а отходить лучше по проторенной дороге, а не по минному полю. Каждую закладку не упомнишь, чтобы оставлять ее на месте.

— Внимание, — предупредил всех Миха, — впереди тройная развилка.

— Мина, — объявил Док.

Кемпл весь вспотел, что-то нехорошее почудилось ему. Мина между тремя разветвлениями которые, казалось, окружали ее, но ничего не сказал, просто наблюдая за действиями своих людей. Солдаты разбились на двойки и вошли в гроты, Док присел обезвредить мину, Пироман отошел закурить, поскольку, по его мнению, мина не представляла сложности и его вмешательства не требовалось.

Солдаты вернулись из разведки, и на сердце у Михи немного отлегло.

— Все чисто.

— Хорошо. Нюхач, куда ушли бородачи?

— Странно...

И тут Миха понял, что сейчас произойдет неизбежное, Док, улыбаясь, доставал мину и гранату. Он хотел что-то сказать, но тут взорвалась третья граната: мина оказалась тройной.

Всех, кто стоял поблизости, повалило, а самого Дока подбросило чуть ли не до потолка. Из трех гротов полетели гранаты и забили автоматные очереди.

Первое ошеломление после взрывов прошло, и оглушенные солдаты стали отвечать. Медведь, воспользовавшись секундной паузой, сделал несколько выстрелов из гранатомета, и, не дождавшись детонации последнего заряда, в грот ворвался Баден-Баден, расстреливая все на своем пути. Завязалась короткая перестрелка, но трофейная граната и короткая очередь поставили в ней точку.

Еще с двумя пещерами дело обстояло сложнее. Шквальный огонь и гранаты не давали подойти к их входам.

— Приготовьте гранаты!

Миха сам активировал самую мощную, какую только нашел у себя на поясе, и, указав жестами, кому куда бросать, выкрикнул:

— Три!

Солдаты бросили одновременно, и в каждую из пещер полетело по пять гранат. Раздались мощные взрывы, накатила ударная волна, и все заволокло пылью; на солдат обрушился град вылетевших камней. Кто еще мог передвигаться, воспользовались заминкой и, не разбирая дороги, ломанулись в туннели, что-то крича и стреляя.

Кричал и Миха Кемпл, врываясь в проход, откуда еще секунду назад вели самый сильный обстрел. Мелькнул чей-то силуэт, и Миха выпустил из автомата длинную очередь. Тело согнулось пополам, а потом его разорвало взрывом; видимо, пуля задела гранату.

— Ломонос, что у тебя? — спросил Кемпл, чуть придя в себя.

— Двое. А у тебя как?

— Тоже двое, где-то еще один.

Миха, что-то вспомнив, быстро пробежался по местам схватки и осмотрел тела убитых боевиков.

— Что ты делаешь?

— Голос...

— Что еще за голос?

— Я вспомнил голос одного из боевиков.

— И что?

— Еще не уверен, но попробовать стоит... Под непонимающими взглядами солдат Кемпл вернулся. Пройдя еще дальше по пещере, Миха громко сказал, еще не зная, на что сам надеется:

— Шамиль, выходи! Ты остался один, все твои люди погибли. Ты слышишь?

Но ответом было только затухающее эхо и наступившая за ним тишина.

— Выходи, нам не нужны новые жертвы. Если ты выйдешь, то я отпущу тебя, обещаю! Ты знаешь, что-что, а слово «берсерка» — закон.

— Он не выйдет, если, конечно, он вообще здесь, — сказал из-за спины Ломонос.

— Шамиль, помнишь свою сестру? Она была снайпершей, я знаю. А знаешь ли ты, кто ее убил? Да, Шамиль, это сделал я.

— Умри, тварь!!! — послышался крик, и из укрытия на потолке спрыгнул человек.

Шамиль приземлился прямо перед Кемплом, размахивая ножом. Удары сыпались на шлем, бронежилет, и Миха едва успевал отклонять их, чтобы не получить смертельное ранение, настолько быстры были движения. Только спустя пару секунд Миха понял, что у противника два ножа.

Кемпл, выбрав момент, вытащил свой клинок и выбил один из ножей Шамиля, отчего противник не стал менее опасным. Миха видел, что боевик — мастер своего дела и в две секунды разделался бы с ним, если бы не школа «берсерков».

Движения Шамиля становились расплывчатыми, и теперь уже Миха перешел в наступление, поняв, что снова включилась программа. Перехватив руку Шамиля в очередном выпаде, Миха нырнул под нее и вонзил нож в солнечное сплетение Баджиева.

— Неплохо... — похвалил Ломонос. — Даже я не провел бы удар лучше.

— Что с Доком? — спросил Миха, когда все вернулись на перекресток.

— Надеюсь, что, в отличие от нас, он в лучшем мире, командир, — ответил Баден-Баден. — Взрыв штурмовой гранаты даже наша броня не выдерживает; если кому-то будет легче, то он не мучился...

— Как остальные?

— Царапины: легкие ранения ног и рук, — в общем, как обычно.

— Я имею в виду...

— Все смогут продолжить движение.

— Хорошо.

Подлечив раненых и похоронив погибших, отряд с суточной задержкой отправился по следу (не считая потерю одного дня, когда отряд шел за заградительной группой, часто останавливаясь для обезвреживания ловушек).

След был нечетким и часто терялся, Нюхач почти случайно находил его вновь и вновь, что-то непонятно бормоча. Но на вторые сутки и такой след был окончательно потерян, и следопыт ничем помочь не мог. Ситуацию осложняло то, что предстояло выбрать, в какой из туннелей пойти: всего их было пять штук, каждый из которых выглядел ничем не лучше и не хуже других.

— Уж лучше бы они нам мины-ловушки ставили, — в сердцах сказал Ломонос и сплюнул.

— Ты еще скажи: стрелками показывали направление движения.

— Помолчал бы уж, поджигатель...

— Ну, командир, что решил?

— Пройдемся по новой, но не на пятьсот метров, как раньше, а на целый километр. Меняемся туннелями и попутчиками, через три часа все собираемся здесь же. Пошли, Медведь.

Миха выбрал пещеру, по которой раньше шел Ломонос. Остальным ничего не оставалось делать, как последовать примеру сержанта.

Как, впрочем, и ожидалось, Миха с Медведем не обнаружили ни единого намека на след. Только камни, песок, плесень на стенах да местами встречающиеся прожилки синей соли, и больше ничего.

— Куда же они делись-то? — удивлялся Медведь. — У них же там животные были, должны же они были куда-то дерьмо девать?

— Чье?

— Свое и животных.

— С собой носят.

— Да ну?..

— Вот тебе и «ну».

Кончились следы, оставленные здесь прошлой группой, и Миха стал вглядываться в два раза внимательней. Пройдя еще метров триста, Миха заметил небольшую расщелину: там что-то мелькнуло, и он вошел в нее за непонятной тенью, в нарушение инструкций не предупредив об этом напарника. Казалось, что Медведь и не заметил отсутствия своего командира и шел дальше.

Михе Кемплу показалось, что стены сдавили его со всех сторон, в глазах потемнело, вспыхнул до боли знакомый яркий свет, который, впрочем, тут же снова сменился темнотой, и он вновь оказался в знакомой пещере.

— Уф, — выдохнул Миха, почувствовав, как по спине потекла струйка пота. Придерживаясь за стену, чтобы не упасть, скорее для своего собственного самоутверждения проговорил: — Вроде бы у меня никогда не было признаков клаустрофобии, мне даже нравились маленькие помещения...

— Привет...

Кемпл обернулся как ошпаренный и чуть не выстрелил, но удержался.

— Стоять! Одно движение, и ты труп! Перед ним стоял высокий человек в просторном черном балахоне, капюшон которого надежно скрывал лицо. Миха смотрел на незнакомца и не знал, что предпринять, ведь тот не проявлял агрессии.

— Мы так и будем в гляделки играть или как?

— Кто ты?

— Ты.

— Я — это я, я спрашиваю, кто ты такой?

— Это сложный вопрос. Я — это ты, ты — это я. Мы одно целое. — Незнакомец очертил руками сферу.

— Бред...

— Я — это твое второе «я», внутренний голос, интуиция, инстинкт, ангел-хранитель и прочее, все это мои имена. Но чтобы тебе было удобнее и привычнее, называй меня Призраком.

— Что тебе нужно от меня, Призрак?

— Свободу.

— У меня сейчас мозги потекут... Как ты себе это представляешь, если сам сказал, что мы единое целое? — Миха улыбнулся; ему показалось, что он поймал Призрака на слове.

— Все очень просто. Я буду появляться и разговаривать с тобой, когда захочу.

— Хм-м... — усмехнулся Кемпл. — И как это будет выглядеть со стороны?

— Никак. Меня будешь видеть только ты.

— Ты сам понял, что сказал? Со стороны я буду выглядеть как шизофреник, разговаривающий сам с собой. Видел я таких, ходят по городу и что-то бормочут...

— Ты действительно видел тех, чьи вторые «я» освободились, но я обещаю, что не буду тебе мешать и донимать. Те просто не понимают, что произошло.

— Почему ты вообще появился, и именно сейчас, а не гораздо раньше?

— Ты ослаб, и у меня появилась возможность заявить о себе.

— В чем моя слабость? — Это откровение Призрака неприятно удивило Кемпла.

— Ты просто очень устал, а последние приключения вместе с ночными кошмарами сильно подкосили тебя. Но повторяю, я не буду мешать.

— Не пойдет. Рано или поздно во мне все равно заподозрят психа.

— Я могу быть тебе полезным в обмен на свою свободу.

— Что ты можешь?

— Практически все. Ведь я — твоя информационная оболочка, дух, а для информации нет преград. Например, я вижу, что ты хочешь найти Первого, но не знаешь, по какому из туннелей он ушел. И сейчас тебе надо выбирать, идти ли наугад или выходить на поверхность, так?

— Ну я даже не знаю...

— С моей помощью ты станешь лучшим среди лучших.

— Искушаешь, змий?.. — полуутвердительно спросил Миха.

— Почему бы и нет? Кстати, это тоже одно из моих имен. Ты ведь хочешь быть одним из лучших?

— Не особо. Ладно, говори, где он.

— Прежде чем я скажу, ты должен обещать мне свободу. Не беспокойся, я не обману; если информация окажется неверной, я автоматически потеряю полученную свободу.

«Какой маразм, — подумал Миха. — Я свихнулся».

Все, что с ним сейчас происходило, Миха считал бредом наяву, но уж слишком реальным. Предложение Призрака было заманчивым, и он согласился.

— Хорошо, но с одним условием.

— Каким?

— Ты будешь появляться и помогать мне, когда этого захочу я.

— Без проблем.

— Ты свободен, Призрак, а теперь говори, куда ушел Первый.

— По третьему тоннелю, но если хочешь его обогнать и зайти ему в лоб, то иди по этой пещере. Развилка здесь немного, на первых шести поворачивай вправо, на остальных влево и, сохраняя вашу обычную скорость, появитесь перед ним через четыре дня.

— Интересно...

— Теперь я исчезаю, слишком долго оставаться в этом мире мне тоже нельзя.

— Постой...

— В чем дело?

— Покажи свое лицо, Призрак.

— Зачем тебе?

— Покажи.

— Что ж, смотри. — Призрак откинул капюшон. Лицо не было безобразным, скорее старым.

Кемпл легко узнал в нем себя через пятьдесят лет. Миха хотел спросить, почему он такой старый, но не успел — Призрак закрыл лицо капюшоном и просто исчез, растаяв в воздухе.

— Мн-да...

Кемпл вышел из пещеры, так и не почувствовав обратного перехода, которого ожидал: такого же, как перед появлением Призрака. «Ну конечно, он же теперь свободен», — запоздало подумал Миха.

— Кот, твою мать! Ну и шутки у тебя... дурацкие! Ты куда пропал?

— В пе... — Кемпл обернулся, чтобы показать Медведю пещеру, но обнаружил там только голую стену. — Странно...

— Что странно?

— Все нормально. Пошли обратно.

— Ну пойдём... — сказал Медведь, подозрительно скосившись на Кемпла.

88

Кемпл с Медведем пришли одними из последних. Как и ожидалось, никто не обнаружил никаких следов, даже слабых намеков на них.

— Ну вот и все, — сказал Ломонос. — Теперь нам только осталось найти выход наружу и вызвать эвакуатор, чтобы он нас отвез домой, где тепло, уютно и мошки не кусают.

— И бабы под боком, — добавил Бур.

— И бабы тоже.

— Есть еще другой вариант, — сказал Миха.

— Кот, я, конечно, все понимаю, — снова сказал Ломонос. — Обидно, конечно, что этот поганец ушел прямо из-под нашего носа, но искать его теперь все равно что искать иголку в стоге сена. К тому же половина из нас ранена. Ну куда мы сейчас пойдём? В который из них? Может, ткнем наугад, в этот или тот? — Ломонос ткнул по очереди в туннели.

Миха усмехнулся про себя, капрал указал именно на те пещеры, что ему предложил Призрак. «Ты тоже ослаб, — вдруг подумал Кемпл. — Вскоре у тебя появится свой Призрак».

— Или, может, поиграем в детскую считалку? — продолжил Ломонос. — И с ее помощью отсеём ненужные пещеры?

— Хватит, капрал, — остановил словоизлияния Ломоноса Кемпл. — Не пори чушь. Наружу мы не пойдём. Раны у всех пустячные и уже почти зажили; по крайней мере, хлопот они нам не доставят. Детскую считалку тоже применять не будем, все пойдут туда, куда скажу я.

— Куда?

— Сюда.

— Почему именно туда?

— По кочану, это приказ, — сказал как отрезал Кемпл.

«Ну не буду же я, в самом деле, рассказывать про свое видение? — подумал Миха. — Меня могут неправильно понять».

— Как знаешь, Кот...

Солдаты без особого энтузиазма подчинились приказу и пошли за своим сержантом в указанную пещеру. Уверенность командира была так сильна, что не могла не передаться остальным. Кемпл уверенно шагал вперед, не останавливаясь на развилках, не обсуждая, куда повернуть, и остальным солдатам начало казаться, что их сержант знает, что делает. Даже Ломонос воспрянул духом, и отряд стал двигаться значительно быстрее.

Пещера часто меняла направление, уходя то влево, то вправо. Встречались крутые подъемы, когда казалось, что вот еще чуть-чуть, и ты окажешься на поверхности. Или же наоборот, отряд спускался так глубоко, что с потолка низвергался настоящий водопад грунтовой воды.

Подземные озера были полны слепой рыбы, на которую охотились белые, почти прозрачные ленточные черви-кровососы, яйцами которых в свою очередь питались эти жутковатые на вид рыбешки, образуя своеобразный круговой пищевой симбиоз.

Напившись крови, кровососы становились бурыми и залегали на дне переваривать пищу, чтобы не стать жертвой своих более крупных собратьев. Но если опасность была близко, они выстреливали облако полупереваренной пищи и в стремительном рывке прятались под камнем, зарывшись в песок.

— Вот ведь гадость-то какая, — с отвращением поморщился Бур.

Солдаты шли по пояс в ледяной воде, держась поближе к стене, и все время отбивались от голодных червей с палец толщиной и до полуметра длиной, так и норовивших присосаться к еще не полностью зажившим ранам. Но солдаты разрубали ножами особо настойчивых. А еще донимали слизи, прилипавшие к рукам при соприкосновении с червями.

В конце концов Пироман не выдержал и сблевал. Его примеру чуть не последовали остальные, в том числе и Кемпл, который также недолюбливал червей, особенно пиявок, а эти паразиты от них почти ничем не отличались, разве что цветом.

— За такое свинство в любом другом месте экологи тебе накатали бы огромный штраф, — заявил Баден-Баден.

— Обойдутся. Я бы посмотрел, что с ними бы случилось, спустись они сюда.

— Ничего.

— А ты откуда знаешь?

— Знал бы мою мамашу, не спрашивал бы. Для нее все эти головастики и прочая гадость милее, чем все остальное на свете. Знал бы ты, сколько раз я глистами переболел...

— Не повезло человеку...

— Это точно, — подтвердил Баден-Баден.

— Зато ты единственный, кого они почти не волнуют.

— И это правда.

Отряд выбрался из воды и стал сушиться. Для этого потребовалось снять штаны, чтобы их отжать.

— А-а!!! — заорал Кружкин.

— Что случилось?! — обеспокоенно спросил Миха. И только потом увидел, как вокруг ноги Кружки обвивался червь. Тот присосался к заднице и выпил достаточно крови для того, чтобы слегка порозоветь.

— Отцепите его, отцепите! — кричал Кружка, не в силах перебороть себя и дотронуться до червя, чтобы его оторвать.

— Повернись, — попросил Нюхач и вытащил нож. Им он сначала отсек тело червя от головы. Кровь забила тонкой пульсирующей струйкой: сосательный рефлекс у головы еще работал. Только после этого Нюхач отлепил ее саму так, будто раньше только тем и занимался.

- Вы убрали его, вы его убрали?!
- Убрали, убрали, успокойся.
- Как же это противно, я вам скажу...
- Хорошо хоть, к члену не присосался, — обронил Ломонос.

Солдаты засмеялись, а Кружка еще долго брезгливо дергался, приходя в себя, и на всякий случай разделся догола, но червей больше не было. Еще долго ему казалось, что они ползают по его телу.

Идти в сырой и холодной одежде было неприятно, но другого выхода не оставалось, не идти же нагишом в самом-то деле, ведь запасного комплекта белья взять никто не догадался. Снова начался подъем, воздух стал суше, слизи на стенах меньше, и к концу третьего дня все окончательно обсохло, а надоедливые сороконожки больше не прыгали на них с потолка.

Следующий день прошел без приключений. Задница у Кружки, конечно, распухла из-за яда-анестетика, впрыснутого червем, но передвигаться ему это почти не мешало. Кроме того, на пути попался завал, который пришлось разобрать вручную, но все это были мелочи жизни.

Гроты пещер становились все больше, в одном из таких залов, где было посуше и не капала вода, они и заночевали. «Завтра, если верить Призраку, будет встреча, — засыпая, подумал Миха Кемпл. — Что ж, мы устроим им достойный прием». Хотя Миха уже всерьез начал сомневаться, произошло ли в действительности с ним все то, что он видел, или же это просто галлюцинация от нервного истощения из тех, что сложно отличить от реальности. «Завтра я это и узнаю», — уже засыпая, подумал Миха.

89

Несмотря на то, что, как говорится, все были свои, приходилось соблюдать минимальные правила приличия, и Миха Кемпл уединился в небольшой расщелине для проведения своих гигиенических потребностей, сидя на корточках. Рулон бумаги подходил к концу, и это было неприятно.

- Привет.
- А... чтоб тебя, — ругнулся Миха, увидев перед собой Призрака. — А я-то уже начал думать, что мне все это приснилось.
- Как видишь, нет.
- Ты хотя бы мог в другой раз, не видишь, чем я занимаюсь?
- Ничего страшного, меня это не смущает, ты сейчас один, остальные далеко. Если хочешь, я тоже присяду.
- Нет... не стоит, — быстро ответил Миха. — Только давай договоримся на будущее: обходить подобные пикантные ситуации. А то в следующий раз ты можешь появиться, когда я буду с женщиной, и тоже заявишь, что это тебя не смущает.
- Договорились.
- Поговорить пришел?
- Вроде того.
- О чем?
- Обо всем.
- Тогда скажи мне, где Первый?
- Тут недалеко, в двух километрах от вас. Сейчас они к ночлегу готовиться будут.
- Сколько их?
- Кот, ну ты чего там расселся? У тебя запор, что ли? — подходя, спросил Ломонос.
- Ну пока, — исчезая, сказал Призрак, так и не ответив на вопрос.
- Уже иду, — сказал Миха, заканчивая свои дела и отматывая еще немного бумаги.

Как произошла такая рассинхронизация периодов сна и бодрствования у них с боевиками, Кемпл не понимал, но решил, что все происходящее — к лучшему.

Отряд собрался и двинулся дальше, но буквально через пятьсот метров вошел в

большой грот, высотой метров двадцать. С потолков свисали огромные сталактиты. С них на сталагмиты, превышающие человеческий рост, падали капли воды, вобравшие из почвы известь и соль.

Между сталагмитами петляла тропинка, явно искусственного происхождения.

— Здесь отличное место для засад, — проговорил Баден-Баден, ни к кому не обращаясь.

— Точно...

— Стойте, — остановил всех Миха Кемпл.

— Что такое?

«В следующем гроте бородачи», — ответил про себя Миха, но вслух сказал:

— Нюхач, ты у нас самый лучший разведчик — сходи посмотри, что там впереди.

— Есть.

Нюхач сбросил рюкзак и с автоматом наперевес скрылся в узком проходе. Отсутствовал он недолго. Уже выбегая из пещеры, он махал рукой из стороны в сторону, показывая, чтобы все скрылись. Что все незамедлительно сделали, спрятавшись за сталагмитами.

— Ну что там? — подобравшись к Нюхачу, спросил Миха.

— Боевики, сэр. Двое, идут сюда.

Слова разведчика подтвердились. Вскоре из пещеры вышли два человека. Один из них сразу же выбрал себе место и прилег подремать: впереди его ожидало долгое дежурство. Второй, более молодой, а потому более ретивый, принялся обследовать все вокруг. Видимо, в пещерах, подобной этой, он был впервые и рассматривал ее с искренним любопытством, водя из стороны в сторону мощным прожектором.

— Кончай душить, — прикрикнул тот часовой, что пытался дремать. — Не свети в глаза.

— Извини...

Молодой часовой стал продвигаться в глубь грота, приближаясь к солдатам.

— Не получится у нас здесь засады, — прошептал Миха. — Нюхач, по моему сигналу берешь этого придурка в качестве языка.

— Понял.

Кемпл быстро осмотрелся: самым дальним от него и самым близким ко второму часовому был снайпер. Опасаясь использовать радио, Миха знаками показал, что делать со вторым. Глаз понятливо кивнул.

Молодой бородач подходил все ближе и ближе. Нюхач обошел его с тыла. Миха, взглянув на дремавшего, махнул рукой. Нюхач одним ударом отправил часового в мир снов, а Глаз метнул нож. Автомат выпал из рук часового, но не выстрелил.

— Ты его, случайно, не грохнул?

— Да нет, пульс есть.

Нюхач хлестал пленника по щекам, пока тот не очнулся. Но ему тут же закрыли рот, чтобы не заорал;

— Молчи, поганец, а то хуже будет. Ты меня понял?

Для наглядности Миха вытащил нож, в слабом свете фонариков его сталь тускло блеснула. Пленник быстро закивал, а точнее, попытался закивать.

— Хорошо. Сколько вас? Покажи на пальцах. Пленник показал.

— Тридцать пять человек. Хорошо. Первый идет вместе с вами?

— Мыгы...ды... — промычал пленник под плотно зажатой Ломоносом рукой.

— Где он располагается?

— Э-э...

— Рисуй.

Пленник сделал схематичный рисунок и ткнул пальцем, показывая местоположение Первого.

— Хорошо, — повторил Миха, и его нож вошел пленнику в грудь напротив сердца.

Бородач, дернувшись, обмяк. Державшие его солдаты разжали руки, и тот завалился на бок.

— Засады не получится, — сказал Кемпл, вытирая клинок и вернув его в ножны. — Будем атаковать. Прямо сейчас.

90

Была пройдена уже половина пути, но Первый так и не получил от заградительного отряда никаких известий. То, что отряд вступил в бой с северниками, было известно, как и то, что после него северники основательно застряли. Но от Шамиля Баджиева по-прежнему не было ни слуху ни духу. Основной караван уходил, тщательно заматывая за собой все следы. Но, несмотря на это, опытные разведчики уходили назад обходными путями, вот они-то и принесли вести о гибели всего заградительного отряда и только одного северника. Опять же по докладам, сам Шамиль, в отличие от своих людей, был убит в рукопашной схватке, получив удар ножом в грудь.

— Есть возможность устроить им засаду, — сказал тогда Гечи Медин.

— Нет, — ответил Первый. — У этих тварей нюх, как у собак... потому что они сами собаки.

Но постоянное опасение, что эти непредсказуемые солдаты их нагонят, не давало покоя Бин Лашену, и он согласился:

— Хорошо, Гечи, убей их всех.

— Слушаюсь, уважаемый.

Медин вернулся через четыре дня, нагнав караван, когда все готовились к ночлегу в одном из самых больших гротов. Люди Гечи вернулись усталые, сразу же падали вповалку и засыпали.

— Что произошло?

— Ничего, уважаемый. Мы хотели устроить им засаду у Пяти Пальцев, но они уже прошли, свернув в четвертый проход, совсем не туда, куда пошли мы. Мы отправились в погоню, но они свернули в один из неизученных гротов, где мы их и потеряли. Я искал очень долго, без сна и отдыха, но они словно сгинули.

— Плохо. Но, с другой стороны, есть вероятность, что они никогда не выберутся из пещер.

— А если и выберутся обратной дорогой, то уже точно нас не догонят.

— Твоя правда, Гечи. Иди отдыхай, завтра мы отправимся очень рано.

— Спасибо.

Место для ночлега Бин Лашену устроили на небольшой возвышенности. Все поели, часовые на всякий случай ушли дальше в пещеры охранять покой засыпающих в гроте людей. Погасло большинство фонарей, и лагерь погрузился в тишину, изредка нарушаемую храпом загиатов, ворочением людей, устраивавшихся в спальных мешках поудобнее, эхом обвалившихся где-то в пещере камней и непрекращающейся каплей.

Но на этот раз уснуть быстро у Первого не получилось, чему он сам удивлялся: все эти звуки стали давно привычными и ему уже не мешали. Ведь даже в более опасных ситуациях, когда «берсерки» буквально шли по их следу, он проваливался в сон, как только закрывал глаза, а теперь не мог, и это его беспокоило.

Но долгий переход сделал свое дело: веки отяжелели и закрыли уставшие от постоянной полутьмы глаза. Первый не знал, сколько спал, просто сон пропал сам собой, глаза открылись, и первое, что он увидел, был его личный охранник — Асымбай.

Тот сидел рядом, замерев как камень, напряженно вслушиваясь и вглядываясь в глубину пещеры, куда караван должен был пойти после отдыха. В руках телохранитель сжимал свой автомат. Асымбай не пользовался никакими приборами, всецело полагаясь только на свои чувства: они не раз спасали Первого, и он почел за лучшее сейчас не беспокоить своего охранника какими бы то ни было вопросами, посчитав, что придет время

и Асымбай сам все расскажет.

Время текло, тянулось, как загустевший мед. Минута шла за минутой, и Первый лежал, не двигаясь, боясь потревожить своего охранника, отвлечь насторожившегося телохранителя. Когда нервы не выдержали и он хотел задать вопрос, Асымбай оторвал свой взгляд от туннеля.

— К нам гости, господин. Они очень близко, прямо за поворотом...

— Понятно, — сказал Первый и, нащупав свой «аркен», крикнул: — Тревога!

Стрельба началась сразу же с его криком. Из коридора, на который смотрел Асымбай, выскакивали какие-то тени и крушили все подряд. Рвались ручные гранаты, но чаще били длинные очереди. Вскидывавшие спросонья люди падали, засыпая на этот раз вечным сном. Но тем не менее нападавшим уже начали давать отпор, пусть пока хаотично и неорганизованно.

Первый поднял свой любимый «аркен», но его остановил Асымбай.

— Не нужно, господин, мы только привлечем к себе внимание, нужно уходить.

— Ты прав.

Асымбай, согнувшись пополам, вел за собой Бин Лашена, но у выхода путь им преградили взрывы.

— Стоять! — послышался громовой голос северника. — А то урою!

— Бегите, господин, — крикнул охранник и встал во весь рост, поднимая тяжелый автомат «отерн», не очень удачный аналог «корсара», с барахлящей электроникой, намереваясь бежать в противоположную сторону. — Я отвлеку их!

Но он так и не успел сделать ни одного шага или выстрела, а Первый — продвинуться хоть на метр: раздались специфические звуки покидавших гранатомет зарядов: пум, пум, пум.

Асымбая отбросило в сторону — даже в тусклом свете Первый заметил огромное темное пятно на его груди и по-детски недоуменное выражение лица, а потом жуткий взрыв разорвал тело охранника пополам, забрызгав все вокруг кровью.

Чьи-то грубые руки подхватили Первого, отобрали автомат и поволокли пленного именно туда, где он с Асымбаем хотел скрыться.

— Отходим! — крикнул один из тех, что держал его.

Снова послышались взрывы ручных гранат и гулкие выстрелы пулемета, бывшего не переставая, заглушая все остальные звуки боя. По голове чем-то сильно ударили, и Первый потерял сознание.

91

Миха Кемпл, пройдя мимо убитого Глазом часового, снял с него две гранаты, пополнив свой подтаявший боезапас. Туннель, соединявший эти два грота, оказался довольно длинным, но второй, в отличие от предыдущего, хоть и был таким же большим, но далеко не столь красивым.

Картинка на бронестекле слегка подрагивала, но Миха сумел все разглядеть. В гроте, где остановились на ночевку боевики, почти полностью отсутствовали сталактиты и сталагмиты. О том, что они когда-то украшали это место, напоминали лишь своеобразные пеньки-столбы как на полу, так и на потолке да новые, совсем тоненькие сосульки.

«Видимо, это специально оборудованная спальня, — подумал Миха. — Они точно останавливались здесь, и не раз, и даже не два. Если для безопасности обломили все сталактиты, чтобы никого не пришили упавшей сосулькой к полу».

Но сталагмиты в достаточном количестве росли возле стен, наполовину обломанные, но достаточно большие, чтобы за ними мог укрыться человек. Кемпл видел только дальнюю часть грота, но сделал логический вывод, что ближняя, невидимая часть ничем не отличается от дальней, чем и решил воспользоваться в своей стремительной атаке на сонных бородачей.

Большинство боевиков уже давно дрыхли без задних ног, освещенные тусклым светом

фонаря, потому Кемпл чуть не выстрелил, но увидел, что в их сторону кто-то смотрит. Миха мог поклясться, что смотрящий не видит ровным счетом ничего, поскольку темень здесь была, как в известном месте...

Что нужно было делать, Миха не представлял, он боялся проводить инструктаж по будущей операции, поскольку опасался произвести лишний шум, который в пещерах усиливался многократно, и выдать себя раньше времени. Потому он просто прицелился в этого громилу, который находился рядом с местом, где должен был находиться Первый, и ждал, чтобы в случае чего пристрелить его первым.

Но тот склонился как ни в чем не бывало, ослабив внимание Кемпла. Миха повернулся к своим людям, когда услышал: «Тревога!», и ему не оставалось ничего другого, как скомандовать:

— Вперед!

Началась стрельба, отряд выбежал из туннеля, и Миха заметил, что интуиция его не подвела — обрубки сталактитов висели вдоль всей стены грота. Отряд за своим командиром свернул к правой стене.

— Медведь, Бур, за мной! Остальным удерживать бородачей!

Медведь с пулеметчиком побежали вслед за Кемплом к противоположному выходу, куда уже убежали несколько человек, но среди них не было Первого, это Миха знал абсолютно точно.

Прямо перед их троицей выскочили несколько боевиков: они прятались от смертоносного огня отряда «берсерков», но и тут им не повезло. Короткая очередь Кемпла настигла их прежде, чем они успели осознать, кто перед ними.

Краем глаза Миха заметил того бугая, что смотрел в темноту пещеры, когда Кемпл наблюдал за лагерем, и бросил к проходу гранату. Она взорвалась, приостановив движение убегающих.

Боевики стали приходить в себя, организовывая осмысленную оборону, отступая к противоположной стороне грота, где высились обрубки сталагмитов в два-три ряда, откуда можно было успешно отстреливаться. Добегали далеко не все, но везунчиков становилось все больше, а это было плохо.

В гроте рвались гранаты, бросаемые как с той, так и с другой стороны, и, хотя половина боевиков лежала, не подавая признаков жизни, следовало спешить, поскольку затягивание операции было смерти подобно.

— Перекрой выход, — крикнул Миха и показал рукой, что после взрывов побежит туда.

Медведь согласно кивнул и выпустил серию из пяти гранат, заорав:

— Стоять! А то урою!

Кто-то с огромным автоматом выглянул из-за обломка сталактита. Медведь, еще не успев понять, что к чему, пять раз нажал на курок. Четыре гранаты, ударившись о твердую поверхность, взорвались сразу, а вот последняя — с секундной задержкой.

— Отлично, Косолапый! — похвалил Кемпл по радио. — Прямо в яблочко.

Миха надеялся подстрелить этого охранника, но за него это сделал гранатометчик. После взрыва Кемпл подскочил к оглушенному бородачу и узнал в нем Первого; собственно, именно его он и ожидал увидеть.

— Отходим! Медведь, помоги. Бур, прикрывай! Миха с Медведем, подхватив растерянного пленника, скрылись в пещере, дав Бин Лашену предварительно по башке, чтобы не чудил.

Заработал трофейный пулемет Бура, дававший до этого только короткие избирательные очереди. Стрелял «акир» не хуже родного «КСР-400», а потому вся левая сторона грота в один момент покрылась фонтанчиками породы. Крупнокалиберные пули выбивали большие осколки из соляных пеньков, а известь образовывала непроницаемую пылевую пелену.

Солдаты, до этого теснимые, теперь, стреляя из автоматов, свободно отходили к выходу. Поскольку пулеметный огонь не давал боевикам даже на долю секунды поднять

руку, чтобы бросить гранату.

— Давайте, давайте, — прикрикивал Бур, показывая, что можно проходить.

Последним вбежал Пироман и, показав пулеметчику две свои гранаты, сказал, чтобы тот уходил. Бур поспешно забрал пулемет и побежал за остальными. Солдат активировал штормовую гранату и бросил ее в грот, чтобы охладить пыл преследователей. Отбежав еще на какое-то расстояние — бросил вторую, поставив ее на десятисекундное замедление. Спустя положенное время грохнул взрыв, и тугая воздушная волна сбила убежавшего солдата. Потом послышался шум падающих камней, заваливающих проход.

— Класс! — сказал Пироман, вставая, чтобы догнать остальных.

92

Группа убегала. Неизвестно, насколько серьезным был завал и как быстро его разберут боевики. А то, что они его будут разбирать, никто не сомневался, ведь «берсеркам» в руки попался не просто главарь банды, а один из высших руководителей движения.

Свернув в один из боковых туннелей и пробежав еще с километр, группа остановилась. Следовало все как следует осмотреть.

— Все целы? — поинтересовался Миха Кемпл и отпил воды.

— Все, никого даже не зацепило, — ответил за всех Ломонос. Сняв и осмотрев свой шлем, добавил: — Ну разве что по паре пуль в шлемы попало, но это несерьезно...

Для уверенности, что все именно так и обстоит, Миха осмотрел каждого, но действительно ничего серьезного не обнаружил. Каждый солдат получил по две-три пули или осколка в шлемы и бронежилеты, а на теле ранений не было.

В углу ругался Баден-Баден. Он снял свой шлем и стучал по нему, как по испортившемуся телевизору.

— Что случилось?

— Кажется, чип поврежден. Больше половины опций сдохло. Оптимально работают только ночник да инфра. Все остальное как корова языком слизала.

— Ладно, не долби его, а то и они сломаются, совсем слепой пойдешь.

— Хорошо, не буду, — пообещал солдат и надел шлем.

— Что с боеприпасами?

— Хреново, — сказал Кружка. — Расход почти пятьдесят процентов, и пополнить неоткуда.

У остальных была похожая ситуация. Последняя заварушка получилась слишком интенсивной, что противоречило традициям «берсерков». Вместо того чтобы стрелять скупой и точно — поливали огнем. Ручных гранат тоже ни у кого не осталось.

— Медведь?

— То же самое. Девятнадцать снарядов. Пулеметчика даже спрашивать не требовалось, у него расход был просто чудовищным.

— Один цинк остался.

— Что ж, еще один такой бой, и пистолетами воевать будем.

В углу что-то зашуршало.

— О! Пленник очнулся, — весело сказал Ломонос. Подойдя к нему, легонько пнул и скорее констатировал, чем спросил: — Ну что, борода, попался?!

— Собаки...

— Да я знаю, — продолжил за него Миха. — Мы все сдохнем. Это я слышал уже много раз, и что интересно — подыхали именно те, кто это говорил.

На это пленнику сказать было нечего, и он подавленно замолчал. Он сразу поверил, что северник не врет, а подыхать сейчас ему не хотелось.

— Ну что, командир, куда пойдем?

— А ты что думаешь?

— Выход на поверхность искать нужно. Эти поганцы здесь каждую норку как крысы

знают. Потому нужно возвращаться и искать выход.

— Искать будем, но возвращаться обратно не станем. Пойдем по этой пещере. Слышь, где тут выход наружу? — спросил Миха Первого.

— Не знаю... — зло ответил Бин Лашен. — У меня нет карты, и это неизученная пещера.

— Тем лучше. Вставай, впереди у нас длинное и увлекательное путешествие по подземному миру Чирмена. Экзотика, одним словом...

— Я сейчас блевать буду от этой экзотики, — трагически признался Ломонос. — Эта экзотика у меня уже в печенках сидит.

— И не только у тебя...

Маленький отряд двинулся дальше. На пути им уже не попадалось больших гротов, только узкие пещеры да лазы, по которым зачастую, кроме как на брюхе, пробраться было невозможно.

Иногда отряд сворачивал в какой-нибудь коридор и возвращался, попадая либо в тупик, либо в просторные пещеры. Воздух там становился более прохладным и сырым, а это, как считали все, верный признак того, что они удаляются от желанной поверхности, но сказать наверняка, что это именно так, было нельзя.

— Отпустите меня, — вдруг сказал Бин Лашен, первый раз открыв рот по своей воле.

— Издеваешься?! — усмехнулся Миха Кемпл. — Мы тебя сколько месяцев ищем! Я потерял шестерых человек из своей группы. Вот я тебя с таким трудом захватил, и ты хочешь, чтобы я взял и вот так просто тебя отпустил? Не смей меня...

— Отпусти. Вам отсюда все равно не выйти. По пятам идут мои люди и рано или поздно они вас настигнут. Вас мало, боеприпасы на исходе, — продолжал давить Первый. — Но если вы меня отпустите, то я обещаю, что вы уйдете с миром и вас никто не тронет.

— Грош цена твоему слову, Первый. Кажется, одна из групп поверила твоему слову; и что с ней случилось, ты мне не напомнишь?

Первый молчал. Тусклый свет фонарика едва-едва позволял различать дорогу.

— Ну что ты молчишь?! — начал заводиться Кемпл. — Не помнишь, так я напому — вы их всех убили, надругались и отрезали головы. Наверное, тебе было весело или ты даже сам принимал в этом участие?

— Я не принимал в этом участия.

— Это ничего не меняет. Ладно — убили, но зачем было над ними издеваться?

Впереди попался узкий лаз, который дал возможность Первому оставить вопрос без ответа. Все по очереди протискивались в расщелину. Оружие цеплялось за камни, приходилось чуть отползать назад, тогда цеплялась и с треском рвалась одежда. В итоге, когда лаз был преодолен, отряд походил на кучку оборванцев.

Первый понял, что угрозами ничего не добиться, и решил попробовать действовать иначе.

— Что тебя связывает с Северным Союзом? Присяга?

— Куда ты клонишь? — не понял Кемпл. — Присяга здесь ни при чем. Мы отбываем срок. Или ты хочешь, чтобы мы стали предателями и поступили к тебе на службу, пополнив ряды «Белого олеандра»? Не выйдет, сволочь.

— Не обязательно воевать, можно сделать по-другому.

— Это как же?

— Дома вас наверняка никто не ждет.

— Ну? — произнес Миха таким тоном, что Первый так и не понял, что он имел в виду.

— Я дам вам денег, много денег. По миллиону каждому или даже по два. С такими деньгами можно начать все сначала на любой неподконтрольной северникам планете. Не хотите жить в Арабии, есть еще много объединений, где вы сможете обустроиться и жить припеваючи до конца своих дней.

Миха почувствовал, что разговор о деньгах разъединил отряд. Деньги действительно были немаленькими, и если правильно ими распорядиться, то, действительно, жить можно

припеваючи, ничего не делая до самой смерти. Но теперь Кемплу скрываться не хотелось, хотя именно так он и собирался поступить с самого начала, обокрав «Шмидт и компанию».

— Нужно просто попасть на арабскую территорию, и первый же лайнер заберет всех нас отсюда.

— Заткнись и двигай граблями...

93

Отряд с небольшими перерывами продвигался дальше. После последнего разговора с Первым Миха стал внимательнее наблюдать за своими людьми. Особое опасение у него вызывал Ломонос, любивший деньги и девочек больше всего на свете. К тому же он подозревал, что капрал считал себя несправедливо обделенным в звании, ведь именно он до того, как стать «берсерком», был сержантом.

Вторым подозреваемым стал Кружка. Став подозрительным, Миха заметил, что Кружкин какой-то дерганый. Он и раньше был не слишком спокойным, а повышенную импульсивность Кемпл приписывал червям и долгому блужданию под землей: это кого угодно могло сделать раздражительным. Но теперь все требовалось переосмыслить.

Остальные солдаты вели себя как прежде, ничем не привлекая к себе внимания и не вызывая подозрений, но это ничего не значило. «Каждый при удобном случае может воткнуть нож мне в спину, — подумал Миха. — Впрочем, это уже паранойя, но ухо нужно держать востро».

Группа остановилась на очередной привал. К Кемплу подошел Ломонос, и тот сразу напрягся.

— Что случилось, Ломонос?

— Да ничего.

— Ну так что там с этим «ничего»?

— Хорошо, — сдался Ломонос. — Как ты смотришь на предложение Первого?

— Отрицательно, и вам советую смотреть на него аналогично.

— Почему? Служить нам еще очень и очень долго, а два миллиона — это что-то.

— Не спорю, два миллиона — хорошие деньги, но ты уверен, что их получишь, а он нас не грохнет одного за другим или всех разом? Представь, что мы на арабской территории, нас всего девять человек? Да ему достаточно одного крика, что мы неверные северники, как нас всех положат. Ты по-прежнему уверен, что все получится удачно?

— Был бы уверен, ты бы уже не жил.

— И на том спасибо.

— Но ведь мы могли бы сделать так, чтобы не попасться и получить деньги.

— Вряд ли, Лом. В этом случае нужно абсолютно доверять друг к другу, а там, где появляются деньги, доверие исчезает. И потом, в этом уравнении слишком много неизвестных, и единственная ошибка может стоить жизни всем нам.

— Что ж, ты прав. А с математикой у меня всегда были нелады.

Ломонос встал, но не успел сделать и шагу, как вскочил Кружкин и закричал:

— Всем сидеть! Сидеть!

Было видно, что солдат плохо себя контролирует. Он вдруг дико рассмеялся, но это не помешало ему удерживать под контролем остальных.

— Сидеть, а то всем мозги вышибу... Ломонос и все, что стояли, сели.

— Оружие мне! Бросайте его сюда... медленно. — Когда все оружие, в том числе и ножи, оказалось возле его ног, он продолжил: — Что, командир, заговоры плетешь?! Хочешь один с капралом все бабки загрести? Не получится.

— Успокойся, Кружка. Никто не хочет брать у этой мрази деньги, посмотри на него...

— Так я тебе и поверил, — проговорил солдат, и смех снова накатило на него. Прекратив смеяться, Кружкин договорил: — Не дождетесь.

Ситуация получалась абсолютно патовой, это Миха понимал хорошо. Солдат всех

держал под прицелом, и любое необдуманное действие могло привести к самым плачевным результатам. Потому Миха не придумал ничего лучше, как потянуть, время разговорами.

— Чего ты хочешь, солдат?

— Убраться отсюда, и как можно дальше, мне это все осточертело! Я возьму этого ублюдка, получу свои деньги и уберусь отсюда.

— С чего ты взял, что он отдаст тебе деньги?

— Если не отдаст, я его убью.

Миха замолчал, разговаривать дальше не имело никакого смысла. Кружкин был ослеплен перспективой получить легкие деньги и возможностью покинуть эту жестокую планету.

— Кружка, успокойся, положи автомат, и мы все забудем как страшный сон, — вкрадчивым тоном продолжил Кемпл. — Тебе нездоровится, ты устал. Это все последствия укуса червяка; наверное, в твой организм проник яд...

— Заткнись, — крикнул Кружкин, и его всего передернуло при воспоминании про червя. — Не напоминай мне больше о нем, иначе пожалеешь. Вставай, ублюдок, мы идем за деньгами.

Солдат рывком поднял Первого на ноги, тот поморщился от боли, но встал.

— Не вздумайте чудить и преследовать меня. Чуть что не так, и я пристрелю его. А как я понимаю, он нужен вам живым и только живым. Живее! — Кружка, отходя и держа всех на прицеле, ударил Бин Лашена, тот в темноте оступился на камне и упал.

Солдат нагнулся, чтобы снова поставить пленника на ноги, на долю секунды утратив контроль над окружающими, и в этот момент Ломонос сделал быстрый рывок и со всей силы ударил согнувшегося Кружку коленом в грудь. Прозвучала очередь, пули прошли над головами остальных солдат, никого не задев.

Миха бросился к своему ножу, лежавшему в куче остального оружия, и схватил его, когда рядом приземлился Кружка. Тот быстро вскочил и легко ушел от удара ножом, отбив руку Кемпла прикладом.

В этой короткой схватке Миха все понял по глазам Кружки — они были безумны. Как он это определил, Миха не знал, просто почувствовал, что это так и это навсегда. А потому, когда тот только начал поднимать автомат, чтобы расстрелять здесь всех, Кемпл метнул свой нож, поскольку ничего другого уже не успевал.

Нож вошел в горло чуть выше ворота бронежилета. Кружка, булькая кровью, осел на камне и выронил автомат. Он хрипел, силясь что-то сказать, но так и не смог произнести ни слова.

94

Миха медленно встал и подошел к Бин Лашену. В полной тишине он принялся его избивать. Ломонос, посмотрев на это секунд десять, оттащил своего командира от террориста. Дав тому пинка, отвел Кемпла в сторону и усадил на камень.

— Если бы не твои сраные деньги, он был бы сейчас с нами!

— Успокойся, — произнес Ломонос, придерживая Кемпла, чтобы тот не сорвался снова. — Успокойся, Кот, уже ничего не вернуть. Ты поступил правильно, у тебя не было другого выхода.

— Ладно, я уже в норме... Но если он еще будет лыбиться, я ему яйца оторву.

— Нет проблем, в случае чего я даже помогу. Кемпл подошел к убитому им солдату и стал снимать разгрузку с остатками боеприпасов. После чего снял бронежилет и приказал надеть его на Первого, как и шлем. Когда боеприпасы распределили поровну, он стал обкладывать мертвеца камнями; к командиру присоединились остальные.

— Спи спокойно, Кружка... — сказал Миха и отдал честь. — Сразу всех предупреждаю: он погиб смертью храбрых в том гроте, и никак иначе.

Когда ритуал был закончен, все снова двинулись в путь. Теперь о деньгах уже точно

никто не помышлял, если у кого и возникали прежде такие мысли.

Воздух становился все теплей, исчезла противная белая плесень и появился мох, где ползало огромное количество сороконожек. Насекомые были разноцветными, что говорило о близости поверхности. В какой-то момент даже показалось, что дует сквознячок, но пока обнаружить его источник никак не удавалось.

— Что за чертовщина? — буркнул Медведь. — У меня такое впечатление, что мы уже прошли выход. Нутром чую.

— Ты прав, — согласился с ним Нюхач. — Опять холодом повеяло, и эта плесень...

— Что ты предлагаешь? — остановив отряд, спросил Миха Кемпл.

— Вернуться обратно, сэр. Медведь прав, такое впечатление, что мы действительно прошли мимо выхода. Возможно, его слегка завалило, а мы из-за усталости и монотонности пути просто не обратили на него внимания.

— Хорошо, возвращаемся.

Отряд повернул обратно. Солдаты придирчиво осматривали стены, сканируя их во всех режимах или просто на полную мощность включая фонарики.

Кемпл обратил внимание на странное поведение Пиромана. Тот иногда останавливался и по несколько минут возился на дороге.

— Ты чего делаешь?

— Сигналки ставлю.

— Так у нас же их нет.

— Это самодельные, из патронов. Пироман показал на патрон с вынутой пулей.

Взрывчатое вещество было смешано с синей солью, а патрон вставлялся в гильзу другим концом. К пуле в свою очередь крепилась прочная нитка.

— И это работает? — с сомнением спросил Миха.

— Теоретически...

— Понятно.

— Ты смотри-ка! — удивленно сказал Медведь, поглаживая стену рукой.

Кемпл сначала ничего особенного не увидел, а потом заметил закономерность в укладке камней и между ними какой-то раствор.

— Черт, действительно! Искусственная стена. И ветерок будто бы. Попробуй ее на прочность, Медведь.

Медведь передал свое оружие Нюхачу и со всей силы принялся толкать стенку, навалившись плечом. Видя его безуспешные потуги, на помощь пришел Ломонос. Вдвоем они налегли на стену, и та, поддавшись, обрушилась.

— Раствор отсырел, — прокомментировал Ломонос. — Или просто пожалели.

— Дерьмо, — обронил Баден-Баден, взглянув в открывшуюся камеру.

— Что там?

Вместо ответа солдат показал череп.

— Там их несколько десятков: пехотинцы, десантники... Кости уже старые, пролежали здесь не меньше десяти лет.

— С чего ты так решил?

— Шевроны. С тех пор они немного поменялись.

— Понятно, — сказал Миха и обратился к Бин Лашену: — Ты же вроде сказал, что эта пещера неизведанная. И что означают эти трупы?

— Насчет пещеры я ничего не знал. В конце концов, не могу же я помнить все ответвления. А скелеты принадлежали пленникам, которые пробивали дополнительные шахты, о которых никто не должен был знать.

— Где выход? И сейчас лучше не ври.

— Здесь есть еще одна стенка, за ней джунгли. Просто все найденные входы в пещеры поблизости от секретной, основной линии замуровывались.

— Он прав, — сказал Бур. — Тут еще одна кладка есть, но она не в пример крепче, нахрапом ее не взять.

— Взорвите ее.
— Не получится, — ответил Медведь. — Взрывы будут поверхностными.
В пещере раздался сухой щелчок, а потом прокатилось эхо.
— Что это было?
— Мой пиропатрон сработал, — будто извиняясь, пояснил Пироман.
— Занять позиции. Глаз, Бур, Нюхач — налево. Ломонос, Баден-Баден — направо.
Пироман, придумай что-нибудь. Ты у нас спец по этим делам.
— Сейчас посмотрим.
Пироман осмотрел стену, потом вытащил свой нож и стал ожесточенно им ковырять.
— Ты чего делаешь?
— Нужно вынуть один камень. Сюда мы вставим заряды от «граника», штук пять, и взорвем их. Дыра должна получиться достаточной.
Сказано, сделано. Сменяя друг друга, солдаты ковыряли цементирующий раствор; от усердия Пироман даже сломал свой нож. Раствор поддавался плохо, но тем не менее один камень удалось вынуть к моменту, когда зазвучали первые выстрелы и ухнула первая граната.
Пироман, торопясь, засунул в образовавшуюся впадину несколько снарядов от гранатомета, засыпав оставшиеся полости мелкими камешками и песком. Боевики наседали, используя огневое преимущество.
— Теперь нужно попасть в одну из гранат.
— Ладно, отходите.
Все вышли обратно в пещеру. Рикошетившие пули долетали уже сюда. Миха, скрывшись за углом, прицеливался из автомата. Где-то взорвалась граната, ударная волна задела Кемпла, и первая очередь прошла мимо. Зато вторая попала прямо в цель. Раздался взрыв, и сквозь серое облако пыли ударил столб света.
Миха подскочил к пролому. Он оказался не очень большим, но ближайшие камни, растрескавшиеся от взрыва, легко поддавались. Вскоре дыра стала достаточно большой, чтобы сквозь нее смог пролезть человек.
— Уходим!
Отряд, отстреливаясь, стал выбираться наружу. Дневной свет сильно слепил глаза, и потому Миха не сразу разглядел пленника, обеспокоенно спросив:
— Где Первый?
— Со мной, — ответил Баден-Баден.
— Тогда бежим отсюда!

95

Гечи Медин поднял голову после того, как взрывом завалило один из выходов. Включив фонарь на полную мощность, он сквозь облака пыли осматривал поле боя. Было довольно много убитых и раненых.
— Господин, господин, вы где?
Но Первый не отвечал. Не оказалось его среди пострадавших. Нашли только останки его охранника, преданного ему как собака. Стало понятно, что его захватили.
— Эти ребята совсем страх потеряли... — нехотя с уважением признал Гечи.
Следовало организовывать погоню, и он первым делом приказал разобрать завал. Он оказался не очень большим, и уже через час появилась возможность проникнуть в туннель. Но от немедленной погони Гечи отказался: уставшим людям требовался полноценный отдых, который он им предоставил.
Раненых перевязали. Среди легкораненых Гечи нашел одного из своей десятки.
— Привет, Кали.
— Видите, командир, руку зацепило осколком.
— Вижу, Кали. Ты себя как чувствуешь?

— Да нормально. Мне столько обезболивающих и стероидов вкололи, что я сейчас сильнее, чем когда здоровым был.

— Хорошо, вот передатчик, сейчас пойдешь к ближайшему выходу и позовешь сюда всех командиров, кто только есть поблизости.

— В пещеру, что ли? — не понял Кали.

— Нет, в этот район. Северники сейчас должны выйти на поверхность, чтобы эвакуироваться, мы их должны встретить. Хотя одну из групп проводи сюда, нужно вынести отсюда все тела.

— Понял. А вы сейчас куда?

— За ними. Теперь иди.

Как и обещал, Гечи Медин отправился в погоню по следу. Отряд он собрал из всех уцелевших, тех, кто не получил ни одного ранения. Таких вместе с ним оказалось восемь человек. Приходилось идти, соблюдая максимальную осторожность, что замедляло их движение, в то время как неверные шли не останавливаясь, но ни одной ловушки так и не обнаружилось.

Следы иногда терялись, северники как могли их скрывали, но опыта у них явно не хватало: поисковая группа достаточно быстро находила новую зацепку и погоня продолжалась.

Но однажды след исчез окончательно. Группа шла наугад, когда наткнулась на холмик из камней. Гечи показалось, что это убили Первого, вытянув из него все, что требовалось, или, наоборот, не получив от него ничего. Но каково же оказалось его удивление, когда под завалом оказался труп «берсерка», даже не заминированного.

Дальше его группа двигалась очень быстро, налицо были все признаки близкого выхода, и эта поспешность дала о себе знать. Кто-то из его бойцов оступился и упал, что-то зацепив. Раскатился гулкий выстрел, и упавший заскулил от боли: от явного, но неглубокого огнестрельного ранения.

— Что там, Фаир?

— Своего рода сигнальный звуковой патрон. Очень интересная работа, нужно будет получше изучить.

— Как-нибудь потом. Раз они поставили сигналку, значит, они где-то близко, и мы обнаружены.

И действительно, через несколько минут завязался бой. Северники отстреливались, но, вопреки своим обычаям, не делали вылазок, что позволило Гечи теснить их, применяя свое тяжелое вооружение, бросая гранаты.

— Эх, жаль огнемета нет, — обронил Фаир. — Сейчас бы мы их поджарили.

— А вместе с ними и Первого.

— Пожалуй, я сглупил...

— Ну почему, просто ты размышляешь как воин, здесь нет ничего плохого.

В тылу северников раздался взрыв, но явно не от одной из гранат отряда Медина; а потом бой как-то сам собой стих. В перестрелке никто из его отряда не пострадал, и, как показал дальнейший осмотр, из северников также все ушли невредимыми.

— Посмотри, что там, — приказал Гечи Фаиру. Тот убежал вперед и вскоре вернулся обратно.

— Они выбрались наружу, проделав дыру в стене.

— Понятно. За ними.

Группа вбежала в комнату со скелетами. Один из бойцов полез наружу. Он вылез и попытался вскарабкаться куда-то наверх, чтобы осмотреться, но тут же упал и больше не поднимался.

— Снайпер, — прокомментировал Фаир. — Дырка точно между глаз.

— Понятно...

Гечи Медин подошел к отверстию и достал рацию. Неизвестно, куда смотрел боец, прежде чем его подстрелил снайпер, а потому неизвестно, куда уходили северники, и никому

сейчас не стоило выходить наружу, чтобы не быть убитым.

Отверстие в стене позволяло работать радиостанции, и Гечи нажал на кнопку вызова. Послышался треск помех и сквозь него чей-то уверенный голос:

— Слушаю.

— Говорит Гечи Медин, охрана Первого. Кто вы?

— Абдул Дайшен.

— Слушай внимательно, в руках северников находится Первый; необходимо, чтобы сюда прибыли все командиры. Следует отбить нашего предводителя!

— Куда двигаться?

Медин продиктовал координаты. На вызов откликнулись еще три главаря, и Гечи удовлетворенно потер руки. Суммарная численность их людей составит около трехсот человек, и весь этот район взяли в плотное окружение. «Против такой армии ничто не устоит, — подумал Гечи. — Даже эти «берсерки», будь они неладны».

— Ну что расселись? В погоню...

Один боец осторожно выглянул из отверстия в стене и решительно полез наружу. С ним ничего не произошло, и полезли все остальные.

96

Отряд бежал со всех ног, бросив все лишнее еще в пещере. Первый как мог саботировал передвижение, но, получив пару хороших ударов, побежал резвее. Вскоре отряд нагнал Глаз; он подстрелил одного из боевиков, обеспечив группе небольшую фору во времени.

— Быстрее, быстрее, — поторапливал всех Миха Кемпл.

Ситуация была знакома, следовало убежать как можно дальше, прежде чем вызывать эвакуатор. Иначе вертолет могли сбить еще на подлете или, что еще хуже, — вместе с ними.

Но, видимо, не получалось. Впереди показался Нюхач: он уходил вперед на разведку и теперь вот вернулся. Он поднял кулак вверх, и все остановились как вкопанные, а потом, присев, притихли. Первому сразу же сунули в рот огромный кляп.

— Что там?

— Боевики, много. Они очень близко. Обойти будет довольно сложно.

— Обложили, с-суки...

— Что-то мне говорит, что их еще больше, — сказал Ломонос.

— Мы снова в окружении. Баден-Баден, — позвал Миха солдата. — Маяк еще не потерял?

— Нет, вот он.

— Поставь его на ракетный обстрел, закажи двадцать изделий.

— Поставил.

— Бросай.

Солдат кинул маяк в сторону боевиков. На него будут наводиться ракеты.

— Хорошо, а теперь уносим отсюда ноги. Двигаемся на вершину, будем отбиваться.

— Долго мы не продержимся.

— Я знаю, потому вызову эвакуацию прямо сейчас, со своего маяка.

Уставшие люди бежали на вершину горы. Сопка была каменистой и почти лысой, деревья тут не росли, и Миха боялся, что его людей подстрелят, но этого не случилось.

Преследователям стало не до маленького отряда. Кто-то непонятным образом заметил в небе ракеты, и боевики кинулись врассыпную. Но разброс у ракет был достаточно большим, и двадцать штук основательно перепахали заданную местность, серьезно уменьшив ряды бородачей. Но не настолько, чтобы они отказались от дальнейшей погони.

Боевики остановились на краю леса, где рос густой кустарник, дававший возможность спрятаться и не попасть под выстрел снайпера. А то, что он там есть, и неплохой, все были осведомлены.

К моменту, когда подошли боевики, солдаты успели окопаться, наспех создав огневые точки и соорудив заграждение из камней.

— Чего они ждут?

— Подхода остальных.

— Когда будет вертолет?

— Не знаю. Но думаю, что часа через два — два с половиной. Все зависит от того, как быстро примут решение и с какой базы отправят помощь.

— За это время они могут нас двадцать раз с землей сровнять.

— У нас Первый, они будут действовать аккуратно.

Спустя пять минут из леса послышался усиленный мегафоном голос:

— Неверные! Отдайте нам нашего предводителя, и мы отпустим вас. Мы даже забудем о недавнем обстреле, унесшем жизни многих хороших воинов. — Не получив ответа, голос продолжил: — Вы окружены, вам никуда не уйти, и никто вам не поможет. Отдайте Первого в обмен на свою жизнь.

— Знаем мы ваши обещания, — проворчал Кемпл. — Медведь, ты определил его?

— Только примерно.

— Ну и хрен, пусти в него гранату.

— Хорошо.

Медведь прицелился по высокой навесной траектории. Голос заговорил вновь, дав скорректировать прицел, и Медведь выстрелил. Граната упала куда-то в кусты, раздался взрыв и усиленный динамиком крик раненого, что оказалось лучшим свидетельством прямого попадания.

— Молодец.

— Да пара пустяков...

Крики оборвались: кто-то отключил мегафон, чтобы не деморализовать остальных бойцов.

— Ну сейчас они попрут.

— Да, пожалуй, я поторопился с приказом...

Медведь не ошибся. Начался шквальный обстрел из стрелкового оружия. Своеобразный подготовительный «артобстрел».

Боевики окружили солдат и начали медленно, но верно пробираться выше, пользуясь всеми естественными выступами и укрытиями. Они могли бы просто забросать северников гранатами, но не делали этого, поскольку солдаты разместились довольно кучно и Первый был между ними, а убить его казалось ужасным.

— Глаз, Медведь, на вас вся тяжелая артиллерия, — на всякий случай напомнил Кемпл.

Солдаты, скрывшись за камнями, максимально использовали электронику «корсаров», выбивая бородачей одного за другим. Стеля одиночными, высунув автомат из-за укрытия, сами при этом оставаясь почти неуязвимыми для пуль противника. Только изредка высываясь, чтобы полнее оценить происходящее и принять правильное решение.

Сложнее приходилось Медведю: тонкие системы наведения у ручных гранатометов не предусматривались, и ему, как Буру с Глазом с их трофейным оружием, приходилось при каждом выстреле показываться из-за укрытия.

Баден-Баден поменялся шлемом с Первым, доставшимся тому от Кружки. Дав ему свой и забрав исправный, Баден-Баден теперь являлся полноценной боевой единицей.

Крутая каменистая вершина была словно создана для обороны, и подойти незаметно было практически невозможно. Кроме того, солдатам не приходилось перебегать с места на место, чтобы держать под прицелом весь сектор.

Бойцы продвигались медленно: за час отряды преодолели не более ста метров, потеряв при этом убитыми и ранеными около пятидесяти человек. Кроме того, с каждым метром

естественных укрытий становилось меньше и они становились менее эффективными.

— Может, отвести людей? — предложил Абдул Дайшен, один из командиров.

— И что? — удивился Гечи Медин. — Чтобы потом все начать сначала? На наступление ночи можешь не рассчитывать. В темное время суток «берсерки» действуют еще эффективнее. К тому же мой радист доложил, что у них там маяк работает; скорее всего, они вызвали эвакуатор. Иначе бы нас давно уже накрыло...

— Ох, не напоминай мне об этом. Я только что половину отряда едва не потерял в этой бомбардировке.

— Ну вот, так что их нужно дожимать. У нас не так-то много времени.

Ухнул очередной взрыв, и снова замолчал пулемет, прикрывавший продвижение людей к вершине.

— Гази, иди к пулемету.

— Э-э... командир...

— Иди, я сказал!

— Слушаюсь.

Гечи витиевато выругался. Уже шесть пулеметчиков отправились на тот свет, и с каждым разом назначать нового становилось все сложнее. Добровольцев после третьего раза уже не находилось, поскольку люди считали, что это верная смерть и лучше идти на штурм, где шансов погибнуть гораздо меньше, а тут то снайпер дырку в башке сделает, то гранатометчик гранатой залепит.

Застучал с новой силой пулемет, активизировались бойцы, продвинувшись наверх еще на полтора метра. Не остались в долгу солдаты, и еще пара воинов Всевышнего, взмахнув руками, покатались вниз.

Боеприпас стремительно подходил к концу. За полтора часа боя боевики подошли очень близко, на отдельных направлениях подползши на пятьдесят метров.

Миха откатился назад, чтобы поменять последний магазин с патронами, который и без того наполовину опустел. Грудь саднило, голова гудела от трех попаданий по шлему. Картинка на бронестекле временами подрагивала из-за касательного попадания; стекло в месте удара замутилось и пошло мелкими трещинками, затрудняя обзор.

У Медведя уже давно закончились гранаты, и он раздал свои магазины другим, поскольку, получив ранение в плечо, не мог хорошо стрелять из автомата, но тем не менее вытащил пистолет и изредка посылал пули почти вслепую.

У остальных солдат дела обстояли не лучше.

— Кот, — позвал Ломонос по радио Миху Кемпла. — Нам не продержаться до подхода вертолетов.

— И что ты предлагаешь?

— Грохнуть эту суку. В живых они нас все равно не оставят.

Миха оглянулся на Первого, тот лежал неподвижно. Ему вкололи отменную дозу обезболивающего, и он просто уснул.

— Грохнуть мы его всегда успеем.

— Тогда чего ты ждешь?

— Не знаю. Чуда...

— Чудес не бывает, командир.

— Я знаю.

Миха еще немного пострелял, убив одного и трех ранив. Потом скосил глаза, глянув в угол бронестекла. Там фиксировался остаток боекомплекта в рожке, всего значилось девять патронов. «Это еще не считая двадцати в пистолете, — вспомнил Миху. — Но толку от них, как от козла — молока».

— Сейчас они в рывок пойдут.

— Ладно. Слушайте меня внимательно! — обратился ко всем солдатам Кемпл. — У кого еще остались маяки, приведите их в положение «Огонь на себя». Наберите по двадцать,

по тридцать единиц и бросайте во все стороны света.

Солдаты произвели необходимые манипуляции, введя нужные коды, и бросили маяки как можно дальше от себя.

— А теперь не давайте их сломать. Да... и вколите себе по дозе обезболивающего. Не хватало еще, чтобы мы от болевого шока загнулись.

Боевики сначала шарахнулись в стороны, думая, что это гранаты, но вскоре, разобравшись, в чем дело и чем это для них чревато, попытались дотянуться, чтобы переломить маяки, отменив поставленную на них установку. Но этому активно мешали. Солдаты подстреливали каждого, осмелившегося высунуться из укрытия.

Но, несмотря на все их усилия, два маяка все же повредили. Их разбили на мелкие осколки автоматными очередями, но остальные пока оставались невредимыми.

С неповрежденных маяков сигнал уходил в космос. Оттуда поступал в контрольный штаб, где сигнал проверялся на достоверность и обрабатывался. Места выхода сигнала накладывались на карту и уже в соответствии с плоскостями поступали приказы на базы ракетных станций, где командиру батареи нужно было только нажать на кнопку: «Пуск», что и было сделано.

Ракеты типа «Земля-земля», покинув жерла направляющих, уходили высоко в небо, чтобы взорваться где-то за десятки километров.

Миха расходовал последние пули из своего «ПМД-9», не давая боевикам дотянуться до трех оставшихся маяков, когда почувствовал острую боль в плече: его будто обожгло в районе лопатки, да так, что исчезла возможность пошевелить рукой. Миха упал, невыносимая боль гасила сознание. «Хорошо, что я еще анаболик вколол», — успел подумать Кемпл и упал.

Уже лежа на спине, он почувствовал содрогание почвы. Сначала редкое, но учащающееся, и вот уже земля дрожала не переставая.

Четыре вертолета вылетели из-за сопки. Два «беркута», разведчик — «шмель» и эвакуатор «РН-11».

— Ни хрена себе! — воскликнул командир звена. — Да тут земля буквально кипит!

Боевые части ракет ровняли с землей одну из гор. Мощные взрывы вздымали груды породы в воздух, образуя купола из земли и огня и обрушивая все это вниз. Впрочем, продолжалось это недолго, но пейзаж выглядел поистине как лунный.

— И что, есть кто живой?

— Говорит «шмель», фиксирую работу передатчика на самой вершине.

— Делать нечего, — согласился командир авиационного звена. — Если работает маяк, могли уцелеть и люди.

— Внимание, движение в районе подножия.

— Ясно. Работаем по стандартной схеме. «Одиннадцатый», подбирай оставшихся, если там вообще кто-то уцелел, в чем я сильно сомневаюсь. Остальные раскручиваем «Воронку».

— Есть, командир.

Эвакуатор с поисковой группой и «шмелем» ушли подбирать уцелевших. С «РН-11» на трассах спустились поисковики и стали бегать от воронки к воронке в поисках передатчика и людей.

А два «беркута» расходились в стороны, взяв вершину полуразрушенной горы за центр своей «Воронки». Вертолеты встали друг напротив друга и открыли огонь неуправляемыми ракетами и пушками, двигаясь по часовой стрелке, будто вворачивающийся винт. Ракеты взрывали все, что им попадалось на пути, и оставшиеся после недавней бомбежки боевики сломя голову драпали через лес, не разбирая дороги. Спорить с «беркутами» никто не хотел. А вертолеты жгли и жгли всю местность под собой.

Они успели сделать пять оборотов, основательно перепахав землю, когда с «РН-11» передали:

— Порядок. Всех, кого нашли, — погрузили.

— Точнее.
— Девять человек, как и показывал маяк.
— Тогда уходим.
И «беркуты», сделав прощальный залп, направились к ближайшей базе.

98

— Здравствуйте, полковник.
— Здорово, герой! — браво поприветствовал полковник Брамвей и вошел в госпитальную палату. — Отдыхаешь?
— Есть немного...
Миха Кемпл со своими людьми уже третью неделю валялся в госпитале, но на то были свои причины: серьезные раны. Снайпера с Пироманом вообще едва откачали, и они до сих пор еще находились в коме.
— Что там Первый? Говорит?
— А куда он денется?! — хохотнул полковник. — Я чего пришел? Ах да! Вам, как особо отличившимся, полагается награда.
— И какая?
— С вашего срока списывается по полгода. Ну и денежный бонус, куда ж без него? Тем более что Первый столько счетов выдал, с такими миллионами, что закачаешься.
— Сэр, а нельзя ли немножко по-другому сделать?
— Что именно?
— Полгода остаются за мной, но вы даете мне четыре месяца отпуска.
— Зачем так много?
— Домой съездить. Пока туда, пока обратно, мне там с неделю и останется погулять.
— Ну...
— Все равно нам сейчас не до боев, еще лечиться и лечиться. А бонуса наверняка хватит на билеты.
— Хорошо, — сдался полковник. — Я могу это устроить, что только не сделаешь для героев.
— Спасибо, сэр. Я вам очень благодарен.
— Да ладно уж...

На самом деле Миха хотел домой совсем по другой причине. Врать родителям бесконечно было нельзя, и он вообще удивлялся, как они еще обо всем не догадались. Другой причиной являлся «белый сон», он наваливался все чаще и чаще, и с этим нужно было что-то делать, иначе могли просто списать и отправить отсиживать оставшийся срок в тюрьме. Миха надеялся, что гражданские врачи сумеют ему помочь в этой беде. Последней причиной был Призрак. За время лежки в госпитале он так надоел ему, что Кемпл решил избавиться и от него.

99

Миха полной грудью вдохнул тухловатый воздух Вимеи. Он прилетел на свою родню планету, и все эти противности, вроде запаха, витающего в воздухе, и вездесущего гнуса, были пока что в радость. Ведь он так долго не видел дома.

Наступал вечер, и Миха взял такси, чтобы не трястись в общественном транспорте.

— Куда?

— Красноперского, двенадцать.

Машина такси резво катила от космодрома к городу по автостраде, построенной на сваях, уходивших на десятки метров в глубину болот.

Когда машина въехала в город, опустилась ночь. Такси остановилось, не доехав до названного адреса целый квартал.

— Извини, солдат, но дальше я не поеду, — сказал таксист. — Я даже двадцатник тебе сброшу.

— А чего так?

— Банда там нехорошая орудует. Днем еще ничего, а ночью...

— Понятно.

— Может, я тебя в гостиницу отвезу, для спокойствия? Кстати, вон и они.

По улице шла компания.

— Не нужно, — ответил Кемпл, расплачиваясь с таксистом. — Я выйду здесь.

— Как знаешь.

Такси резко взяло с места и укатило прочь.

— Дядя, за проход по улице нужно платить, — сказал какой-то оборванец, весь увешенный цепями.

— Сколько?

— Полтинник.

— Нынешняя молодежь совсем обнаглела.

— Ты чего мелешь, мужик? Гони бабки! Компания взяла Кемпла в кольцо, Миха насчитал двенадцать человек.

— Знали бы, на кого напали. Но что ж, сами виноваты, — сказал Кемпл и сделал первый выпад.

Один из молодчиков согнулся пополам, держась за почку. Миха вклинился в их ряды, выводя еще одного из игры, отправив в глубокий обморок ударом в голову. Кто-то бросился, размахивая водосточной трубой, но Кемпл сделал захват, бросив нападавшего на асфальт и жестко ударив его же трубой плашмя в грудь, с глухим хрустом ломая ребра.

Миха заторможено остановился. «Только не сейчас! — в отчаянии подумал Кемпл. — Я так и знал, что однажды ты придешь в самый неподходящий момент. Только не сейчас...»

— Прошу, только не сейчас, — чуть слышно прошептал Миха.

Но «белый сон» не поддавался уговорам. Заторможенного Кемпл а повалили на землю, ударив сзади по голове, и стали избивать.

100

На этот раз сознание, против обычного, возвращалось медленно. Оно приходило рывками и снова исчезало, погружая Кемпла в темноту.

— Привет, Призрак, — поздоровался Кемпл. — Ты плохо выглядишь...

Стояла белая пелена, объекты были плохо различимы, но Призрака Миха видел, впрочем, тоже словно через марлю.

— Скорее прощай, — ответил Призрак и стал таять прямо на глазах.

— Почему?.. Впрочем, это даже к лучшему. Призрак исчез. Накатила боль, все стало ясным и отчетливым. Кемпл определил, что находится в больничной палате и что рядом кто-то сидит.

— Мама?

— Это я, сынок! Ты очнулся!

Началась настоящая кутерьма. Запищали приборы, прибежали медсестры, о чем-то чирикавая между собой, важно, словно петух, вошел доктор. Он замерил пульс, посмотрел на записи медицинского самописца и произнес:

— Все просто замечательно. Невероятно... Хотя завтра можно на выписку.

Миха плохо соображал, но понимал, что что-то во всем этом не так. Но что именно?

— Как долго я здесь?

— Три недели. Ты был в коме... ты очень сильно ударился головой. Врачи сказали, что тебе даже повредили мозг... сильный ушиб.

— Три недели! — не поверил Миха. — Да полковник меня убьет!

— Какой полковник? — не поняла мать.

«Свет, белый свет, и я на спине... — стал припоминать свои «белые сны» Миха, глядя в потолок, где светили яркие лампы. — Как странно...»

— С тобой кое-кто хочет познакомиться, — несмело сказала мать.

— Кто?

Вместо ответа открылась дверь, и в палату прошла девушка.

— Привет, Ингрид.

— Почти угадал, меня зовут Инга.

Кемпл сразу все понял, но не знал, как к этому отнестись. Разочарования не было, не было ничего...

— Что у тебя в руках?

— Твой проигрыватель.

— Включи какую-нибудь песню, наугад.

— Я включу лучше ту, которая мне больше всего нравится.

— Хорошо, включай.

Заиграла музыка, Кемпл ее узнал сразу же: песня началась с середины.

— Пожалуй, она все объясняет.

— Что объясняет?

— Это уже не важно... Лучше включи погромче...

Закрою глаза, имитируя страх,
Имитируя стон на застывших губах,
Имитируя битву своих и чужих,
Я читаю молитву одну на двоих.
Когда я вернусь, будь рядом со мной,
Я смерти учусь, я буду другой.

Я вижу сон, я вижу свет,
Я жгу костер больших побед.
Я вижу сон, где я герой,
Где все мое, где ты со мной.